DK
651
D4P4

5077

Class _____

Book _____

~~YUDIN~~ COLLECTION

64-3

5077

№ 77.

ГОРНЫЙ ГОРОДЪ

ДЕДЮХИНЪ

и

ОКОЛЬНЫЯ МѢСТНОСТИ.

ДМИТРІЯ ПѢТУХОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Petuhov, Dmitrii

ГОРНЫЙ ГОРОДЪ

ДЕДЮХИНЪ

И

ОКОЛЬНЫЯ МѢСТНОСТИ.

ДМИТРІЯ ПѢТУХОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
1864.

DK651
.D794

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1863 года.

ГОРНЫЙ ГОРОДЪ

ДЕДЮХИНЪ

и

ОКОЛЬНЫЯ МѢСТНОСТИ.

Лѣтопись.

Пермскіе соляные промыслы находятся въ Соликамскѣ, горномъ городѣ Дѣдюхинѣ и въ селахъ — Ленвѣ и Усольѣ. Предметомъ настоящаго изслѣдованія будетъ Дѣдюхино (*). Объ основаніи его въ печати допускаются два мнѣнія: одни (г. Устряловъ въ „Именитыхъ людяхъ Строгановыхъ“) говорятъ, что Дѣдюхинскій промыселъ заведенъ Строгановыми, а другіе („Горный Журналъ“ 1827 и 1856 г.) утверждаютъ, что онъ основанъ Пыскорскимъ монастыремъ. Оба эти мнѣнія въ печати не опираются на очевидныя доказательства. Но, кромѣ печати,

---

(*) Народное, общеупотребительное названіе.

мнѣ случилось читать двѣ рукописи, изъ коихъ въ одной г. Волеговъ придерживается перваго, а въ другой священникъ Словцовъ — втораго мнѣнія. Мнѣнія свои какъ г. Волеговъ, такъ и г. Словцовъ основываютъ на однѣхъ и тѣхъ же актахъ. Которое же изъ этихъ мнѣній оправдывается историческими и мѣстными соображеніями?

Для рѣшенія заданнаго вопроса развернемъ тѣ же древнія хартіи (*) и разсмотримъ ихъ терпѣливо. Ни въ спискахъ съ писцовыхъ книгъ, ни въ спискахъ съ дарственныхъ записей, ни въ спискахъ съ жалованныхъ граматъ Пыскорскому монастырю и Строгановымъ, ни въ уцѣлѣвшихъ надписяхъ—нигдѣ не говорится о Дѣдюхинѣ буквально до 1700 года. Въ этомъ году между именитымъ человѣкомъ Григорьемъ Дмитріевичемъ Строгановымъ и настоятелемъ Пыскорскаго монастыря архимандритомъ Пафнутіемъ, состоялась договорная запись, изъ которой г. Волеговъ въ рукописи своей приводитъ выписку такого содержанія: *и которые соляныя трубы и варницы устроены на вотчинной землѣ данья родственниковъ его именитыхъ людей и его, Григорья Дмитріевича, въ селѣ Рожественскомъ (**), а Дедюхино тоже, да на Березовомъ острову построены; такъ же въ тѣхъ промыслахъ намъ, архимандриту съ братіею, соляныя трубы дѣлать и варницы ставить въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, и тѣми варницами намъ, архимандриту съ братіею, соли варить на всякой годъ по 90,000 сапецъ* (540,000 пудовъ) *и дровъ къ тѣмъ варницамъ на всякой годъ покупать по 50,000 саженъ. А та выварочная соль купцамъ намъ продавать и дрова покупать по совѣту всей братіи и призвавъ его именитаго человѣка людей, которымъ отъ его*

(*) Здѣсь разумѣются бумаги, которыми я пользовался по благосклонности г. Словцова, который въ описаніи Пыскорскаго монастыря о Дѣдюхинѣ говоритъ очень кратко; а г. Волеговъ въ сочиненіи о фамиліи Строгановыхъ еще короче его.

(**) Изъ чеканки на соборной иконѣ видно, что въ 1684 году Дѣдюхино называлось Рожественскимъ усольемъ.

приказано будетъ; а безъ тово совьту и не взявъ у всей братіи и его именитаго человька людей заручнаго приговору, той соли не продавать и въ отпускъ нанизъ для продажи не отпускать, для того, что Пыскорской монастырь (*) — строеніе родственниковъ его именитыхъ людей и его Григорья Дмитріевича и на ихъ вотчинной земли. И въ той соляной продажи и въ покупкъ дровъ отъ всей нашей братіи и отъ людей его именитаго человька утайкой и никакимъ вымысломъ ничего не дѣлать.

На этой выпискѣ изъ договорной записи г. Волеговъ основалъ свое мнѣніе, а потому она заслуживаетъ того, чтобъ вглядѣться въ нее попристальнѣй. Изъ нея видно, что Дѣдюхинскія соляныя трубы и варницы будто построены на вотчинной землѣ данья гг. Строгановыхъ: но кѣмъ онѣ устроены— самимъ ли монастыремъ или Строгановыми?—изъ нея не видно, и только съ натяжкою можно вывесть по ней заключеніе, что означенныя варницы есть данье Строгановыхъ старцамъ. Если такъ—то когда же онѣ дарованы монастырю? Ни въ данныхъ записяхъ, ни въ ободной правой грамотѣ (**), данной царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ монастырю въ 1684 году не говорится о томъ ни слова, тогда какъ въ помянутой грамотѣ весьма опредѣлительно говорится о варницѣ, устроенной на островѣ Побоищномъ (***), иначе Березовомъ, и приписанной къ монастырю Никитою Строгановымъ въ 1604 году, а въ спискѣ съ писцовой книги ($16^{24}/_{25}$ г.) Кайсарова упоминается о пустой варницѣ на рѣчкѣ на Пыскоркѣ, данной Яковомъ да

(*) Здѣсь слѣдуетъ разумѣть новый, а не старый монастырь, что впрочемъ разъяснится ниже.

(**) Списокъ съ нея хранится въ Дедюхинской чертежнѣ. Напечатана во *Временникѣ Общ. Ист.* кн. 18. *Смѣсь.*

(***) Побоищный островъ въ ободной правой грамотѣ подъ 1660 годомъ названъ монастырскимъ съ обозначеніемъ на немъ варницъ; а нынѣ онъ слился съ материкомъ и зовется Березникомъ. На немъ въ 1572 году было побито дикими племенами много торговыхъ людей.

Григорьемъ да Семеномъ Строгановыми въ 1570 году. Такая точность записей даетъ полное право заключить, что еслибъ Дѣдюхинскія варницы были утверждены за монастыремъ до 1700 года, то объ нихъ, какъ о значительномъ даньѣ, была бы такая же опредѣлительная запись, какъ и о варницѣ Пыскорской и Побоищной. Поэтому утвердителемъ или по записи дателемъ Дѣдюхинскихъ трубъ и варницъ монастырь хотѣлъ выставить Григорья Дмитріевича Строганова, который, какъ жившій въ 1700 году, никакъ не могъ участвовать въ постройкахъ 1560 года. Но старцы въ записи и Пыскорскій монастырь назвали *и его Григорья Дмитріевича* строеньемъ. Такое даруемое записью Строганову участіе въ монастырѣ увѣряетъ, что старцы чрезвычайно нуждались во Строгоновскомъ вліяніи. Иначе не для чего было бы имъ составлять такія записи и принимать такія ограничительныя и обременительныя условія, которыя впослѣдствіи братія не могла выполнить и въ 1763 году, вываривая только 419,056 пудовъ, а не 526,000, какъ требовалъ указъ 1721 года подъ опасеніемъ отдать промыселъ охочимъ людямъ; указные 526,000 были все-таки менѣе 540,000, опредѣленныхъ Строгановымъ. Архимандритъ же Пафнутій, заключавшій договорную запись съ Григоріемъ Дмитріевичемъ, не былъ такъ простъ, чтобъ ни съ того ни съ сего подвергать себя съ братіею могучей силѣ тяжкаго договора, а напротивъ былъ правитель дальновидный (*), ловкій и дѣятельный, какъ видно изъ упомянутой ободной правой грамоты, и слѣдственно достойный совмѣстникъ Григорья Дмитріевича Строганова, человѣка чрезвычайно ловкаго, пользовавшагося благосклонностію Петра 1-го и дружелюбіемъ святителя Ростовскаго. А потому такой дѣятель, какъ отецъ Пафнутій, не даромъ принялъ тягостный договоръ отъ своего могучаго дателя. Принять отяготительный договоръ заставило братію,

---

(*) Предусмотрительностію отличаяся и архимандритъ Евѳимій.

по всей вѣроятности, то, что Дѣдюхинскія соляныя трубы и варницы не были устроены самимъ монастыремъ. Иначе—еслибъ Дѣдюхинскій промыселъ былъ основанъ старцами, то дальновидному Пафнутію, охраненному царскою грамотой, запрещавшею подъ жестокимъ наказаніемъ всякое вмѣшательство въ заводы монастырскіе, не было бы надобности входить въ какія бы то ни было договорныя записи со Строгановымъ.

Итакъ Дѣдюхинскій соляный промыселъ не былъ основанъ ни монастыремъ, ни Строгановыми, а утвердителемъ его за монастыремъ заявленъ въ записи Строгановъ. Какими же судьбами достался промыселъ монастырю и для чего понадобилось старцамъ заявленіе утвердителемъ Строганова? Для рѣшенія этихъ вопросовъ слѣдуетъ воротиться ко времени заселенія здѣшнихъ мѣстъ выходцами изъ Россіи, и по имѣющимся спискамъ съ древнихъ бумагъ и по преданіямъ опредѣлить время основанія Дѣдюхина съ вѣроятною приблизительностію.

Заселеніе здѣшнихъ мѣстъ русскими выходцами началось гораздо ранѣе первой жалованной грамоты царя и великаго князя Іоанна Васильевича Строгановымъ, то есть, ранѣе 1558 года. Выходцы селились здѣсь безъ всякаго порядка самовольно, кто гдѣ находилъ для себя пристойнымъ, и проживали такъ безвѣстно, что въ народѣ породили поговорку: *канулъ, какъ въ Камскій мохъ;* сами Строгановы помѣстились здѣсь самовольно, прежде царскаго дозволенія. Въ рукописи г. Волегова приведена выписка изъ Сибирской исторіи профессора Фишера, подтверждающая преждевременное самовольное заселеніе здѣшнихъ мѣстъ Строгановыми, перемѣстившими сюда людей изъ Соль-Вычегодска. Самый монастырь былъ основанъ гораздо ранѣе первой жалованной царской грамоты Строгановымъ, близь инородческаго селища Канкора. Въ этомъ убѣждаетъ то, что цѣль иноческаго подвижничества въ тѣ времена состояла въ проповѣданіи слова Божія племенамъ дикимъ, обожавшимъ даже *березу*. Подвиги свят. Стефана, Іоны и Питирима были еще свѣжи въ памяти иноковъ и служили образцомъ для нихъ. Для

чего же было бы инокамъ основаться на Пыскоркѣ, еслибъ тутъ не было непросвѣщеннаго святымъ крещеніемъ Канкора? Но приверженцы Строгановыхъ заявили, что Пыскорскій монастырь основанъ Строгановыми для поминовенія душъ своихъ предковъ и моленія за великихъ государей. Какъ ни благовидно такое заявленіе, но оно не совсѣмъ точно. Разыскивая старинныя записи о здѣшней мѣстности, я напалъ на прошнурованное и скрѣпленное по листамъ собраніе списковъ съ грамотъ (*) Пыскорскаго монастыря; и въ грамотѣ Алексѣя Михайловича къ Соликамскому воеводѣ, князю Петру Семеновичу Прозоровскому, прописана челобитная Соликамскихъ посадскихъ людей, которые жаловались, что *Пыскорскаго де монастыря старцы владнютъ нашею отводною землею, промежъ Чердынскою и Соликамскою землею, поставили храмъ и устроились* и проч. Значитъ, по словамъ Соликамцовъ старцы устроивались на Пыскорѣ сами. Первоначальная устроенность монастыря самими старцами видна еще изъ данной записи Якова да Григорья да Семена Аникіевичей Строгановыхъ, напечатанной въ „Путешествіи Берха". Запись эта состоялась въ 1579 году и въ ней большая церковь Преображенія Господня названа *ветхою безъ пѣнія* и стоящею *на старомъ мѣстѣ, гдѣ монастырь былъ*. Еслибъ монастырь былъ основанъ въ 1560 году Строгановыми, то могла ли церковь въ 1579 году, то есть черезъ 19 лѣтъ послѣ основанія обители, прійти въ какую ветхость, что оставалась безъ пѣнія, когда деревянный домъ, построенный въ Дѣдюхинѣ казною, стоялъ 93 года и былъ годенъ для житья начальнику завода? Одна только долговременность могла привести церковь въ негодную ветхость. Ясно, что церковь стояла долго и слѣдственно была воздвигнута задолго до 1560 года. Въ „Житіяхъ же святыхъ Россійской церкви" (Январь стр. 426 и 427) говорится.

(*) Акты Дѣдюхинскаго солянаго правленія. Списки съ нѣкоторыхъ изъ этихъ прошнурованныхъ актовъ имѣются и у меня.

что иноки проникали по Камѣ до Чусовой ранѣе 1462 года. Ужели они, проникая такъ далеко, чрезъ цѣлое столѣтіе не успѣли нигдѣ пріютиться до 1560 года? Нѣтъ; они, по всей вѣроятности, нашли себѣ пріютъ на Пыскорѣ и тамъ основались, въ чемъ увѣряетъ состояніе церкви, пришедшей въ 1579 году въ такую ветхость, что въ ней невозможно было совершать богослуженія *на старомъ мѣстѣ, гдѣ монастырь былъ* (*). Что монастырь существовалъ ранѣе жалованной грамоты, то видно еще изъ описанія монастырской вотчины Кайсаровымъ, у котораго сказано, что въ 1552 году приложена въ монастырь пожня Спиридонкомъ Степановымъ сыномъ Гульбинскимъ. Какимъ же образомъ могла быть пожертвована монастырю въ 1552 году пожня, еслибъ монастырь былъ построенъ Строгановыми въ 1560 году. Значитъ, монастырь существовалъ ранѣе Строгановской записи и Строгановы, быть можетъ, участвовали въ постройкѣ новаго нагорнаго монастыря, а не стараго или подгорнаго.

Все это показываетъ, что здѣшнія мѣста кое-гдѣ были заселены и выходцами изъ Россіи и туземцами еще прежде разрѣшенія царева. Заселенность ихъ видна и изъ царской первой грамоты. Не будемъ приводить словъ ея сполна, потому что она напечатана въ „Путешествіи Берха", а обратимъ вниманіе на сущность ея содержанія. Прочитывая ее неоднократно, невольно убѣждаешься, что она дана царемъ съ большою осторожностію и съ подробными оговорками, возбуждающими мысль, что царь какъ будто бы сомнѣвался въ правотѣ просьбы Строганова. Но какъ бы то ни было, а Строгановы все-таки получили грамоту, главныя основанія коей заключались въ томъ, что имъ дозволялось: а) занять пустыя, никому неотданныя и

(*) Въ житіи преподобнаго Трифона (Октябрь) Пыскорскій настоятель Варлаамъ названъ основателемъ монастыря; изысканія же г. Словцова открыли, что до него былъ настоятелемъ Силуанъ, а при Варлаамѣ монастырь со стараго мѣста изъ-подъ горы перенесенъ на гору, на новое мѣсто.

никѣмъ незанятыя, мѣста по обѣ стороны Камы—съ одной стороны отъ Лысвы рѣчки, а съ другой отъ Пызновскія курьи, со льготою на двадцать лѣтъ, то есть съ 1558 по 1578 годъ; б) дозволялось, для обереженія отъ Ногайскихъ и другихъ ордъ, устроить городокъ а называть въ него жильцовъ нетяглыхъ изъ Россіи и Перміи; г) жильцы эти получали права вольныхъ поселянъ или, по грамотѣ, слобожанъ, получающихъ такія же льготы, какъ и Строгановъ, на 20 лѣтъ; г) Строгановъ же получалъ власть судить и рядить своихъ слобожанъ во всемъ самъ, то есть, онъ дѣлался главою поселившагося тутъ свободнаго общества и получалъ право заводить новыя угодья, въ которыя Пермичи не вступались бы, а владѣли своими старыми ухожаи; д) по минованіи льготныхъ лѣтъ всѣ подати вносить имъ на Москвѣ въ казну. Всѣ эти права давались Строганову по увѣренію не всѣхъ Пермичей, а одного только Кадаула, пріѣзжавшаго въ Москву съ данью. „*А буде Григорій намъ по своей челобитной ложно билъ челомъ или станетъ не по сей грамотѣ ходити или учнетъ воровати и ся моя грамота не въ грамоту*“, заключилъ свое жалованье царь. Допуская такія оговорки въ грамотѣ, царь вѣроятно имѣлъ въ виду другія предположенія, несогласныя съ челобитной. И немудрено, если взять въ соображеніе, что Пермскій епископъ Іона съ иноками, крестя туземцовъ, проникалъ до Чусовой на цѣлое столѣтіе ранѣе просьбы Строганова, а Соликамскъ подъ именемъ Соли-Камской существовалъ въ 1505; владѣнія же Соликамцовъ простирались за устье рѣчки Зырянки.

Что на испрашиваемыхъ прибрежьяхъ Камы могли жить инородцы, то обличаетъ оговорка, допущенная въ грамотѣ: *а Пермичи владѣютъ старыми ухожаи, которыми изстари владѣли; и въ новыя угодья имъ, Пермичамъ, не вступаться.* Кому же было вступаться въ новыя угодья и кому же было владѣть старыми ухожаи, если въ тѣхъ прибрежьяхъ не было никакихъ туземцовъ? Въ такомъ случаѣ оговорка не требовалась; она нужна только тамъ, гдѣ предвидится споръ съ близ-

кими сосѣдями. Въ грамотахъ же мы читаемъ, что на земляхъ, приписанныхъ Строгановыми Пыскорскому монастырю, жили Татарове и Остяки, съ которыми нововселенцы могли сойтись миролюбиво, а потомъ, поссорившись изъ-за привольныхъ угодій, завладѣть селищами инородцовъ насильно. Эти отважные промышленники не усомнились и не устрашились снарядить отчаянную рать для покоренія Сибири, то ничего не стоило для нихъ завладѣть какими-нибудь прикамскими ухожаями Пермичей. Свободно можно допустить, что легкость завладѣнія прикамскими селищами возбудила увѣренность въ легкомъ покореніи Сибирскаго царства. За успѣхомъ всегда слѣдуетъ отважность на большія предпріятія, и если Сибирь не устояла противу натиска снаряженной Строгановыми дружины, то какъ могли бороться съ грозными пришельцами утлые Канкоръ и Кергеданъ, жители коихъ вытѣсненные съ родныхъ мѣстъ, мстили обидчикамъ, дѣлая набѣги на ихъ займища и промысла съ толпами одноплеменныхъ дикарей? Набѣги инородцевъ на прикамскіе городки были учинены въ 1572 и 1581 годахъ и отличались жестокостію. Такъ какъ набѣги на Канкоръ и Кергеданъ начались нескоро послѣ грамоты, а чрезъ 14 лѣтъ, то надо полагать, что пришельцы съ туземцами жили сначала мирно. Лады ихъ видны изъ того, что у Строгановыхъ съ самаго начала появляются городки съ инородными названіями— Канкоръ и Кергеданъ, переименованные потомъ въ Пыскоръ и Орелъ. Ужели Строгановы своимъ первымъ городкамъ, своимъ первымъ дѣтищамъ, дали инородное имя? и для чего было давать сперва инородное, а потомъ родное имя Орла? Они съ самаго начала не имѣли никакого повода родному слову предпочесть иноплеменное и назвать свои первые городки иноязычно; скорѣе можно допустить, что иноплеменное имя было дано ранѣе Строгановыхъ инородцами своимъ селищамъ, въ которыхъ помѣстились на первый разъ новые пришельцы, привлекшіе на свою сторону туземцовъ дарованіемъ обольстительныхъ льготъ; *и съ тѣхъ людей въ льготные двацать лѣтъ*

ненадобѣ моя царева великаго князя дань — сказано въ грамотѣ. Очевидно, слово „дань“ относилось къ инородцамъ. Хотя грамотою дозволялось принимать Пермичей съ отказомъ нетяглыхъ: ну да мало ли что пишется такъ, а дѣлается сякъ! И ниже мы приведемъ выписки изъ грамотъ, которыя покажутъ, что Пыскорскіе старцы и Строгановы были уличаемы Соликамцами въ привлеченіи къ себѣ людей тяглыхъ, выставленныхъ старцами за своихъ *половниковъ*.

Познакомившись съ отношеніями пришельцовъ къ туземцамъ, обратимъ свое вниманіе и на отношенія другъ къ другу выходцовъ, жившихъ въ первое время своего переселенія между собою мирно. Къ мирной жизни побуждали ихъ взаимныя выгоды. Хотя Строгановъ дѣлался главою общества, но грозное заключеніе грамоты сильно ограничивало волю Строгановыхъ, которые въ выпрошенныхъ мѣстахъ, уже частію заселенныхъ, не могли распоряжаться, какъ полные и единственные хозяева, не могли вытѣснять прежнихъ жильцовъ со своихъ мѣстъ, не могли и воспрепятствовать заселенія тутъ же новымъ промышленнымъ слобожанамъ, а должны были довольствоваться тѣмъ, что было ими уже занято или оставалось пустопорожнимъ и не начало споровъ. Къ мирной жизни побуждали ихъ и самоохраненіе отъ дикихъ сосѣдей и боязнь лишиться желанныхъ мѣстъ. Иначе чрезъ прю и вражду съ слобожанами они лишили бы себя взаимной помощи къ отраженію нападеній сосѣднихъ дикарей, а ссора и споръ возбудили бы жалобы, которыя могли бы дойти и до царя и обнаружить ложность челобитной, а чрезъ то и грамоту обратить не въ грамоту. На этомъ-то основаніи свободно помѣстились здѣсь Соколовъ на Ленвѣ, Левашовъ на Толычѣ, Тимашевъ и Никитниковъ съ товарищи на Зырянкѣ. Иначе какъ бы они устроились на чужой землѣ? Но Строгановы особенно ладили съ Пыскорскимъ монастыремъ. Дружба монастыря нужна была Строгановымъ какъ по нравственному вліянію на слобожанъ, такъ и по связямъ его съ вліятельной іерархіей Московской. Дружба монастыря съ при-

шельцами продолжалась до 1594 года, въ которомъ возникла у старцовъ пря и вражда съ Усольцами (нынѣшними Соликамцами) изъ-за мельницы на Талицѣ; но эта первая ссора была покончена миролюбивою записью, которою заключено — *монастырской мельницѣ на рѣчкѣ Талицѣ не быть.*

Много тяжебныхъ дѣлъ прописано въ собраніи грамотъ Пыскорскаго монастыря, но мы не будемъ разсматривать ихъ вполнѣ, а ограничимся выпискою изъ нихъ того, что близко относится къ предмету нашего изслѣдованія. Между прочимъ въ нихъ пишется, что *Соликамскій сыщикъ Михайло Борисовъ Бороздинъ провѣдалъ, что прежъ сего у Соликамской, въ уѣздѣ, на Лысвѣ рѣкѣ и по инымъ рѣчкамъ жили Сылвенскіе Татарове, а нынѣ тѣ Татарове живутъ на нашей землѣ; и Пыскорскаго де монастыря и Соликамскаго Вознесенскаго монастыря старцы да гостиной сотни Томило Елисѣевъ съ племянники да Соликамской посадской человѣкъ Иванъ Суровцовъ да Ондрей да Ѳедоръ да Данило Строгановы и ихъ прикащики устроили свои слободы и владѣютъ тою землею безъ дачь самовольствомъ; и нашу усольскую тяглую землю у податныхъ тяглыхъ людей поотнимали и подъ закладъ и вкладомъ поимали; и для де льготы въ монастырь приходятъ всякіе тяглые люди и деревенскіе крестьяне со вкладомъ — и прикладываютъ податныя тяглыя мѣста, а пишутъ крѣпости закладными кабалами вдвое и втрое: да за Пыскарскимъ монастыремъ живутъ усольцы, пришлые, торговые люди.* Противъ такого обвиненія архимандритъ Ермогенъ, на очной ставкѣ съ усольскимъ челобитчикомъ съ Мишкою Игумновымъ, отвѣчалъ, что *у посадскихъ людей насильствомъ земли не отымали, а подъ закладъ и вкладомъ землю имали и давали деньги до валовыхъ писцовъ Михайла Кайсарова съ товарищи; и тѣ земли на выкупъ они посадскимъ людямъ отдавали и посадскіе люди земель и поженъ на выкупъ не имали; и на тѣ земли крѣпости писали въ прямыхъ деньгахъ, чего та земля стоила, а не вдвое и не*

втрое. Усольскій же челобитчикъ Мишка Игумновъ, на очной ставкѣ, архимандриту возражалъ: *которые де земли закладывали ихъ посадскіе люди и пожни до писцовъ и послѣ писцовъ; и о тѣхъ земляхъ, и о тѣхъ пожняхъ въ монастырь имъ бивали челомъ и деньги по крѣпостямъ привозили; и они имъ земель и пожень на выкупъ не отдали.* Рѣшеніе этой спорной тяжбы послѣдовало въ пользу Мишки Игумнова, который, внеся выкупныя деньги, выигралъ дѣло у двухъ вліятельныхъ монастырей, и солепромышленниковъ Елисѣева, Суровцова и Строгановыхъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія, Пыскорскій монастырь въ 1652 году уступилъ Соликамцамъ только пять варницъ съ монастырскою землею и со всякимъ варничнымъ строеніемъ и съ заводомъ и съ дворы, стоявшими по нижнюю сторону Устъ-Зырянки.

Хотя тяжебное дѣло было рѣшено, на Москвѣ, въ пользу Соликамцовъ, которые и деньги, 609 рублей, въ монастырь по крѣпостямъ уплатили, но старцы всѣхъ тяглыхъ земель на выкупъ тогда не отдали, назвавъ ихъ *осталыми землями: а тѣ де осталые тяглые земли подъ соляными ихъ монастырскими промыслы и луги межъ тяглыми землями сверху Камы, Усольскіе же непроданные луги, а снизу Камы рѣки тяглая рѣчка Зырянка, и земель по Зырянкѣ рѣчкѣ Строгановыхъ не бывало.* Поэтому отъ Усольцовъ или Соликамцовъ въ 1679 году ѣздилъ въ Москву земской староста Герасимко Холкинъ съ челобитною на старцовъ за неполную отдачу выкупныхъ земель Усольцамъ. Такъ какъ Пыскорская братія въ тяжебныхъ дѣлахъ своихъ постоянно ссылалась на пожертвованія монастырю Строгановыми земель, умалчивая о томъ: *какъ симимъ Строгановымъ даны земли,* то Соликамцы въ просьбѣ своей потребовали первую жалованную (7066 г.) грамоту, которою и хотѣли доказывать, что Строгановы не имѣли права приписывать къ монастырю ни Канкоръ, ни смежныя съ Лысвою мѣстности, уже бывшія въ тяглѣ, потому что жалованная грамота была дана не на тяглыя, а на пустыя, никѣмъ не занятыя

мѣста. *А что починокъ на усть-Лысвы написанъ за монастыремъ въ четверти и десятины* — писали Соликамцы — *и тутъ купилъ Строгановъ въ 7066 на усть-Лысвы наволоки и займища подъ пашню; а гдѣ у того починку мельница написана; тутъ купилъ Строгановъ притыку — пѣзы рыбу запирать, и поставилъ мельницу; да за Камою, ниже тяглыхъ Зырянки и Яйвы рѣчекъ, онъ же Строгановъ смѣжныя пожни въ Пызновской курьѣ купилъ, а Пызновская курья есть старое русло Яйвы рѣки.* Обо всемъ этомъ и Строгановы и старцы въ сдѣлкахъ своихъ, и въ писцовыхъ книгахъ, и въ грамотахъ умолчали съ умысломъ; *и чрезъ все ихъ монастырское утаенье*, какъ говоритъ грамота 7182 года, *было ихъ*, то-есть, Соликамцовъ, *многое челобитье.*

Старцы и Строгановы увидали, что Соликамцы взялись за нихъ крѣпко и потребовали положить предъ боярами и дьяками первую жалованную грамату, которая, показавъ сущность свою въ настоящемъ свѣтѣ, рѣшила бы многочисленные споры по сущей справедливости. Но первой грамоты старцы отъ Строгановыхъ не представили, да и представить ее не могли, потому что она послужила бы неопровержимою уликою противу представителей; поэтому старцы отъ представленія требуемой Соликамцами грамоты уклонились и сослались на жалованныя грамоты послѣдующихъ царей, утверждавшихъ, по утаенью, неправильную приписку Строгановыхъ монастырю земель, да на соборное уложеніе. Такимъ образомъ только по силѣ полученныхъ утаеньемъ грамотъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича да соборнаго уложенія, въ противность грамоты царя Іоанна Васильевича, старцы удержали за собой неправильно приписанные монастырю землю и Канкоръ-городокъ. Уступить же монастырю землю и чужеименный городокъ, подъ видомъ благочестія, принуждены были Строгановы вѣроятно для того, чтобъ при помощи сильной духовной власти сохранить за собой остальную землю. Еслибъ Строгановы поссорились съ братіею въ началѣ,

то братія, при содѣйствіи другихъ сильныхъ пришельцовъ, могла бы лишить ихъ богатыхъ займищъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что рѣчка Лысва до первой жалованной грамоты была тяглою рѣчкою; ниже ея, на той же сторонѣ Камы, находилось инородческое селище—Канкоръ, а на противоположеномъ берегу Камы находилось чудское селище и текла тяглая рѣчка Зырянка, устье коей понынѣ находится выше Пызновской курьи на 8 верстъ; начало же приписанныхъ Строгановыми къ монастырю земель лежало и лежитъ на 30 верстъ выше Пызновской курьи или стараго русла Яйвы. Слѣдственно земли эти не были жалованы царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Строганову и Строгановы распорядились въ тогдашнія темныя времена произвольно; иначе: Строгановы ходили не по жалованной грамотѣ и чрезъ то грамоту обратили *не въ грамоту*. Чтобъ поправить свои дѣла, они при всякомъ новомъ воцареніи испрашивали новыя грамоты, платя за землю оброкъ. Хлопоты эти, сопряженныя со множествомъ тяжебныхъ дѣлъ, доводили богачей до того, что всѣ Пермскія заведенія Ивана Максимовича и сына его Даніила съ участкомъ, оставшимся послѣ Никиты Григорьевича, находились въ 1639 году въ залогѣ (въ 4,600 р.) у гостя Никитникова съ товарищи и были выкуплены Андреемъ и Петромъ Семеновичами Строгановыми (г. Волеговъ). Но и послѣ выкупа не мало было хлопотъ у Строгановыхъ, какъ мы уже и видѣли выше. И въ 16 $^{95}/_{96}$ годахъ Соликамцы спорили о своихъ земляхъ, при межеваніи ихъ княземъ Тюфякинымъ; но споръ ихъ выставили ослушаніемъ, вслѣдствіе котораго 18 лучшихъ посадскихъ людей были взяты подъ стражу, отосланы въ Москву, пытаны тамъ въ Семеновскимъ Приказѣ всѣ, кромѣ Ивана Суровцова, и 15 изъ нихъ сосланы въ Азовъ; въ числѣ ихъ находился лучшій человѣкъ Борисъ Холкинъ. Въ тѣхъ же годахъ возникло у Строгановыхъ дѣло съ близкими сосѣдями Филатьевыми и Шустовыми, которые были не простые люди, а гости. Они послѣдовали примѣру прочихъ и рѣшились самовольно устроить варницы на земляхъ, близкихъ къ Строгановымъ,

назвавъ ихъ пустопорожними и прикупивъ еще у Балахонскаго выходца Ивана Соколова разсольныя трубы, устроенныя имъ самовольно же на рѣчкѣ Ленвѣ въ 1610 году. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, Шустовы съ товарищи развивали соловареніе, умножая число варничныхъ построекъ, и довели ихъ до того, что въ 1697 году у нихъ считалось 44 варницы, 23 разсольныя трубы и 21 анбаръ. И Строгановы не остановили ихъ, только Григорій Дмитріевичъ, сдѣлавшись въ 1688 году единовластнымъ обладателемъ всего имѣнія своихъ предковъ, почувствовалъ себя достаточно сильнымъ къ борьбѣ съ сосѣдями и затѣялъ съ ними дѣло. Тяжба Строганова съ Шустовыми была очень близка сердцу пыскорскихъ иноковъ, что явствуетъ изъ записки слѣдующаго содержанія: *Се азъ, именитый человѣкъ, Григорій Дмитріевичь Строгановъ, въ нынѣшнемъ 203 (1695) году, февраля во 2-й день, далъ сію запись преображенскаго Пыскорскаго монастыря архимандриту Евѳимію да келарю иноку Кипріяну да казначею монаху Серпію со всей того монастыря братіею въ томъ, что дали мнѣ Григорью они, архимандритъ съ братьею, въ оброкъ подъ дровяны плотбища изъ монастырскихъ своихъ вотчинныхъ земель на рѣкѣ на Камѣ, въ урочищахъ отъ усть-рѣчки Зырянки вверхъ по Камѣ рѣкѣ, по правой сторонѣ (*) до Чашкинскаго истоку и отъ Усть-Чашкинскаго вверхъ по рѣкѣ, по правой сторонѣ до поскотины монастырскаго своего Рожественскаго (**) промыслу, и вверхъ по обѣ стороны Чашкинскаго истоку до усть-рѣчки Ленвы, и въ томъ истокѣ рыбную ловлю да песокъ, что на Камѣ на рѣкѣ, противъ усть-Чашкинскаго истоку (***), ставить мнѣ Григорью дрова и ослѣдникъ и всяки припасы, какіе къ варничнымъ моимъ промысламъ*

(*) Нынѣ лѣвой.

(**) Нынѣ Дѣдюхино.

(***) Песокъ этотъ нынѣ обратился въ материкъ и вошелъ въ составъ Дѣдюхинской дачи, а Кама измѣнила теченіе.

годны, на той ихъ монастырской землѣ, въ тѣхъ вышеписанныхъ урочищахъ; и тою оброчною землею владѣть мнѣ Григорью и женѣ моей и дѣтямъ изъ оброку. За ту ихъ землю, да дровяную и лѣсную ставку, и въ истокѣ за рыбную ловлю платить мнѣ Григорью и женѣ моей и дѣтямъ въ монастырь, на годъ, по двести рублевъ денегъ. А какъ тѣ урочные годы, противъ сей записки, въ оброкъ выдутъ; и мнѣ Григорью ту ихъ монастырскую, вышеписанную, оброчную землю отдать имъ, архимандриту съ братіею, въ монастырь во владѣнье по прежнему. А гдѣ на той ихъ монастырской, вышеписанной, оброчной землѣ понадобится имъ, архимандриту съ братьею, заводить варничные промыслы, трубы разсольные дѣлать и варницы ставить — или къ монастырскимъ варничнымъ промысламъ, варничныя дрова и всякіе варничные припасы ставить; и тѣ всякіе варничные заводы заводить, трубы дѣлать и варницы ставить имъ же, архимандриту съ братіею, и кто по нихъ въ томъ монастырѣ иные, архимандритъ и братья будутъ, на той ихъ данной оброчной землѣ, гдѣ они похотятъ, повольно. Такъ же, что на той ихъ монастырской землѣ моимъ Григорьевымъ дровянымъ плотбищемъ не занято будетъ; и въ тѣхъ мѣстахъ сѣно снимать имъ, архимандриту съ братіею, на монастырь по прежнему; а мнѣ Григорью и женѣ моей и дѣтямъ на тѣхъ ихъ земляхъ сѣна косить не велѣть и росольныхъ трубъ не дѣлать и варницъ не ставить и никакого варничнаго строенья не строить и тѣмъ ихъ монастырскимъ варничнымъ промысламъ утѣсненія никакого не чинить; а въ Чашкинскомъ истокѣ имъ, архимандриту съ братьею, рыба ловить на монастырской обиходъ, по прежнему. А буде на нихъ, архимандрита Евѳимія съ братьею, учнутъ бить челомъ великимъ государемъ или святѣйшему патріарху или преосвѣщенному архіепископу гости Василій Шуйстовъ съ братьями и съ дѣтьми и съ племянниками по какимъ сдѣлочнымъ землянымъ крѣпостямъ; и буде объявятся у нихъ.....за руками прежде бывшихъ того монастыря архи-

мандритовъ съ братьею, опричь заемныхъ кабаль и памятей и росписокъ и соляныхъ продажныхъ всякихъ писемъ; и за тѣми ихъ монастырскими дѣлами велѣть мнѣ Григорью ходить людемъ своимъ или кому я прикажу моими проторми и убытки и во всемъ ихъ въ тѣхъ о земляхъ вышеписанныхъ дѣлахъ не покинуть и всякое вспоможеніе имъ, архимандриту съ братьею, чинить для того, что тотъ спаской монастырь отъ начала строеніе родственниковъ моихъ Григорьевыхъ. А буде по указу великихъ государей и святѣйшаго патріарха и преосвѣсшеннаго архіепископа указа не будетъ на нихъ, архимандрита съ братьею, гостемъ Василію Шуйстову съ братьями и съ дѣтьми и съ племянниками по сдѣлочнымъ какимъ землянымъ записямъ и крѣпостямъ; и буде у нихъ объявятся.....за руками прежнихъ архимандритовъ того монастыря съ суда или съ подлиннаго какого розыску какого ихъ иску, и очиститься отъ чего будетъ имъ немочно и тотъ ихъ искъ, для ихъ монастырской скудости и разоренія, за нихъ, архимандрита съ братьею, заплатить мнѣ Григорью своими деньгами. А буде до тѣхъ выписанныхъ оброчныхъ лѣтъ учинится мнѣ Григорью смертный часъ, а посль меня дѣтей буде не останется; и до той ихъ вышеписанной, монастырской земли, по моей смерти, никому дѣла нѣтъ, владѣть имъ, архимандриту съ братьею по прежнему.

Прописанная запись показываетъ, что хотя Дѣдюхинскимъ промысломъ, слывшимъ подъ именемъ Рожественскаго, владѣлъ Пыскорскій монастырь, но владѣлъ, сомнѣваясь въ неотъемлемости владѣнія; онъ боялся сосѣдей своихъ — гостей Шуйстовыхъ съ родственниками, жившими, въ полуторѣ верстѣ отъ Дѣдюхина на рѣчкѣ Ленвѣ, въ своемъ промыслѣ; монастырь опасался оказанія у Шуйстовыхъ какихъ-то сдѣлочныхъ земляныхъ крѣпостей и заручной прежнихъ архимандритовъ, записи съ суда или съ подлиннаго розыска объ искѣ, отъ котораго старцамъ очиститься было немочно; поэтому и выговорено въ записи, чтобъ Строгановъ во всѣхъ вышеписанныхъ дѣлахъ

старцевъ не покинулъ. Что же заставило Строганова такъ крѣпко и коштовато стоять за Пыскорскій монастырь? Хотя въ записи выставлено, что Григорій Дмитріевичъ брался стоять за Спаской монастырь, какъ за строеніе предковъ своихъ, но настоящая разгадка принимаемыхъ на себя Строгановымъ жертвъ заключалась въ томъ, что прописанная запись оброкомъ своимъ служила важнымъ шагомъ и удобнымъ поводомъ къ тяжебному дѣлу, выигрышъ коего освобождалъ Строганова отъ соперничествующихъ по промыслу сосѣдей. Строгановъ выигралъ дѣло, получивъ грамоту на спорныя земли въ 1697 году, февраля 22 дня, не смотря на то, что тѣ земли въ правой ободной грамотѣ Пыскорскаго монастыря названы *наши великаго государя земли*. Выигрышу труднаго дѣла изъ-за собственныхъ выгодъ поусердствовали Пыскорскіе старцы, отъ коихъ были довѣренные при межеваніи земель, указывавшіе старыя грани.

Оттягавъ Ленву, Строгановъ задумалъ овладѣть казенными Зырянскими промыслами съ селеніями—Веретіей и Зырянской. Маневръ, придуманный Строгановымъ для полученія отъ казны промысловъ съ угодьями, весьма искусенъ и состоялъ въ томъ, что въ 1697 году Григорій Дмитріевичъ взялъ на Усть-Зырянкѣ казенные и оставленные гостемъ Никитниковымъ промысла въ свой кортомъ съ ограничительными для себя условіями и съ обязательствомъ вываривать по 100.000 пудовъ соли для казны и доставлять ее безденежно на своемъ коштѣ туда, куда прикажетъ указъ; остатокъ же вываренной соли обращать въ свою пользу. Но въ 1700 году кортомъ промысловъ съ ограничительными условіями онъ нашелъ для себя неудобнымъ, вслѣдствіе чего выхлопоталъ, чтобъ земля подъ промыслами и угодья были отданы ему въ вѣчное и потомственное владѣніе съ правомъ употреблять приписанныхъ къ промысламъ крестьянъ по усмотрѣнію и съ прежнимъ обязательствомъ вываривать и поставлять соль въ казну на своихъ харчахъ по всѣ годы бездоимочно. Безденежная и бездоимоч-

ная поставка соли въ казну снята со Строгановыхъ въ 1750 году, главнѣйше, по упадку промысловъ отъ естественныхъ причинъ, а земли, приписанныя къ заводамъ, съ лѣсами, угодьями, со всякими строеніями и крестьянами остались за Строгановыми, уплатившими за одни варничные припасы 28,198 руб. 90 копѣекъ.

Такъ вели дѣла свои Строгановы и Пыскорскіе старцы. Но когда же и какимъ образомъ достался инокамъ Дѣдюхинскій промыселъ?

Соображая вышесказанное, можно допустить, что Дѣдюхинскій промыселъ очутился за монастыремъ по какой-то заручной сдѣлкѣ, могущей оказаться у семейства Шустовыхъ и могущей причинить старцамъ неуладныя неочистки. Время же поступленія его къ обители можно опредѣлить по ободной правой грамотѣ, къ испрошенію коей въ 1674 году побудительною причиною выставлена ветхость прежнихъ грамотъ, сдѣлавшихся непрочными для владѣнія монастырскою вотчиною. Могли-ли тарханная грамота, жалованная въ 1627 году, и граничительная 1658 года прійти въ 1674 году въ такую ветхость, что сдѣлались непрочными къ владѣнію имѣніемъ чрезъ 46 и 16 лѣтъ, когда списокъ съ ободной правой грамоты и собраніе прежнихъ грамотъ чрезъ 186 лѣтъ сохранились такъ, что читаются нынѣ свободно? Неестественность такой ветхости подтверждается и завѣщаніемъ архимандрита Пафнутія, обратившагося къ старцамъ съ такимъ наказомъ. *О семъ начальномъ обители сея буди вѣдомо: отъ лѣта 7068 до лѣта 182 въ сію грамоту, государьскимъ разсмотрѣніемъ всѣхъ прежнихъ монастырскихъ крѣпостей, указы внесены; и впредь государьскому ихъ величеству сію жаловальную грамоту, вмѣсто всѣхъ прежнихъ грамотъ, къ подпискамъ подносили бы подлинную одну, что за государьскою печатью; и писцамъ по ней межу указывали и списки имъ къ повальному съ сихъ списковъ съ нее давали и вотчину монастырьскую всю оберегали бы сею грамотою одною же, для того, что въ сей гра-*

мотъ прежнихъ крѣпостей указы есть всѣ сполна; и держали бы ее въ монастырѣ въ великой бережѣ и на единѣ и, опричь списковъ, ее изъ монастыря бы не возили. За сіе же государьское жалованье со христолюбивою царицею и со благородными ихъ чады, соборнѣ, молили бы есте Бога и пречистую его Матерь о здравіи и благоденствіи государьскаго ихъ величества и родители ихъ царскія за упокой поминали. Для государьскаго сего жалованья, молю васъ отцевъ, за сія и прежнія въ челобитьѣ моемъ и въ волокитахъ труды: по отшествіи моемъ отъ житія сего, впредь на коеждо лѣто, въ уреченный день, со усопшими во святой обители сей вашимъ благотишіемъ, соборнѣ, молитву къ Богу принести за упокой злосуетныя моея души убогаго Пафнотія. Для чего же было бы злосуетной душѣ убогаго Пафнутія наказывать старцамъ держать прежнія грамоты на-единѣ отъ выхлопотанной имъ грамоты и оберегать вотчину ею одною, еслибъ тѣ грамоты были такъ ветхи, что въ нихъ нельзя было прочесть ничего, а слѣдовательно и добиться въ нихъ толку? Очевидно поводомъ къ испрошенію ободной правой грамоты служила отцу Пафнутію въ волокитахъ не ветхость грамотъ, а другая тайная мысль, которая, судя по грамотамъ, состояла въ томъ, чтобъ исключить и включить въ нее нѣчто. Такъ мы видимъ, что о *Пызновской курьѣ* вовсе не упоминается, а вмѣсто нея включена *Пыскорская курья*; изъ тарханной грамоты исключено до *Меркурьевыхъ островов*, вмѣсто же *варницы на Пыскоркѣ и островѣ Побоищномъ* написано *варницы на Камѣ*, вмѣсто *слободкою подъ монастыремъ—слободками*. Откуда же взялись варницы на Камѣ? Въ ободной грамотѣ необъяснено, а положеніе вотчины показано прежнее. Очевидно къ соляному варничному промыслу, что былъ близь рѣчки Зырянки, прибавилась слободка съ варницами, стоявшая на одномъ изъ Меркурьевыхъ островов (*), слѣдственно Дѣдюхинская, которая

(*) По Кайсарову Нижегородецъ Петръ Меркурьевъ имѣлъ варницу ниже *городца*,

соликамскимъ лѣтописцомъ подъ 1732 годомъ названа слободою; и нынѣ двѣ улицы въ Дѣдюхинѣ зовутся слободами.

Вотъ время (1674 г.), когда Дѣдюхинскій промыселъ заявленъ подъ монастыремъ подъ темнымъ рѣченіемъ. Г. Поповъ въ „Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи“ говоритъ, что Дѣдюхинскій промыселъ достался монастырю дѣйствующимъ. Кто же былъ его основателемъ? Самое имя промысловъ показываетъ, что ихъ завелъ Дѣдюхинъ. Иначе, какъ же бы имъ усвоилось это имя? Хотя монастырь и переименовывалъ ихъ въ Рожественское усолье, но оно къ нему не привилось и старое имя неумолчно слыло въ устахъ народа; и потому-то въ договорной записи для поясненія села Рожественскаго прибавлено *и Дѣдюхино тожъ*. Не смотря на усилія письменности, древнее основное имя пережило новое прививное и Дѣдюхино сохранилось подъ первобытнымъ именемъ своего основателя, который, подобно Никитникову, Левашеву и Шустову выбылъ въ Россію, гдѣ фамилія Дѣдюхиныхъ встрѣчается и понынѣ. Надо полагать, что Дѣдюхинъ долго владѣлъ своимъ промысломъ въ старые годы. Иначе не упрочилось бы за нимъ названіе стариннаго владѣльца. О древности Дѣдюхина сохранились два преданія, разсказанныя г. Свиньинымъ въ „Ермакѣ“. Авторъ „Ермака“ говоритъ, что въ древнія времена на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Орломъ селомъ, росъ черный, едва проходимый лѣсъ. Въ глубинѣ мрачнаго лѣса росли три мощные дуба; на вершинѣ дубовъ свилъ гнѣздо огромный орелъ; про орла шла грозная слава, какъ про хищника дѣтей. Зловѣщій слухъ о хищномъ орлѣ поселилъ ужасъ не въ однихъ туземцахъ, но и въ пришельцахъ Дѣдюхина. Аника, будто бы преслѣдуя орла, похитившаго изъ Дѣдюхина дитятю, открылъ гнѣздо хищника и убилъ его; плѣнившись же мѣстомъ жительства орла, основалъ Орелъ-городокъ. Другое преданіе гласитъ, что владѣлецъ

то-есть Соликамска, на острову. Быть можетъ Меркурьевъ и Дѣдюхинъ былъ одно и то же лице, какъ Суровцовы писались просто Онофріевы, и былъ родня Шустову.

Орла-городка назывался Дѣдюхинскимъ князькомъ. Преданія эти замѣчательны лишь въ томъ отношеніи, что указываютъ на древность Дѣдюхина, которую г. Волеговъ считаетъ одновременною съ нагорнымъ монастыремъ. Смыслъ же перваго преданія надобно, кажется, понимать такъ, что Дѣдюхино боялось, чтобъ имъ не овладѣлъ Орелъ-городокъ.

Но, быть можетъ, Дѣдюхино получило свое названіе отъ простаго жильца, поселеннаго тутъ иноками. Еслибъ это было такъ, то: 1) отъ первожителя остались бы потомки, какъ въ деревнѣ Малютиной доселѣ есть Малютины, въ Елькиной—Елькины и проч.; 2) не для чего было бы монастырю переименовывать его въ Рожественское усолье, 3) иноки несравненно ранѣе 1674 года заявили бы его за собой и открыли бы соловареніе, назвавъ его священнымъ именемъ, а о Дѣдюхинѣ не было бы и помина, и 4) г. Поповъ не напечаталъ бы, что Дѣдюхинскій промыселъ достался монастырю дѣйствующимъ.

Итакъ Дѣдюхинскій соляный промыселъ основанъ Дѣдюхинымъ. А какъ преданіе владѣльца Орла именуетъ Дѣдюхинскимъ князькомъ, то кажется вѣроятнымъ, что государевъ оброкъ съ Дѣдюхина доставлялся на Орлѣ Никитѣ Строганову, который уплачивалъ его и за старцевъ на Москвѣ (*). Иначе, названіе Дѣдюхинскаго князька немыслимо и преданіе невѣрно. Съ поступленія же промысла къ монахамъ, правители монастыря платили оброкъ сами на Москвѣ. Въ 1684 году Дѣдюхино писалось усольемъ, а въ 1700—селомъ; народъ же звалъ его слободою и въ 1732 году, въ которомъ учреждалось въ немъ Пермское соляное коммисарство, продолжавшееся по 1759 годъ. Въ 1764 году Дѣдюхинскій и Березниковскій заводы (**) съ землею и жителями отобраны отъ Пыскорскаго монастыря

(*) Грамота 7102—1594 г.

(**) При поступленіи Березниковскаго завода въ казну, соловаренія, по низкой добротѣ разсоловъ, въ немъ не было; потомъ хотя и открывалось, но въ 1797 году совсѣмъ закрыто, а люди переведены въ Дѣдюхино.

въ казну, находясь подъ вѣдомствомъ соликамскаго воеводы, отъ коего, сдѣлавшись казенными, въ скоромъ времени перешли въ вѣдѣніе учрежденнаго въ Соликамскѣ, Пермскаго солянаго правленія, по опредѣленію коего были въ Дѣдюхинѣ смотрители по 1781 годъ, въ которомъ съ открытія намѣстничества въ г. Перми Дѣдюхино поступило въ вѣдѣніе казенной палаты.

Смотрителями заводовъ были Деревецкій, Мосаловъ, Чадинъ, Старовъ, Звѣревъ, Абрамовъ, Плетневъ, Кузминъ и Шпаковскій. Деревецкій былъ чудакъ, оставившій о себѣ забавные разсказы. О Мосаловѣ, Чадинѣ, Старовѣ, Звѣревѣ, Абрамовѣ и Плетневѣ не сохранилось въ народѣ никакого сужденія, а это не худая память. Кузминъ же былъ злодѣй и самоуправный беззаконникъ, наказывавшій всякую маловажную вину плетьми съ поливаніемъ спины разсоломъ; онъ умеръ скоропостижно во время слѣдствія, которое производилъ Нелидовъ, управлявшій заводомъ за смертію Кузмина. Кузминской жестокости придерживался и Шпаковскій. Лютое сердце его не щадило даже женщинъ, которыхъ наряжалъ на покосы самъ, бѣгая по улицамъ съ палкою въ рукахъ и командируя партіи; откомандировавши всѣ партіи, онъ взлѣзалъ на колокольню и наблюдалъ за ходомъ женской команды въ подзорную трубку. И горе той партіи, въ которой по какой-либо неизбѣжной надобности отлучалась одна изъ товарокъ; онъ садился на лошадь, догонялъ партію и безъ всякаго разбора билъ женщинъ, которыя спасались отъ побоевъ въ лѣсахъ и озерахъ. У него, вслѣдствіе беззаконнаго самоуправства, много было ссоръ и спорныхъ дѣлъ съ частными усольями изъ-за дровъ, которыя онъ приказывалъ своимъ подчиненнымъ перехватывать и приводить въ Дѣдюхино съ насильствомъ, доходившимъ иногда до смертоубійства. При немъ, вслѣдствіе перехода Дѣдюхинскихъ промысловъ изъ Пермской казенной палаты въ Пермское горное управленіе, Дѣдюхино въ 1805 году обьявлено горнымъ городомъ съ открытіемъ въ немъ экспедиціи подъ предсѣдатель-

ствомъ Андрея Ѳедоровича Дерябина, членами коей были Шпаковскій и Викуловъ. Въ 1807 году Шпаковскаго замѣнилъ строгій Версиловъ, а Викулова—Ивановъ съ наименованіемъ ихъ совѣтниками солянаго правленія, предсѣдателемъ же остался, но на мѣстѣ не жилъ, А. Ѳ. Дерябинъ; Дѣдюхинское же соляное правленіе подчинено прямо Департаменту Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ, независя въ губерніи ни отъ кого. Въ 1814 году Форафонтовъ изъ совѣтника солянаго правленія сдѣлался первымъ мѣстнымъ начальникомъ, съ титуломъ управляющаго, и умеръ въ 1818 году, вскорѣ послѣ смѣны, вслѣдствіе доноса на него подчиненнымъ. Послѣ него поступилъ Татариновъ — человѣкъ горячій, безхарактерный и дерзкій, за что и былъ удаленъ отъ должности; наглость свою онъ простиралъ до того, что сѣкъ отцевъ семейства, если они отстаивали невинность своихъ дочерей отъ его искательства. Имъ орудовалъ совѣтникъ Порецкій, который хотѣлъ-было продолжать свою роль и при новомъ управляющемъ Пиленкѣ, но Пиленко при первомъ же случаѣ осадилъ выскочку—и Порецкій долженъ былъ убраться изъ Дѣдюхина. Пиленко съ мастеровыми обращался сначала жостко, но со смерти, приключившейся на другой день послѣ наказанія солепріемщику П....., усмирѣлъ и оставилъ о себѣ память дѣльца и знатока. *Напишу*, говаривалъ Пиленко, *такъ, что и комаръ нося не подточитъ.* Вообще Пиленко всякое должностное лицо поставилъ въ свои границы, изъ которыхъ оно не выходило, завелъ по управленію существующій понынѣ обрядъ и охранялъ слабаго противу сильнаго, разумѣется, если слабый былъ правъ. Половину своей двадцатишести-лѣтней службы въ Дѣдюхинѣ онъ провелъ, по болѣзни, въ кабинетѣ, но зналъ все, что дѣлается въ его вѣдомствѣ. Пиленка въ 1849 году смѣнилъ Кармалинъ, на котораго было три доноса, но онъ все-таки дослужилъ до указа о передачѣ казенныхъ соляныхъ промысловъ въ частныя руки и, по болѣзни, вышелъ въ отставку 12 августа 1862 года.

Въ 1814 году въ вѣдѣніе Дѣдюхинскаго солянаго правленія поступили земли Пыскорскаго мѣдиплавильнаго завода. Мѣсторожденіе мѣди было извѣстно въ 1629 году, какъ можно заключить изъ ободной правой грамоты, увѣряющей, что въ томъ году были отведены Пыскорскому монастырю земли въ замѣнъ взятыхъ у него *на государево мѣдное дѣло*. Руда добывалась на рѣкѣ Яйвѣ, въ горѣ Кужгортѣ, подъ смотрѣніемъ боярина (?) Дѣя Свитенщикова (*), а плавилась при Пыскорскомъ монастырѣ: однакожъ работа, по отдаленности рудника отъ плавильны и по бѣдности рудъ, была остановлена. Но какъ вскорѣ былъ найденъ на рѣкѣ на Камѣ, въ 28 верстахъ отъ монастыря, благонадежный Григоровскій рудникъ, то опять изъ Москвы былъ отправленъ тотъ же бояринъ Свитенщиковъ (*), который по указу царя Алексѣя Михайловича завелъ Пыскорскій мѣдиплавильный заводъ; добываніе же руды и заводскія работы, при посредствѣ 15 иностранцевъ, производились вольнонаемными людьми. Но вскорѣ основанный заводъ поступилъ въ содержаніе Тимашевыхъ, уѣхавшихъ чрезъ два года въ Сибирь. Наконецъ и все дѣйствіе прекратилось, когда посланный на ихъ мѣсто иностранецъ умеръ, а земли по ободной грамотѣ возвращены Пыскорскому монастырю въ 1665 году. Де-Генинъ въ 1722 году возобновилъ мѣдиплавиленное производство на Пыскорѣ, бывшее до 1760 г. въ горно-казенномъ управленіи. Съ 1760 по 1781 годъ Пыскорскій заводъ находился въ содержаніи у графа Романа Илларіоновича Воронцова, отъ котораго поступилъ опять въ казну и закрытъ въ 1820 году впредь до открытія надежныхъ мѣсторожденій мѣди, въ 1859 году производилъ развѣдки горный инженеръ Тучемскій.

Мѣстность.

Дѣдюхинская дача находится, Пермской губерніи, Соликамскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу судоходной рѣки Камы, въ 182

(*) Иные пишутъ „Свитейшиковъ“, а другіе „Свитешниковъ“.

верстахъ отъ г. Перми и въ 24-хъ отъ Соликамска, подъ 59°25′ сѣверной широты и 74° восточной долготы. Занимаемая ею мѣстность образуетъ низменную, лѣсистую и болотистую долину, усѣянную холмами, топями и кочковатыми лугами. Холмы, идущіе длинною грядой, зовутся здѣсь *гривами*, а плоскіе и широкіе—*веретіями*, кочковатая же, топкая и продольная ложбина зовется *воргою*. Около Дѣдюхина лежатъ значительныя села: на югѣ Веретія въ 7 верстахъ, на востокѣ Ленва въ 1-й, на юго-западѣ Усолье въ 3-хъ и на западѣ Пыскоры въ 7 верстахъ. Въ Ленвѣ, Веретіи и Усольѣ проживаютъ крестьяне графа и графини Строгановыхъ, князя Голицына, княгини Бутеро и гг. Лазаревыхъ. Пыскоры занимаютъ мастеровые Дѣдюхинскаго казеннаго завода и потомки мастеровыхъ упраздненнаго Пыскорскаго завода, обращенные въ государственныхъ крестьянъ.

Длина неприглядной Дѣдюхинской дачи направляется отъ почтовой станціи—Веретіи въ сторону, съ юго-востока на сѣверо-западъ, и равняется 17 верстамъ; ширина же неодинакова отъ ½ до 11 верстъ. Лѣвый бокъ ея отъ села Веретіи идетъ вверхъ по Камѣ, а правый съ обоихъ концовъ прилегаетъ къ лугамъ владѣльцевъ и крестьянъ, въ срединѣ же врѣзывается въ густой нагорный боръ. Межа праваго бока Дѣдюхинской долины отъ рѣчки Зырянки, впадающей въ Каму, начинается *Стрѣлкой*—по древнему Побоищнымъ лугомъ; пройдя *Березникомъ*—древнимъ Побоищнымъ островомъ, она пресѣкается чрезъ три версты у Забокинскаго луга, отошедшаго въ промѣнъ къ частнымъ владѣльцамъ; начинаясь снова за версту отъ Дѣдюхина, идетъ отъ Камы на сѣверо-востокъ, по дну осушеннаго Усть-чашкинскаго озера, поперегъ его, къ срединѣ Чашкинскаго истока; перейдя черезъ истокъ, направляется на востокъ и черезъ 3½ версты, подъ тупымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверъ; протянувшись на 3 версты по Чашкинскому бору, поворачивается на западъ; подойдя къ верхнему концу Чашкина озера, по косогору, направляется на сѣверъ къ Подкаменному озеру, окружаетъ его, заворачиваясь на западъ, и по Соло-

нухинскому истоку пролегаетъ къ Новинскимъ озерамъ, кончаясь у покосовъ крестьянъ Пыскорскаго управленія. За крестьянскими пожнями, у рѣчки Прорывки, подлѣ Камы, лежитъ Прорывскій лугъ, вымѣненный у владѣльцевъ на Забокинскій. Такимъ образомъ Дѣдюхинская дача состоитъ изъ вырѣзковъ. Вырѣзки эти занимаютъ подъ собой 6,321 десятину и 1,635 квадратныхъ саженъ. Изъ этого общаго исчисленія находится:

	Десятинъ.	Саженъ.
Подъ сосновымъ лѣсомъ по суходолу . .	273	1,205
„ смѣшаннымъ лѣсомъ по болоту . .	3,620	1,713
„ лугами	1,460	1,720
„ рѣчками, озерами, истоками, мокрыми логами и половиною Камы	516	2,050
„ островомъ	9	1,900
„ песками	109	800
„ дровяными плотбищами	53	1,200
„ дорогами	15	2,350
„ улицами, домами и огородами . . .	89	1,000
„ казенными зданіями	3	997
„ заводами	20	1,600
„ кладбищемъ	„	2,000
„ скотскимъ выгономъ	146	2,300

Земли, по удовлетвореніи крестьянъ упраздненнаго Пыскорскаго завода, переданныя Дѣдюхинскому, лежатъ на правой сторонѣ Камы въ гористой мѣстности, образуя неправильный четвероугольникъ, занимающій подъ собой 31,983 десятины 2.040 квадратныхъ саженъ. Кромѣ того къ Пыскорской же дачѣ принадлежатъ 122 десятины 2,148 саженъ, находящіяся подъ сѣнными покосами на лѣвомъ берегу Камы противу Пыскора, и 625 десятинъ подъ мѣдными рудниками — Круглихинскимъ и Романовскимъ. Круглихинскій рудникъ лежитъ въ 17, а Романовскій въ 42 верстахъ на юго-востокѣ отъ Дѣдюхина.

Грунтъ земли, выстилающій поверхность Дѣдюхинской дачи

болотный, луговой и боровой—слѣдственно торфяной, глинистый и песчаный. При копаніи земли, верхніе слои луговъ состоятъ изъ разноцвѣтной глины блѣдножелтой, красножелтой и синей съ примѣсью песка въ различной степени; во многихъ мѣстахъ песокъ преобладаетъ надъ глиною, особенно на бору и подлѣ Камы. При буреніи разсольныхъ трубъ, на лѣвомъ берегу Камы, пройдены разныя породы земли: верхній, весьма тонкій слой состоитъ изъ мусорнаго чернозема, образовавшагося отъ гніенія растительныхъ веществъ; за черноземомъ слѣдуетъ тонкимъ слоемъ красноватоблѣдная глина; подъ нею лежитъ разноцвѣтный песокъ съ валунами и голышами. Породы эти занимаютъ различную глубину, простирающуюся въ нѣдра земли на 9 и 25 саженъ; за сыпучимъ пескомъ съ валунами слѣдуетъ синяя глина съ известковымъ сланцомъ; за сланцомъ песчаникъ, гипсъ и соляной пластъ. Въ глубинѣ иныхъ трубъ встрѣчается синеватый илъ съ осмиграннымъ сѣрнымъ колчеданомъ и мелкими кусочками бѣлаго кварца. Все это подтверждаетъ предположеніе о бывшемъ когда-то здѣсь морскомъ днѣ. Правый берегъ рѣки противу Дѣдюхина гористъ и очень крутъ; состоитъ изъ крупнаго песка и сѣраго, мягкаго слоистаго известняка, а въ глубинѣ изъ песчаника. На вершинѣ береговыхъ горъ въ $17^{60}/_{90}$ годахъ разработывался Каменскій рудникъ, изъ коего добывалась мѣдная руда, которую находили и на лѣвой сторонѣ Камы на рѣчкѣ Яйвѣ. Каменскій рудникъ находится у деревни Камня, лежащей наискось отъ Дѣдюхина къ Усолью. Близъ Камня вдается въ Каму мысъ — замѣчательный издавна тѣмъ, что пока на сѣверо-западной сторонѣ его лежитъ снѣгъ, до тѣхъ поръ прибыль весенней воды въ Камѣ несомнѣнна. Судохозяева весной наблюдаютъ древнюю замѣтку и ежедневно поглядываютъ на вѣщій мысъ. Но мысъ не всегда вѣщаетъ правду, иногда и обманываетъ. Зимою 1817 года на немъ случилось забавное происшествіе, а именно: изъ горы, покрытой снѣгомъ, сталъ раздаваться человѣческій голосъ, взволновавшій окрестное народонаселеніе повѣствованіями изъ священнаго пи-

санія и распѣваніемъ духовныхъ пѣсенъ; голосъ раздавался въ разное время дня и смолкалъ къ ночи до утра; темою вѣщаній таинственнаго голоса было сперва преставленіе свѣта и наступленіе страшнаго суда Божія, а потомъ обличеніе жителей по личностямъ такъ: „Ты, Лапотиха, денегъ въ ростъ не отдавай— душу чорту не продавай! Кавардакъ, брось табакъ! Ты, Чебкай, вина убѣгай—сатанѣ не угождай!“ и проч. Мѣткость обличеній взволновала народъ, терявшійся въ догадкахъ о чудномъ явленіи, тщательно сокрытомъ и неимѣвшемъ слѣдовъ, могущихъ разъяснить дѣло. Волненіе, продолжавшееся двѣ недѣли, достигло до того, что обличительный голосъ горы стали считать гласомъ Божіимъ, вразумляющимъ народъ къ покаянію и благочестію; и населеніе Дѣдюхина приступило къ духовенству съ неотступною просьбою: поднять иконы и съ колокольнымъ звономъ идти къ вѣщательному мысу для служенія умилостивительныхъ молебновъ. Но утромъ назначеннаго на поднятіе иконъ дня, крестьянинъ ѣдетъ мимо мыса по Камѣ и видитъ въ темнотѣ чернѣющую фигуру человѣка, пробирающагося къ мѣсту чудесъ и заметающаго за собой слѣды, объявилъ начальству и тайна разъяснилась. Такъ шутилъ надъ народомъ человѣкъ графа Строганова, шестьнадцатилѣтній усолецъ, прозванный за то Ваською Явленнымъ. Данное прозвище онъ сохранилъ до своей смерти, умерли и обличенные имъ грѣшники; живутъ ихъ потомки, разсказывающіе, что покойный сильно сердился, когда называли его *явленнымъ* чудотворцемъ Камня.

Идя отъ Камня по правому берегу вверхъ Камы, можно дойти до села Пыскора. Верхній слой, покрывающій его земли, состоитъ изъ тонкаго пласта чернозема, перемѣшаннаго съ пескомъ; затѣмъ слѣдуетъ гольный сѣрый песокъ, подъ пескомъ красная глина, а за глиною сѣрый мягкій камень и свѣтлопесчаный твердый камень, подъ коимъ лежитъ толстый слой красной твердой руды. Во многихъ мѣстахъ Пыскорской дачи и въ окружныхъ селеніяхъ находится мѣдная руда, залегающая подъ твердой красной глиной: а) въ прослойкахъ мергельнаго сланца.

б) въ сплоткахъ (conglomer) разноцвѣтныхъ голышковъ, прохваченныхъ мѣдною зеленью и синью и в) въ мелкозернистомъ и крупнозернистомъ песчаникѣ, проникнутомъ мѣдною зеленью. Въ прежнія времена попадалась и самородная мѣдь; она встрѣчалась либо въ видѣ мелкихъ блестокъ, обсаживающихъ кругленькіе песчаники, либо въ видѣ проросшей между разноцвѣтными голышами. Руда въ Пыскорской дачѣ идетъ не обширнымъ сплошнымъ пластомъ, а гнѣздами; иные рудники даютъ богатое содержаніе, а другіе убогое; изъ 100 пудовъ руды выплавлялось прежде и 20 фунтовъ и 9 пудовъ черной мѣди. Новѣйшія изслѣдованія, произведенныя горнымъ инженеромъ Тучемскимъ, обѣщаютъ сложное содержаніе здѣшнихъ рудниковъ въ 5 пудовъ черной мѣди на 100 пудовъ руды и ужъ никакъ не менѣе 4 пудовъ. Руда залегаетъ глубоко и работа должна быть подземная. Для плавки рудъ есть по близости огнеупорная глина и породы извести; есть и плотина для устройства новаго завода, а прежняго заведенія нѣтъ и слѣдовъ. Справедливость требуетъ сказать, что устройство новаго завода обойдется недешево. Впрочемъ издержки будутъ зависѣть отъ размѣровъ самаго завода, отъ знанія, добросовѣстности и бдительнаго надзора строителей.

Глинисто-песчаная почва неблагопріятна для хлѣбныхъ растеній и требуетъ сильнаго удобренія; поэтому-то, проѣзжая по Дѣдюхинской дачѣ вдоль и поперегъ, нигдѣ не встрѣтишь ни одного хлѣбнаго колоса, ни одного злака; даже на Пыскорьскихъ поляхъ, наиболѣе годныхъ къ обработыванію, хлѣбъ родится плохо и то съ помощію унавоживанія, за которымъ пахари ѣздятъ за 10 и 15 верстъ; луговая трава рѣдко родится въ обиліи; огородные овощи, не смотря на ежегодное удобреніе, растутъ скудно. Малоплодіе земли много зависитъ и отъ продолжительнаго разлива рѣки, покрывающаго Дѣдюхинскую окрестность до половины іюня, и отъ суровости климата, увеличиваемой высокими горами, дремучими лѣсами, обширными болотами, обиліемъ водъ и соляными источниками. Поэтому въ здѣшнихъ мѣстахъ надъ жи-

вительной теплотой преобладаетъ подавляющій холодъ. Но если животворная теплота пересилитъ мертвящую стужу, то растительность въ короткое время достигаетъ изумительныхъ успѣховъ; часто на исходѣ іюня видишь луга почти голыми, а въ первой половинѣ іюля уже косятъ на нихъ густую и рослую траву, дающую 200 пудовъ съ десятины. То же бываетъ и съ хлѣбными растеніями. Съ замираніемъ сердца смотритъ земледѣлецъ на тощую рожь, на чахленькій овесъ, и задушевную свою печаль передаетъ встрѣчному и поперечному, прибавляя со вздохомъ: „Богъ знаетъ, что будетъ!“ И вдругъ, по Божію велѣнію, та же рожь, тотъ же овесъ, недѣли черезъ три, густою и шумною волной колеблясь по полю, сулятъ отрадную жатву; на сердцѣ пахаря легко, но во время жатвы идутъ дожди, сжатый хлѣбъ мокнетъ и проростаетъ, а сѣно гніетъ. Такъ сомнительно и ненадежно вознагражденіе отъ здѣшнихъ полевыхъ работъ. Впрочемъ надо замѣтить, что съ заботливымъ крестьяниномъ большой бѣды не бываетъ никогда. Зная непостоянство здѣшней погоды, онъ благовременно заботится о поставкѣ сѣна и объ уборкѣ хлѣбовъ, въ чемъ успѣваетъ во время къ сердечной радости своего семейства.

Лѣсу здѣсь хоть и много, но дѣльнаго и годнаго на постройки мало. Между мѣшаннымъ надъ сосною преобладаетъ ель и пихта; береза, липа и осина встрѣчаются рѣдко, еще рѣже черемуха и ольха, а кедръ и рябина попадаются весьма рѣдко; около Круглихинскаго рудника растетъ илимъ — весьма красивое въ обдѣлкѣ дерево, годное на мебель. Конечно, ель и черемуха идутъ въ бочарное дѣло, но употребленіе ихъ, какъ вереска и липы, необширное; сосна же растетъ криво, суковата и рогата, то-есть вскорѣ отъ земли стволъ ея раздвоется и даже растроется. Въ Пыскорской дачѣ есть и лиственъ. Въ здѣшнихъ многочисленныхъ лѣсахъ много дичи; плохой стрѣлокъ не воротится домой безъ рябчиковъ, тетерь и косачей, искусный же охотникъ бьетъ красную дичь по болотамъ; но лѣтнюю охоту затрудняютъ топкость болотъ и согра (частый лѣсъ съ валежникомъ). Впрочемъ издавна замѣчено, что простонародные охотники бываютъ счастливѣе

чиновныхъ въ стрѣльбѣ. Чтобъ не воротиться домой съ пустымъ яхташемъ чиновныя особы покупаютъ дичь у простыхъ охотниковъ и, прійдя домой, выдаютъ ее за свою добычу; но покупка современемъ открывается и служитъ пищею для злыхъ языковъ и потѣшныхъ шутокъ надъ удачною охотою черезъ куплю. Женщины въ иное лѣто коробьями носятъ съ бору чернику и бруснику, а грибы и грузди возятъ возами. Грибы и грузди зовутъ здѣсь вообще *губами*, а бѣлые грибы *коровенниками*. Къ числу болотныхъ рѣдкостей слѣдуетъ отнести морошку и княжнику (rubus arcticus); на вершинахъ же острыхъ елей распѣваютъ: чижики, хлесты, жаворонки, ряпелы, щеглы, сиверы, воракушки, славки и дрозды. Пѣніе ихъ плѣнительно, особенно ряпела и варакушки: чуть заслышишь ихъ бойкую, живую пѣснь, то невольно остановишься и заслушаешься до того, что неохотно разстаешься съ мѣстомъ обаятельнаго пѣнія. Веселая пѣснь варакушки, какъ и ряпела, дышетъ звуками свободы, приволья и беззаботности. Но въ разгарѣ музыкальнаго пѣнія налетаетъ на звучнаго пѣвца хищный ястребъ, нанося ударъ — и звонкій пѣвецъ умолкаетъ на вѣки; лишь бѣлый лебедь, величаво плавая на ближнемъ озерѣ, издаетъ унылые звуки, какъ бы оплакивая преждевременную смерть красиваго весельчака. Въ древнія времена въ здѣшнихъ густыхъ лѣсахъ водились пушные звѣри; нынѣ они удалились въ мѣста безлюдныя, въ дебри дремучія, и стали рѣдкостію.

Воды.

Уже изъ сказаннаго видно, что Дѣдюхинскую дачу орошаетъ судоходная рѣка Кама съ небольшими притоками и покрываютъ озера съ истоками.

Кама, выпавъ узкою полосой изъ болотъ Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи, течетъ извилисто на сѣверъ до безъуѣзднаго

города Кая, отъ коего поворачивая на востокъ, входитъ въ Чердынскій уѣздъ близь селенія Пальниковъ; оттуда течетъ по сѣверо-востоку и востоку, различно изгибаясь, до села Бондюга; отсюда постепенно поворачивая на юго-востокъ, обращается потомъ прямо на югъ и въ такомъ направленіи съ разными незначительными изворотами проходитъ по Соликамскому уѣзду; касаясь лѣвой стороной Дѣдюхинской дачи, течетъ къ городу Перми, гдѣ и равняется съ вершиною своего начала, отстоя отъ нея на 200 верстъ по прямой поперечной линіи. Такимъ образомъ Кама отъ выпаденія своего до Перми образуетъ огромную извивистую дугу, равняющуюся 800 верстамъ; теченіе ея, въ обыкновенное время, тихое и спокойное; ладья, пущенная по водѣ, плыветъ медленно, слѣдственно русло рѣки пролегаетъ по малонаклонной покатости; самую глубь рѣки называютъ здѣсь *бороздою*; береговые пески, покрытые мелкою водой, называются *плёсами*, а сокрытые подъ водой *потайными песками*. Вода въ Камѣ мутна и мягка; по отстоѣ даетъ много слизи, пристающей къ бокамъ посуды и сообщающей переночевавшей въ кадкѣ водѣ промзглый вкусъ, непріятный для питья. Рыбы въ Камѣ противу промысловъ очень мало; тщетно рыболовъ сидитъ съ удою въ рукахъ, напрасно плаваетъ и на самоловы, называемые здѣсь *подольниками*; только при весенней убыли воды попадается на нихъ мелкая стерлядь — иногда же и трехфунтовая стерлядка. Выше и ниже промысловъ рыба ловится успѣшнѣе, особенно въ притокахъ Камы и послѣ весенняго полноводія; въ это время залавливаются тринадцатифунтовыя стерляди въ рѣкѣ Яйвѣ, а лещей попадаетъ иногда до 600 штукъ въ одну тоню. Такой необычный уловъ наводитъ страхъ на рыболововъ, которые смотрятъ на свою добычу въ недоумѣніи, не зная что дѣлать и подумывая про себя: не водяной ли такъ шутитъ? Однажды въ 1854 году при такомъ уловѣ промысловый служитель графа Строганова въ испугѣ прибѣжалъ къ своему начальству за разрѣшеніемъ — что ему дѣлать съ такой страшною добычей? Онъ былъ въ такомъ за-

мѣшательствѣ, что долго не могъ объяснить управителю — зачѣмъ онъ пришелъ? Своимъ переминаньемъ съ ноги на ногу и молчаніемъ онъ поселилъ въ управителѣ мысль о страшной бѣдѣ по заводу и ввелъ его въ мучительное безпокойство, возбудившее гнѣвъ. Но гнѣвъ превратился въ смѣхъ, когда объяснилось дѣло. Успокоенный и завѣренный въ необыкновенномъ своемъ счастія, служитель рѣшился съ товарищами вынуть лещей по счету изъ воды и насчиталъ 600. Подъ осень попадаются иногда нудовые таймени и осетры, но это — чрезвычайная рѣдкость.

Хотя Кама считается судоходною рѣкой, но судоходство по ней безпрепятственно совершается только до іюля; до этой поры всякія рѣчныя суда могутъ ходить съ какимъ угодно грузомъ, а потомъ грузъ долженъ быть уменьшаемъ сообразно отмелей, пропускающихъ мелкосидящія и неширокія суда. Глубина мелей доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 4-хъ четвертей. Жестоко накажется тотъ, кто вздумаетъ идти наперекоръ убыли воды съ глубокимъ грузомъ, разсчитывая на *паводки*, то есть, на прибылъ воды отъ перепадающихъ въ обиліи дождей. Дѣйствительно иногда случается, что отъ безпрерывныхъ дождей Кама возвышается даже въ октябрѣ на 11 четвертей, но такую прибыль надо считать исключеніемъ, рѣдкостію и надѣяться на нее нѣтъ возможности. Одинъ солепромышленникъ, полагаясь на паводки, плавилъ соль въ кабестанныхъ баржахъ въ іюлѣ съ глубокимъ грузомъ, но попытка его, шедшая наперекоръ русла рѣки, повлекла за собою то, что отъ Соликамска до Дѣдюхина, 30 верстъ по водѣ, онъ плылъ ровно 30 дней, сидя по недѣлямъ на меляхъ и перегружая соль на берегъ. Такое плаваніе совершалось въ 1859 году и служило неистощимымъ предметомъ для разговоровъ, проникнутыхъ и жалостію, и злостію. Не смотря на говоръ, плаватель выказалъ несокрушимую стойкость твердой воли и превозмогъ всѣ преграды, встрѣченныя имъ на пути.

Въ 1820-мъ году Кама противу Дѣдюхина текла двумя

протоками, раздѣлявшимися обширнымъ островомъ. Островъ, подмываемый водою, уменьшился нынѣ на двѣ трети, а въ недавнее время образовался *Новый* островъ, лежащій выше *Стараго*, одинъ же изъ протоковъ, то есть лѣвый, замѣнилъ уже песокъ, чрезъ то Кама удалилась отъ Дѣдюхина на 500 и 700 саженъ. Глубина бывшаго протока, въ прежніе годы, считалась въ 10 четвертей, что и было означено на мѣрѣ, установленной на гавани у соляныхъ магазиновъ. Мѣра показывала и нынѣ показываетъ прибыль и убыль воды, что нужно знать при погрузкѣ соли въ суда; для этого-то при Дѣдюхинской полиціи ведутся ежегодныя записи прибыли и убыли воды въ Камѣ съ 1826 года.

Изъ сличенія 34-хъ годовъ выходитъ, что Кама вскрывается отъ льда преимущественно въ послѣдней трети апрѣля, а покрывается льдомъ чаще во второй трети октября; самое раннее вскрытіе было 5-го апрѣля, а позднее 8-го мая; ранній рѣкоставъ былъ 8-го октября, а поздній 23-го ноября. Кама по большей части вскрывается не вдругъ, а съ остановками, которыя возобновляются иногда до 5 разъ во вскрытіе. Дружное вскрытіе ея зависитъ отъ дружнаго таянія нагорныхъ снѣговъ и отъ перепаданія дождей. Глубина рѣки въ разливъ доходитъ отъ 22 до 40 четвертей, что зависитъ отъ одновременнаго вскрытія верховыхъ притоковъ Камы и, частовременныхъ, теплыхъ дождей и отъ спора внизу; продолжительность разлива простирается отъ 26 до 85 дней и распростирается въ ширину на 3 версты; по скатѣ воды ширина рѣки противу Дѣдюхина, въ обыкновенное время, равняется 200 саженямъ.

По очищеніи отъ льда, на Камѣ начинается движеніе, выражаемое прибытіемъ судовъ съ верху и съ низу для погрузки соли въ низовые города. Суда, прибывающія съ низу, суть баржи, идущія на причалѣ за пароходами, а съ верху плывутъ, сами собою по водѣ, вновь построенныя баржи для буксирныхъ (подчальныхъ) и кабестанныхъ (волоковыхъ) пароходовъ, подчалки и коломенки или расшивы. Новыя суда строятся въ

Чердынскомъ уѣздѣ на плотбищахъ Вильгорта и Покчи, древней Перми-Великой, и въ Соликамскомъ уѣздѣ — на плотбищахъ Усть-боровой и Чергежа; такъ же могутъ строиться и строились на Пыскорѣ. Стоимость баржей въ здѣшнемъ краѣ, смотря по размѣрамъ и вмѣстимости ихъ, бываетъ различна. Такъ кабестанная баржа, вмѣщающая въ себя 80,000 пудовъ соли, стоитъ 4,000 рублей, а въ 120,000 груза 5,500 рублей серебромъ. Впрочемъ цѣнность ихъ измѣняется по надобности въ нихъ; если требованіе на суда неминуемо и безотлагательно, то за подчалокъ въ 70,000 пудовъ, обыкновенно стоющій 1,500 рублей, берутъ вдвое; въ случаѣ же надобности отдаютъ и за 1,000 рублей. Если кто хочетъ строить суда съ хорошими качествами грузоваго ходока, тотъ долженъ имѣть хорошаго свѣдущаго мастера изъ Нижегородской губерніи, судовые же плотники стоятъ на мѣстѣ отъ 9 до 12 рублей въ мѣсяцъ. Выгоднѣе строить суда за годъ, какъ и поступаютъ въ Ленвенскихъ и Усольскихъ соляныхъ промыслахъ, отчего у нихъ погрузка и сплавъ соли идетъ успѣшнѣе и кончается ранѣе, чѣмъ въ Дѣдюхинѣ; потому что суда у нихъ почти за годъ подводятся къ пристанямъ и лишь откроется малѣйшая возможность, тотчасъ приступается къ грузкѣ, которая начинается тамъ недѣлею ранѣе противу Дѣдюхинской.

Усольскія соляныя суда, строимыя на Веретіи и по Яйвѣ, суть конныя машины и лодьи самой простой и непрочной постройки длиною 35, а шириною 6 и 7 саженъ. Конныя машины введены въ употребленіе управляющимъ графа Строганова Распутинымъ. Много хлопотъ, много горя вынесъ онъ, пока машины пошли въ ходъ. Его прозорливый умъ видѣлъ возможность и выгоду конной машины, а дѣло не ладилось, какъ должно, и началось при слѣдующихъ препятствіяхъ. Въ 1811 году иностранецъ Пуадебардъ (*) получилъ привилегію

(*) Контрактъ Новоусольскаго графа Строганова правленія.

на устройство коноводокъ въ Россіи и прибылъ въ Пермь къ гг. Всеволожскимъ, у которыхъ и занялся постройкою первой коноводной машины, почему-то не пошедшей. Распутинъ видѣлъ эту неудачу, сознавалъ возможность успѣха и, по несогласію членовъ управленія, не представивъ о томъ господамъ своимъ, приступилъ къ устройству машины самовольно. Устройство коноводки не понравилось какъ товарищамъ, такъ и подчиненнымъ Распутина. Неудовольствіе не остановило предпріятія; машина дѣлалась и была готова къ сплаву; люди, наряжавшіеся обыкновенно для поднятія судовъ по Волгѣ, отмѣнены. Но до Распутина дошелъ зловѣщій слухъ, что караванный, долженствующій плыть съ солью въ Нижній, похваляется, не пустивъ машины въ ходъ, побросать всѣ затѣи въ воду, когда выплыветъ на Волгу, и пусть тогда Распутинъ распутывается, какъ знаетъ. Чтобы предупредить злой умыселъ, Распутинъ самъ поплылъ съ караваномъ. Прибывъ на устье Камы, стали пускать машину въ ходъ; машина нейдетъ. Тутъ-то морозъ прошибъ Распутина, лишившагося сна и ѣды. Одна тяжкая дума о машинѣ давила его день и ночь; проходитъ день, проходятъ и два, а машина, не смотря на подлаженье, нейдетъ. Распутинъ не похожъ на себя. Кромѣ заботы о машинѣ, онъ горюетъ о роспускѣ людей, потребныхъ для поднятія судовъ по Волгѣ — и которыхъ уже взять негдѣ. Удрученный тяжкою думой, Распутинъ встрѣчаетъ на Волгѣ третье утро безъ сна, но утро успѣшнаго хода машины. Распутинъ, павъ на колѣни, возблагодарилъ Бога, и чрезъ нѣсколько дней съ полнымъ веселія лицомъ возвратился въ Усолье. Неудача происходила отъ отлогаго помѣщенія собачки, неудерживавшей зубчатаго колеса. Помогла же горю смѣтливость русскаго мужичка, указавшаго причину неудачи; и когда, по его указанію, наскоро найденный кузнецъ исправилъ ошибку, то машина и пошла работать. Хвала русской смѣткѣ, истинная хвала!

Какъ бы то ни было, а Распутинъ все-таки восторжество-

валъ въ своемъ предпріятіи. Не то бываетъ иногда съ дровопоставщиками, сплавляющими варничныя дрова изъ верхокамья къ солянымъ промысламъ въ весеннее полноводіе. Хорошо, если сплаву ихъ благопріятствуетъ тихая погода, бурная же заноситъ плоты на мели и пески, разбиваетъ ихъ въ прахъ, либо заноситъ въ потопленный на низменности лѣсъ. Разбитый и занесенный въ лѣсъ, плотъ становится невозвратимою потерею для поставщика-Пермяка. Хотя Пермичъ и выжидаетъ тихой поры и не плыветъ въ бурную погоду, но буря иногда бываетъ такъ велика, что отрываетъ плотъ отъ берега и уноситъ въ невѣдомыя мѣста, либо разбиваетъ, отчего дровопоставщики состоятъ у промысловъ въ неоплатныхъ долгахъ. Неоплатность долговъ увеличивается еще неисправностію поставки отъ потери лошадей по скудости кормовъ и частому голоду.

Послѣ дровяныхъ плотовъ плывутъ на убыли воды плоты лѣсные. Лѣсъ бываетъ двухъ сортовъ — *кондовый* и *мяндачъ*. Кондовый лѣсъ узнается по чистотѣ лѣсины, по тонкости болони и плотности слоевъ самаго дерева. Мяндачъ имѣетъ тонкую болонь, кривой ростъ, слабое сложеніе, широкослойность и суковатость; мяндачъ считается непрочнымъ для постройки.

Въ срединѣ лѣта бѣгутъ съ низу на парусахъ или идутъ бичевой коломенки и каюки, нагруженные водою для Чердынскаго края, въ количествѣ отъ 1,000 до 3,000 пудовъ. Осенью спѣшатъ ходовыя суда со снастями и съ ярмарочною кладью изъ Нижняго.

Вотъ удобства, доставляемыя Камой. Чтожъ касается озеръ, то ихъ хотя много, да толку-то въ нихъ мало. Всѣ они лежатъ на сѣверо-западъ отъ Дѣдюхина и принимаютъ въ себя воду изъ окрестныхъ болотъ; въ верхній конецъ Чашкина озера впадаетъ еще рѣчка Солонуха, а въ истокъ его рѣчка Медвѣдица. На обѣихъ этихъ рѣкахъ могутъ быть устроены водяныя мельницы. Самое большое и самое близкое озеро есть Чашкино; нижній конецъ лежитъ отъ Дѣдюхина въ полуторѣ верстѣ; далѣе въ трехъ верстахъ, у западнаго бока Чашкина, лежитъ

Гнилье — тамъ Черное, Красное, Подсащное, Подкаменное и Новинскія озера. Озера Черное, Красное и проч. заимствовали свои названія отъ урочищъ, въ которыхъ они находятся, и достойны упоминанія только въ томъ отношеніи, что показываютъ обиліе болотныхъ водъ, которымъ они служатъ водостоками. Вѣроятно, во времена доисторическія на мѣстѣ озеръ текла Кама, русло которой и понынѣ постепенно склоняется къ юго-западу, подмывая правый берегъ; одною же изъ причинъ къ перенесенію монастыря, въ половинѣ прошлаго столѣтія, съ Пыскорки на Лысву, была представлена монахами опасность отъ обрушенія берега, подмываемаго Камою; но опасность была преувеличена.

Чашкино озеро простирается на 4 версты въ длину и на 100 саженъ въ ширину. Въ разливъ Камы оно имѣетъ съ боку заливъ, называемый *отногою;* по скатѣ воды, заливъ уничтожается и остается урочище—Отнога, обилующая княжникой. Въ Чашкинѣ ловится рыба, но мелкая и въ маломъ количествѣ: охотниковъ же ловить рыбу много. Одинъ изъ нихъ, служащій дворянинъ, сдѣлалъ большой неводъ и часто ѣздилъ на Чашкино, но, какъ нарочно, уловъ былъ либо ничтожный, либо никакого. Постоянная неудача породила шутки, намекавшія и на служебную ловлю рыбы въ мутной водѣ. Рыболовъ отмалчивался, неоставляя охоты, и терпѣніе его, весною 1859 года, было вознаграждено уловомъ 250 лещей и подлещиковъ въ одну тоню; тогда-то надобно было видѣть веселое лицо молчальника, безъ словъ говорившаго, что не въ одной мутной, но и въ свѣтлой водѣ мы можемъ рыбу ловить среди бѣлаго дня; шутники же не оставляли шутокъ, говоря, что это не онъ заловилъ, а его неводчикъ, да и рыба-то неважная. Но счастіе видимо благопріятствовало безотвѣтному рыболову, который чрезъ недѣлю заловилъ еще 150 лещей, а чрезъ другую 60 подлещиковъ и 10 большихъ судаковъ. Ободренный удачею рыболовъ чрезъ годъ опять закинулъ неводъ: неводъ идетъ тяжело, обѣщая

славную добычу. И что же вытаскиваютъ? Конскую падаль! То-то было смѣху надъ нежданымъ осетромъ.

Въ давніе годы рыба ловилась еще въ озерѣ Усть-Чашкинѣ, лежавшемъ между Ленвой и Дѣдюхинымъ. Нынѣ замѣняетъ его Усть-Чашкинское урочище. Озеро исчезло отъ прорытія каналовъ около Ленвы и Дѣдюхина; одинъ изъ Дѣдюхинскихъ каналовъ идетъ по сѣверо-восточной окраинѣ города, позади казенной конюшни и кузницы, а другой отъ средины его съ сѣверо-востока на юго-западъ, раздѣляя городъ на двѣ части; оба канала, взятые вмѣстѣ, представляютъ изъ себя видъ ломаной буквы *Г*. Каналъ, проведенный по Дедюхину, доставляетъ въ весеннее полноводіе удобства для подводки судовъ къ солянымъ магазинамъ и для пропуска плотовъ на удобныя мѣста для выкладки дровъ. Каналъ этотъ поступилъ въ казну отъ монастыря, но былъ расчищаемъ и укрѣпляемъ впослѣдствіи; онъ наполняется водою только въ разливъ Камы; по убыли же воды течетъ въ немъ истокъ, шириною равняющійся въ иномъ мѣстѣ аршину и образующійся изъ болотной воды урочища Ворги, да изъ болотныхъ рѣчекъ — Адамовки, втекающей въ верхній конецъ сѣверо-восточнаго канала близъ угольнаго сарая, и Русовки, впадающей въ срединный каналъ у полиціи. Берега ручьевъ и малыхъ озеръ, въ засуху, покрываются ржавцомъ—и кто побродитъ по ржавымъ водамъ, у того всплываютъ желтые пузыри на голеняхъ; скотъ же, пившій ржавую воду въ болотахъ Ворги, издыхалъ почти мгновенно, въ огражденіе чего гибельныя мѣста обнесены загородью.

Городъ.

Дѣдюхино числится горнымъ городомъ. Учрежденіе горныхъ городовъ имѣло цѣлію привлечь въ нихъ вольное населеніе, которое, укорѣнившись и усвоивъ себѣ мѣстную промышленность,

занялось бы ею впослѣдствіи по волѣ (*). Но для Дѣдюхина цѣль эта осталась неосуществимою и процвѣтаніе его не сбылось. Дѣдюхино понынѣ нельзя признать городомъ, а скорѣе селомъ и селомъ самымъ дряннымъ и грязнымъ. Дома либо недостроены, либо ветхіе; есть и хижины съ развалившейся крышей, набочинившіяся отъ ветхости и разбросанныя въ безпорядкѣ; хорошо отстроенныхъ домовъ такъ мало, что ихъ можно сосчитать очень скоро. Грустно становится на душѣ, когда взглянешь на невзрачный видъ Дѣдюхина и сравнишь его съ сосѣднимъ Усольемъ, которое щеголяетъ постройками. Отчего же частные владѣльцы могли придать своему имѣнію благовидность? Ужели у нихъ болѣе противу казны способовъ и средствъ облаговидить имѣніе? По правдѣ надо сказать, что у сосѣднихъ владѣльцевъ было если не менѣе, то ужъ никакъ не болѣе противу Дѣдюхина средствъ, способныхъ улучшить видъ мѣстности и бытъ подвѣдомственныхъ людей. Еслижъ Дѣдюхино доселѣ такъ невзрачно и грязно, то виною тому неудачное назначеніе начальниковъ, которые исключительно заботились о выгодахъ казны, забывая о благосостояніи людей, посредствомъ которыхъ извлекаются выгоды. Еслижъ и было что-либо сдѣлано въ пользу мастеровыхъ, то сдѣлано въ такомъ ничтожномъ видѣ, что оно ничѣмъ не отразилось въ бытѣ ихъ, развѣ только тѣмъ, что они живутъ, но живутъ нелучше каторжниковъ въ сибирскихъ солеваренныхъ заводахъ. Прекрасно и должно заботиться о выгодахъ казны, но надо же награждать и тружениковъ, доставляющихъ громадныя выгоды. А посмотришь—кто отличенъ, кто награжденъ? Ровно никто, развѣ кое-кто изъ высшихъ властей, а въ низшихъ слояхъ вездѣ проглядываетъ печальное нѣтъ. Грустно и еще становится грустнѣй, когда узнаешь, что, бывало, десятки тысячъ остаточныхъ суммъ отсылались обратно за неупотребленіемъ. Еслибъ мѣстные начальники въ видахъ заботливости о благоустройствѣ мѣстности употребляли изъ от-

(*) Докладъ господина министра финансовъ Государю Императору Александру I.

пускаемыхъ въ избыткѣ суммъ хотя по три тысячи ежегодно, то и тогда Дѣдюхино въ 90 лѣтъ перещеголяло бы Усолье; мѣстность была осушена чрезъ наемъ мастерскихъ женокъ—и деньги, внесенныя женками въ свою семью, дали бы имъ возможность улучшить бытъ своего семейства; да и мужья ихъ и дѣти могли бы работать изъ-за казенныхъ работъ въ свободное время. Но начальники не заблагоразсудили благодѣтельствовать народу. Нѣтъ возможности согласиться, чтобъ они не могли этого сдѣлать. Извѣстно всякому, сколько-нибудь смыслящему дѣльцу—какъ дѣлаются дѣла на свѣтѣ; если есть добрая воля, то найдется множество благовидныхъ причинъ и способовъ для достиженія предположенной цѣли, и наоборотъ. Само правительство желаетъ благоустройства и отпускало деньги въ избыткѣ, не находя того убыточнымъ для казны; но начальники поставили себѣ непремѣнною обязанностію заботиться, чтобъ не пала лишняя четь деньги на пудъ соли, если употребить ее въ пользу подвѣдомыхъ людей. А употребить ее они могли бы въ видѣ награды соловарамъ и подсоловарамъ, которые, по тяжкой своей работѣ, дѣйствительно достойны награжденія, а награжденъ ли хоть одинъ соловаръ? Чтобъ награда могла имѣть какое-либо значеніе, она должна быть назначаема рѣдко да мѣтко и въ такомъ размѣрѣ, чтобъ могла дать благосостояніе труженику и подкрѣпить его на новый подвигъ, а раздробленная и назначаемая безъ разбора, она не приноситъ плода. Прекрасно, повторю, сберегать казну. Но зачѣмъ же чрезъ излишнюю скупость подвергать людей лишеніямъ? Ужели деньги цѣннѣе людей? Кто думаетъ такъ, тотъ жестоко ошибается. Деньги—капиталъ мертвый, а люди—живой. Впрочемъ, въ послѣднее время, видъ Дѣдюхина нѣсколько улучшился проведеніемъ насыпи къ кладбищу, возвышеніемъ Никольской улицы и постройкою двухъ длинныхъ домовъ и казенныхъ зданій. Домовъ въ Дѣдюхинѣ считается 757.

Направленіе улицъ идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ; только двѣ улицы—Никольская и Соликамская—идутъ съ юго-

востока на сѣверо-западъ. Расположеніе домовъ на многихъ улицахъ такое, что иной домъ выдается на улицу, а иной уступаетъ отъ нея, отчего улицы кажутся неровными, кривыми и узкими. Бывшій въ 1847 году пожаръ истребилъ близъ сотни обывательскихъ ветхихъ домовъ, и чрезъ постройку новыхъ, по плану, улучшилъ правильность улицъ въ погорѣлой части, но умножилъ въ ней грязь, потому что новые дома стали на бывшія улицы, осушенныя проведеніемъ канавъ, а новыя улицы прошли по бывшимъ огородамъ. Въ сухую погоду можно ѣздить по городу безъ затрудненія, ныряя индѣ изъ ложка въ ложокъ и попадая въ непросыхающія лывины; въ ненастную же погоду нога у лошади вязнетъ въ грязи чуть не по колѣно, а колеса грузнутъ въ ней чуть не по трубицу; всѣ улицы грязны, но грязнѣе прочихъ Никольская, Кокушкина и Воскресенская. Грязность ихъ, вѣроятно, много зависитъ отъ весенняго полноводія, бывающаго на нихъ продолжительнѣе противу прочихъ мѣстъ и достигающаго индѣ до 4-хъ аршинъ, отчего жители ѣздятъ изъ дома въ домъ въ лодкахъ; многіе же выходятъ изъ домовъ своихъ, потому что вода заливается къ нимъ въ печки. Еслибъ не весеннее потопленіе, то, по дешевизнѣ рабочихъ рукъ и по обилію недорогаго матеріала можно было бы вымостить улицы мостовыми, къ чему и было приступлено въ 1808 году на Никольской улицѣ, называемой еще Мостовою. Но необыкновеннымъ наводненіемъ 1810 года мостовая была разрушена и къ возобновленію ея уже не приступали. Опытъ показалъ, что весеннее наводненіе въ здѣшнихъ мѣстахъ можно умѣрить прокопкою каналовъ и насыпями, изъ коихъ самая прочная есть плачная. Чтобъ значительнѣе предохранить мѣстность отъ потопленія, можно было бы провести новый каналъ чрезъ урочище—Воргу къ Чашкину озеру, выпустить изъ озера сколько возможно воды и чрезъ то образовать огромную чашу для воспріятія весенней воды. Тогда сношеніе Дѣдюхина съ окрестностями не было бы такъ затруднительно, какъ нынѣ.

Заговоривъ о сношеніи Дѣдюхина съ окрестностями, надобно

сказать, что чрезъ него пролегаютъ три проселочныя дороги— въ Соликамскъ, Веретію и Пыскоръ. Ѣзда по нимъ и въ сухую погоду весьма неудобна, потому что дороги отъ начала своего остаются въ первобытномъ состояніи, безъ всякой обработки, и пролегаютъ по косогорамъ, уваламъ, логамъ и топямъ. За то и видъ ихъ безобразный и виловатый, потому что каждый ѣдетъ какъ ему вздумается, избирая негрязное и гладкое мѣсто, чрезъ что направленіе дороги измѣняется почти безпрерывно. Таковы дороги въ ясную погоду, о ненастной же и говорить нечего: всюду грязь, едва проходимая, во время которой пѣшеходы лѣпятся по окраинамъ дорогъ и улицъ. Это лѣтомъ и осенью, зимою же выпадаетъ много снѣга и заноситъ дороги такъ, что двумъ встрѣчнымъ ѣздокамъ разъѣхаться невозможно безъ того, чтобъ одинъ изъ нихъ не своротилъ съ дороги въ снѣгъ, гдѣ лошадь его грузнетъ по грудь и съ большимъ трудомъ выскакиваетъ потомъ на дорогу, пурхаясь въ снѣгу; парами въ рядъ зимою не ѣздятъ, но гуськомъ: пѣшеходы, особенно женщины, встрѣтясь съ обозомъ, сторонятся съ дороги, погружаясь въ снѣгъ по чресла и ждутъ, пока пройдетъ обозъ. Весною сообщеніе съ окрестностями производится на лодкахъ оттого, что вся окрестность заливается водою, непозволяющею ни выйти, ни выѣхать.

Обыкновенно русскіе города славятся благолѣпіемъ церквей, и посѣтитель въ правѣ надѣяться, что взоръ его, утомленный печальною картиною Дѣдюхинской мѣстности, отдохнетъ и развеселится въ храмѣ молитвы. Но Дѣдюхинскій Христорождественскій соборъ, ограда котораго 15 лѣтъ находилась въ развалинахъ, не доставитъ этого утѣшенія пріѣзжему путешественнику. Церковь заложена въ 1732 году, строена иждивеніемъ Пыскорскаго монастыря и окончена въ 1739 году при архимандритѣ Даніилѣ и смотрителѣ Пермскихъ соляныхъ промысловъ секретарѣ Иванѣ Шестаковѣ. Войдя во внутренность храма, богомолецъ въ теплой его части не встрѣтитъ богатства, но и обветшалость не огорчитъ сердца. По срединѣ храма, у простѣна, между

дверей, ведущихъ въ холодную часть храма, есть образъ Рождества Христова въ серебряной ризѣ съ вычеканенною надписью; *„сей образъ написанъ въ молитвенный храмъ спасовъ въ Рожественвкое усолье во рів году, при архимандритѣ Пафнутіѣ съ братіею, тщаніемъ ихъ. Присылать сію икону въ монастырь къ Спасу по вся годы на Рожество Христово. На утріе Рожества, соборнѣ провожая къ подгорной церквѣ, пѣть молебенъ и литурія служить, и проводя, въ Рожественскомъ молебенъ же пѣть“*. Эта надпись показываетъ, что въ 1684 году здѣсь былъ молитвенный домъ или часовня, въ которой въ дни поднятія иконы не служилась обѣдня, а только пѣть молебенъ, чего не могло бы быть, еслибъ молитвенный храмъ былъ не часовня, а церковь. Въ 1700 году Дѣдюхино именовалось селомъ; слѣдственно въ то время была въ немъ церковь, сгорѣвшая въ 1732 году.

Вступая изъ теплаго въ холодный отдѣлъ собора, взоръ поклонника изумляется при взглядѣ на ветхій запыленный иконостасъ съ нахожденіемъ на немъ святыхъ изображеній безъ носа, безъ глазъ и даже безъ лика. Отчего это? невольно представляется уму. Ужели нѣтъ усердія прихожанъ? усердіе прихожанъ несомнѣнно и деньги бывали въ запасѣ. Говорятъ, что въ Усольскій соборъ были отданы по распоряженію духовнаго начальства 5,000 рублей ассигнаціями и не возвращены; и теперь церковь имѣетъ порядочныя деньги, да духовная власть не даетъ имъ хода на благоустройство храма. Хотя украшеніе церквей не составляетъ существенной ихъ принадлежности, однакоже благолѣпіе храмовъ развиваетъ чувство изящнаго въ человѣкѣ и потому благотворно дѣйствуетъ на душу посѣтителя. Какъ ни вопіютъ противу роскоши, но не роскошь вредна, а наше стремленіе жить не по средствамъ бѣдственно для насъ. Довольствоваться же однимъ роскошнымъ украшеніемъ храмовъ будетъ односторонней внѣшностію, недающею права на имя истиннаго христіанина. Чтобъ заслужить лестное имя истиннаго христіанина, недостаточно быть участникомъ въ украшеніи церквей, но слѣду-

етъ еще, и прежде всего, сіять нравственностію, слѣдуетъ прежде всего быть благотворителемъ меньшей братіи и улучшителемъ мѣстности. Чрезъ улучшеніе мѣстности устраняются многіе случаи недовольства на бытовую обстановку, предотвращаются поводы къ бранчивости на скверныя дороги и развивается благоденствіе, а чрезъ то возникаетъ нравственное усовершеніе. Чтобъ понять народу пути къ нравственному усовершенію чрезъ улучшеніе ихъ быта, нужно разъясненіе этихъ путей мѣстными пастырями. Хотя въ пастыряхъ нѣтъ недостатка для пасомаго стада, но не слышно, чтобъ хотя одинъ изъ нихъ славился здѣсь проповѣданіемъ слова Божія, которое такъ нужно народу въ его домашнемъ, общественномъ и правительственномъ быту. Пастыри же не только не заботятся объ ученіи паствы своей, но и церковную службу совершаютъ кое-какъ, діаконы ревутъ, а дьячки вопятъ. Когда въ церкви дозволяется непристойность, то какая же можетъ быть благопристойность въ домашнемъ быту?

Съ душою, переполненною грусти, вышедъ изъ собора, пойдемъ въ кладбищенскую церковь Всѣхъ Святыхъ, отстоящую отъ собора въ полуторѣ верстѣ, внѣ города, на сѣверо-западъ. Уже наружный видъ ея производитъ пріятное впечатлѣніе на душу и обѣщаетъ отраду внутри храма. И точно, войдя въ храмъ, въ душу вливается сладость отъ благодатнаго велелѣпія храма. Все чисто, опрятно и благолѣпно. Лики святыхъ неуродливы, но вдохновлены неземною жизнію и писаны съ гравюръ самородкою-живописцемъ, Ул. Аф. Орловымъ, изобразившимъ ихъ такъ удачно, какъ дай Богъ писать многимъ. Особенно замѣчательны мѣстные образа Всѣхъ Святыхъ, Спасителя и Его Матери, также запрестольный образъ моленія о чашѣ. Въ куполѣ изображено второе пришествіе Христа во славѣ. Христосъ стоитъ на облакахъ воздушныхъ, обнимая правою рукою крестъ таинственнаго своего страданія, и окруженный трубнымъ сонмомъ ангеловъ и херувимами. У праваго клироса стоитъ, какъ святыня,

списокъ съ Иверской иконы, что въ Москвѣ. Образъ многоцѣнный, въ серебряно-золоченой ризѣ, украшенный разноцвѣтными камнями и брильянтами, и есть даръ благодаренія за исцѣленіе отъ мучительной болѣзни жертвователя въ Москвѣ, о чемъ Е. А. Кармалинъ разсказывалъ такъ: страдалъ онъ много времени невыносимыми рѣзями въ правомъ подреберьи; лечили его извѣстные доктора, но вмѣсто облегченія, мученія его удвоились и довели до отчаянія. Домъ его въ Москвѣ стоялъ противу лавокъ, въ которыхъ въ одно утро былъ пѣтъ молебенъ предъ Иверскимъ образомъ Дѣвы Маріи. Ему домашніе посовѣтовали пригласить священно-дѣйствующихъ для молебна, во время коего онъ просилъ себѣ либо выздоровленія, либо смерти. Послѣ молебна ему посовѣтовали съѣздить въ университетскую клинику, гдѣ, по совѣту студентовъ, онъ обратился къ адъюнкту Топорову, который опредѣлилъ болѣзнь раздраженіемъ печени и прописалъ микстуру, помогшую въ первый же день. Такая быстрая помощь такъ поразила больнаго, что внушеніе съѣздить въ клинику онъ приписалъ небесной благодати, въ знакъ чего, чрезъ 12 лѣтъ послѣ исцѣленія, внесенъ съ иконы списокъ въ кладбищенскую церковь съ подобающимъ торжествомъ октября 1 дня 1858 года. Церковь начата постройкою въ 1850 году и окончена усердіемъ того же г. Кармалина въ 1854 году.

Мѣстное управленіе сосредоточено въ соляномъ правленіи, въ коемъ предсѣдательствуетъ управляющій, имѣя по бокамъ помощника и 2 совѣтниковъ, сравненныхъ въ правахъ съ помощникомъ или, правильнѣе, помощникъ сравненъ съ совѣтниками. Каждый изъ членовъ правленія зовѣдываетъ особыми дѣлами,—помощникъ по надзору за частными соляными промыслами, старшій совѣтникъ—распорядительною частію, касающеюся Дѣдюхинскаго завода, а младшій—контролемъ его. Для теченія дѣлъ учреждены особые столы, завѣдываемые столоначальниками. У помощника два стола распорядительный и булгартерскій по частнымъ промысламъ, у старшаго совѣтника 1 и 2 распоряди-

тельные, у младшаго контрольный и булгалтерскій. Кромѣ того учреждены еще два стола, журнальный и провіантскій, чертежная и казначейство.

Надзоръ за частными промыслами учрежденъ въ 1853 году и устроенъ для полнаго и вѣрнаго взиманія солянаго акциза и прекращенія корчемства. Цѣль, безспорно, прекрасная и необходимая для государства. Но можетъ ли надзоръ ручаться за полное собраніе акциза государствомъ? Къ сожалѣнію должно отвѣчать отрицательно. Отрицанія неминуемо вытекаютъ: 1) изъ свойства соли; 2) изъ устройства надзора; 3) изъ существа самаго акциза.

Соль есть продуктъ, подверженный усышкѣ-утечкѣ, и чрезъ то грозящій неизбѣжнымъ убыткомъ покупателю, если онъ получитъ товаръ въ контаръ или въ стрѣлку; поэтому оптовый торговецъ, промышляющій солью, неминуемо заботится и будетъ заботиться получить соль въ избыткѣ или съ провѣсомъ; въ противномъ случаѣ онъ понесетъ потери, какъ и случалось. Но на покрытіе потерь отъ усышки-утечки въ дорогѣ, оптовому покупателю законъ не дозволяетъ отпускать ни золотника. Чтобъ избѣгнуть потерь, покупатель устроиваетъ и будетъ устроивать дѣло съ ближайшими приставниками у отпуска соли. Нѣтъ надобности разъяснять здѣсь, кто именно и въ какой мѣрѣ участвуетъ въ отпускѣ соли, но должно сказать, что усышкою-утечкою соли покупатель или кто другой поставляется въ безвыходное положеніе, въ которомъ онъ долженъ дѣйствовать такъ, а не иначе; въ противномъ случаѣ убытки неизбѣжны отъ неуловимаго исчезанія соли въ дорогѣ. Но надзоръ на законномъ основаніи не дозволяетъ кому бы то ни было получить соль въ избыткѣ. Чтобъ склонить надзоръ на свою сторону, покупатель или кто другой долженъ прійти къ нему съ поклономъ; и надзору надобно быть слишкомъ жестокосерду, чтобъ устоять противу радушно обольстительныхъ моленій ходатая. Слѣдственно, чтобъ получить соль на покрытіе усышки-утечки, покупатель или кто другой дѣлаетъ издержки, требую-

щія въ свою очередь покрытія, и онѣ покрываются новымъ привѣсомъ соли, идущимъ безъ взиманія акциза. Итакъ, какъ ни посмотришь на соль, а выходитъ одно, что корчемство ею при нынѣшнемъ надзорѣ неизбѣжно, и надзоръ не ослабляетъ его, а можно сказать увеличиваетъ безакцизный отпускъ соли. Это неоспоримая истина и обычный порядокъ, установленный солью.

Но кромѣ оптовыхъ покупателей соли бываютъ еще мелочные торгаши ею, которые не имѣютъ ни средствъ, ни способовъ дѣйствовать подобно оптовымъ покупателямъ и уже прямо разсчитываютъ получить всю соль или половину ея безъ всякаго акциза отъ солеваровъ и добывателей соли. Мелочныхъ корчемниковъ преслѣдуетъ стража, но случалось, что при преслѣдованіи стража вступала съ ними въ схватку и, по малочисленности своей, подвергалась проломамъ череповъ и протыканію спины. Мало того, корчемники коннаго башкира совсѣмъ съ лошадью ввергали-было въ пылающую подчренную печь и хотѣли тамъ его сжечь, да не успѣли, а обожгли одну ногу. Послѣ такихъ испытаній, башкиры разочли, что выгоднѣе имъ сблизиться съ корчемниками, чѣмъ подвергаться увѣчьямъ и мучительной смерти въ раскаленной печи безданно-безпошлинно: и дѣйствительно сблизились, провожая иногда сами корчемную соль. Вслѣдствіе такого сближенія слухи о поимкѣ мелочныхъ корчемниковъ сдѣлались рѣдки и башкиры признаны неспособными къ преслѣдованію корчемниковъ. Ихъ замѣнили казаки, дѣйствующіе неуспѣшнѣе башкировъ. Итакъ къ мелочнымъ корчемникамъ присоединилась еще стража, числительностію своею умножившая число корчемниковъ, а чрезъ то и корчемство солью.

При дѣйствіи солянаго акциза нѣтъ возможности прекратить корчемство солью, потому что наложеніе акциза возвышаетъ цѣнность соли значительно; высокая цѣна соли будетъ служить достаточнымъ побужденіемъ и увлекательнымъ соблазномъ къ пріобрѣтенію соли по дешевой цѣнѣ, и чѣмъ де-

шевле достанется кому-либо соль, тѣмъ больше пріобрѣтетъ онъ барышей. А какимъ образомъ добудетъ кто-либо наидешевѣйшей соли, какъ ни корчемствомъ? И пускается жадный къ быстрому обогащенію промышленникъ на корчемство, и промыселъ его идетъ удачно, особенно, если онъ стакнется со стражей. Везутъ корчемники соль безпрепятственно и акцизъ не получается казною, а доставляетъ большую прибыль корчемникамъ, размноженію коихъ способствуетъ высокость акциза; и чѣмъ выше акцизъ, тѣмъ болѣе явится охотниковъ корчемничать солью—другими словами: чѣмъ дороже будетъ продаваться соль, тѣмъ болѣе будетъ соблазновъ къ пріобрѣтенію ея по дешевой цѣнѣ и чрезъ то къ наживѣ.

Итакъ надзоръ и акцизъ не истребляютъ, а увеличиваютъ корчемство солью и честной стражѣ корчемники грозятъ увѣчьями и мучительною смертью въ огненной печи; а потому безошибочно можно сказать, что надзоръ и соляной акцизъ не ручаются государству за свою пользу и причиняютъ вредъ. Какъ надзоръ, такъ и акцизъ развиваютъ корчемство и лишаютъ государство доходовъ, а притомъ развращаютъ нравственность народа, увлекающагося помыслами о скоромъ обогащеніи. Живые примѣры сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе человѣка, чѣмъ мертвыя буквы и пустозвонныя острастки, уничтожаемыя ходатайствами.

Такое видимое зло, естественно, возбуждаетъ думы: какъ бы уничтожить его. Но какъ ни думаешь, а приходишь къ одному заключенію, что уничтоженіе его возможно лишь съ замѣною косвеннаго налога прямымъ (*). Соль есть необходимая потребность для сановника и писца, для богача и бѣдняка, для барина и слуги, и всѣ платятъ за нее пошлину только не прямо, а косвенно—акцизомъ, который падаетъ не на заводчиковъ, а на потребителей и есть косвенный налогъ. Чѣмъ платить намъ косвенно, не лучше ли отдать то же самое прямо? Въ косвенностяхъ неизбѣжны околицы и косины, которыя и заключаются въ вышеобъясненномъ надзорѣ за солью. Околицы и косины не бываютъ въ прямомъ

(*) Проектъ этотъ, разумѣется, остается на отвѣтственности автора. *Ред.*

пути. Прямой путь для уничтоженія акциза заключается въ приведеніи въ извѣстность всей, собираемой государствомъ за соль, годовой суммы и разложеніи ея на потребителей отъ сановника до простолюдина. Но при такомъ разложеніи можетъ встрѣтиться неудобство наложенія подати на служебные чины. Это неудобство давно устранено узаконеннымъ примѣромъ, то есть, вычетомъ изъ жалованья чиновниковъ на госпиталь. Такой же вычетъ можетъ быть опредѣленъ и на соль, чтобъ служащіе и отставные чины получали ее по нарицательной цѣнѣ, наравнѣ съ прочими потребителями, уплачивая вычетомъ изъ жалованья и пенсіи пошлинныя деньги.

Нѣтъ надобности доказывать здѣсь дворянству, купечеству и народу, что отъ замѣны акциза прямымъ налогомъ они не терпятъ ничего, потому что при существованіи акциза они платили, платятъ и будутъ платить косвенную подать. Соль есть единственный продуктъ, съ котораго удобно и выгодно снять косвенный налогъ, обративъ его въ прямой. Соль не прихоть, а насущная для народа необходимость, равномѣрно распредѣляющаяся на потребителей, если не въ осетринѣ, икрѣ и колбасѣ, то въ сигахъ, капустѣ, груздяхъ, солонинѣ и проч. Если въ какомъ мѣстѣ нѣтъ рыбы для соленія, тамъ замѣняютъ ее грузди, овощи, либо мясо. Положимъ, что соленая рыба и мясо служатъ предметомъ торговли, но изъ торговли не исключаются и овощи и грузди; а потому хотя они заготовляются однимъ лицомъ, потребляются же многими; и расходъ, употребленный на приготовленіе ихъ впрокъ однимъ лицомъ, падаетъ не на это лицо, а все-таки на потребителей, изъ коихъ одинъ ѣстъ болѣе соленой рыбы, другой мяса, третій груздей и капусты, чрезъ что и равняются въ потребленіи соли.

Все это показываетъ, что замѣна солянаго акциза прямымъ налогомъ необременительна ни для кого и къ примѣненію на дѣлѣ весьма удобна. Стоитъ только счесть получавшійся доселѣ доходъ съ соли и разложить его на потребителей. Изъ доходовъ за многіе годы можетъ быть опредѣлено вѣрное число, удобопримѣнимое къ раскладкѣ; по разложеніи продажная цѣ-

на соли должна быть понижена сообразно сдѣланной раскладкѣ. Но быть можетъ, изъ сличенія годовыхъ доходовъ окажется, что они современемъ возрастали; тогда сообразно съ оказавшимся возрастаніемъ можетъ быть увеличиваемъ и налогъ за соль повременно, причемъ слѣдуетъ брать въ разсчетъ и размноженіе народонаселенія. Изъ этого видно, что и государство чрезъ перемѣну косвеннаго налога на соль не проигрываетъ, а напротивъ можетъ выиграть. Выигрышу можетъ много способствовать уничтоженіе издержекъ, шедшихъ на содержаніе штатныхъ чиновниковъ по надзору. Если пристальнѣй вглядишься въ надзоръ, то невольно убѣдишься, что изъ него образовались тепленькія мѣстечки, дающія нѣкоторымъ лицамъ прокормленіе; а потому прибыли государственной могутъ много пособить заводчики и оптовые покупатели соли, если они добросовѣстно обнаружатъ темные, негласные расходы по своей промышленности. Эти расходы должны быть внесены въ общую раскладку, отъ чего доходы государства могутъ увеличиться, кромѣ поступавшаго въ казну акциза, еще доходами отъ негласныхъ расходовъ, которые, обнаружа въ видахъ государственной пользы, заводчики благоволятъ платить въ казну въ видѣ пошлины, на что они должны согласиться охотно, сколько изъ чувства благородства, столько же и изъ собственной пользы, потому что акцизъ служитъ стѣсненіемъ и для промышленности и для торговли. Заводчики, не имѣя достаточнаго числа покупателей, принуждены за взятую ими самими изъ-подъ надзора соль внести акцизъ въ опредѣленный срокъ, по минованіи коего налагается на нихъ пеня, если не внесутъ акциза въ назначенный срокъ. Чтобъ избавиться пени, заводчики платятъ акцизъ въ срокъ за взятую, но еще непроданную соль, которой накопляется въ Нижнемъ до двухъ милліоновъ, уже оплаченныхъ акцизомъ. Внося акцизъ за проданную соль, заводчики затрачиваютъ капиталъ, который лежитъ мертвъ, безъ всякаго движенія, и вносятъ не за себя, а за будущихъ потребителей, подвергаясь убыткамъ отъ усышки-утечки соли. Чтобъ покрыть

убытки, заводчики должны держать высокую продажную цѣну на соль, прибѣгая притомъ къ привѣсу; иначе убытки неизбѣжны. Хорошо, если заводчикъ имѣетъ свои наличныя деньги, тогда онъ можетъ внести акцизъ безъ новаго обремененія для себя, а если своихъ денегъ не имѣетъ и соль не продана, то долженъ прибѣгнуть къ займу съ процентами, которые чѣмъ онъ уплатитъ, какъ не прибыльными разсчетами на соль? иначе дѣла его пойдутъ плохо и, какъ говорится, лопнутъ. Освободившись же отъ акциза, заводчики затрачиваемый нынѣ непроизводительно капиталъ могутъ оживить, пустивъ его въ ходъ на усовершенствованія по заводу. Тягостна для солепромышленниковъ роль собирателей косвеннаго налога съ потребителей, влекущая за собою не развитіе, а подавленіе промышленности; въ случаѣ же разбитія судна, они подвергаются новой тягости—уплачивать акцизъ или косвенный налогъ за водяную бездну, поглотившую ихъ соль, и терпятъ тройную потерю безъ всякаго вознагражденія въ будущемъ.

Самые потребители, при прямомъ налогѣ, будутъ въ выигрышѣ, потому что получатъ соль цѣною дешевле прежней оттого, что заводчикъ или оптовый покупатель, не внося акциза впередъ, не имѣютъ уже случая набрасывать проценты на затрачивавшійся понынѣ капиталъ и держать соль въ высокой цѣнѣ. Если они вздумаютъ дорожиться по прежнему, то найдутся другіе дѣятели съ меньшимъ капиталомъ и сдѣлаются ихъ соперниками, и теперь нашлись бы понизители цѣнъ на соль, да акцизъ требуетъ тройнаго капитала для торговли. Такъ какъ соль потребляется наиболѣе простонародьемъ, то зажиточные крестьяне, при безакцизности ея, займутся соляною торговлею охотнѣе прежняго и запасами своими могутъ понизить ея стоимость.

Чрезъ удешевленіе соли отнимается у корчемниковъ приманка подвергать себя опасности и законной отвѣтственности изъ-за ничтожной, копѣечной прибыли, чрезъ что пресѣкнется одинъ изъ поводовъ къ преступленіямъ; рублевая же, при акцизѣ,

прибыль служила и будетъ служить достаточнымъ поводомъ къ развитію корчемства солью, умножающаго расходы на производство уголовныхъ дѣлъ. Удешевленіемъ же отечественной соли и уничтоженіемъ акциза государство предохраняется отъ наплыва иностранной соли, и слѣдственно ограничивается безвыгодный переводъ отечественныхъ капиталовъ за границу; акцизъ же даетъ иностранцамъ силу и выгодную возможность наводнять наше отечество, въ ущербъ намъ, заграничною солью; потому что доставка къ намъ чужеземной соли, привозимой въ видѣ балласта, обходится дешевле нашей. Къ чему намъ такіе баласты, когда своей соли у насъ лежатъ милліоны безъ всякаго движенія и подверженные усышкѣ-утечкѣ безъ вознагражденія? И какая польза намъ отъ иностранной соли? Иностранцы, привозя соль, платятъ пошлину нашими же деньгами, вырученными съ покупателей, а иногда продаютъ ее и корчемникамъ. Есть слухи, что корчемники пускаются на свой промыселъ въ ужасную бурю въ той увѣренности, что береговая стража небдительно слѣдитъ за бушующей пучиной моря, грозящаго неминуемой гибелью смѣльчакамъ; и отважные корчемники платятся иногда жизнію за свою отвагу.

Чтобъ заграничная соль, по снятіи акциза, приносила государству существенную пользу, не худо было бы обложить ее пошлиной, которая уплачивалась бы изъ нарицательной опредѣленной цѣны, взимаемой иностранцами за соль съ покупателей. Конечно и тутъ могутъ быть стачки, но для предупрежденія стачекъ слѣдовало бы прибить къ стѣнамъ, на пристаняхъ, положеніе объ усиленныхъ наградахъ, и стачки были бы въ тискахъ. Да и отъ пошлины мало намъ пользы. Лучше было бы, еслибъ иностранцы везли къ намъ безпошлинно желѣзо и машины, намъ нужныя, чѣмъ ненужную соль со внесеніемъ пошлины, уплачивавшейся и уплачиваемой нынѣ сборомъ съ насъ же, потребителей. Лучше для государства получить безпошлинно въ балластѣ желѣзо, потребное на удовлетвореніе нуждамъ, нетерпящимъ отлагательства, чѣмъ соль, въ

которой не предвидится недостатка, а напротивъ громоздятся милліоны излишка. Если за симъ откроется, что для иностранцевъ будетъ выгодно привозить балластную соль, то въ мѣстностяхъ, куда идетъ иностранная соль, надобно будетъ понизить цѣну на нее въ такомъ размѣрѣ, чтобъ не досталось иностранцамъ большихъ барышей. Для этого можно было бы изъ Нижняго и съ промысловъ двинуть казенную соль въ приморскія мѣстности, обезпечивъ ихъ чрезъ то благовременно на трехъ-годичное продовольствіе, и пустить соль по уменьшенной цѣнѣ; отъ этого не будетъ никакого ущерба потому, что отъ непотребленія милліоны казенной соли подвергаются усышкѣ-утечкѣ, отъ которыхъ современемъ можетъ исчезнуть вся соль ни за грошъ и безъ всякой пользы. Чѣмъ гибнуть милліонамъ безъ всякой пользы и даромъ, не лучше ли доставить чрезъ нихъ пользу пониженіемъ цѣны на иностранную соль въ финскихъ прибрежьяхъ и предотвратить большую потерю меньшею? Мы жертвуемъ людьми и деньгами въ кровавыхъ браняхъ, отчего же не пожертвовать ничтожною потерею отъ соли для войны безкровной, для войны торговой? Торговая война славнѣе, прибыльнѣе и человѣчнѣе кровавой. И притомъ чѣмъ же для нея жертвуется? Неизбѣжною потерею — или чрезъ малую потерю спасается капиталъ отъ неизбѣжнаго, дароваго похищенія временемъ или усышко-утечкой.

Итакъ изъ уничтоженія солянаго акциза могутъ произойти для государства слѣдующія выгоды: 1) соблюдается значительная экономія денегъ, идущихъ на содержаніе неудовлетворительныхъ учрежденій и на дѣлопроизводство; 2) уничтожается одинъ изъ случаевъ, способствующихъ къ нанесенію весьма важныхъ увѣчій и къ приключенію скоропостижной смерти; 3) пресѣкается одинъ изъ поводовъ къ преступленіямъ и уголовнымъ дѣламъ; 4) уничтожается препятствіе, задерживающее расходъ отечественной соли и развитіе торговли ею между крестьянами; 5) потребителямъ доставляется удешевленный продуктъ; 6) дешевизною отечественной соли государство предохраняется

отъ наплыва иностранной соли, идущей къ намъ въ видѣ балласта, а чрезъ то ограничивается невыгодный переходъ отечественныхъ капиталовъ; 7) иностранцы озаботятся доставлять намъ балластъ другимъ продуктомъ, наиболѣе для насъ нужнымъ, хоть бы каменнымъ углемъ, удешевляющимъ фабричное производство и отопленіе.

Выше была показана удобность примѣненія прямаго налога къ дѣлу по личностямъ. Но если прямой налогъ обратить не въ личную, а въ поземельную пошлину, то раскладка солянаго акциза не на лица, а на землю становится еще удобнѣе къ примѣненію на дѣлѣ. Впрочемъ судьба прямыхъ налоговъ скрывается въ своевременной порѣ, а теперь прямому соляному налогу предпочитается акцизъ. Поэтому, чтобъ сколько возможно болѣе способствовать успѣшному сбору его, требуется измѣненіе въ нынѣшнемъ промысловомъ порядкѣ, оказавшемся неудовлетворительнымъ по корчемству солью. Для лучшаго ознакомленія со сказанной неудовлетворительностію, нелишне будетъ снова войти въ разсмотрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ и сказать, что неудовлетворительность нынѣшняго наблюденія за соляными промыслами происходитъ отъ того, что всѣ надежды къ уничтоженію корчемства солью возлагаются: а) на добросовѣстность приставниковъ, б) на глазомѣрное свидѣтельство и в) на вѣрность вѣса.

Что касается первой надежды то-есть, добросовѣстности приставниковъ, то объ нихъ безошибочно можно сказать, что они не ангелы, а люди; притомъ же, добросовѣстность ихъ не обезпечена ни хорошимъ жалованьемъ, ни столовыми и квартирными деньгами, ни трудовымъ процентомъ за выгодность солеваренія и увеличенный отпускъ соли. Хотя жалованье на частныхъ промыслахъ сравнительно больше противу прочихъ мѣстъ, но все-же оно не таково, чтобъ при нынѣшнихъ требованіяхъ общества могло удовлетворять всѣмъ нуждамъ надзирающихъ лицъ, потому что въ одинъ годъ дорожаетъ содержаніе, въ другой умножаются издержки на воспитаніе, въ

третій увеличиваются потребности общественной жизни—однимъ словомъ, жизнь идетъ впередъ, требованія растутъ, а бюджетъ чиновника все тотъ же; о старательскомъ же процентѣ и не упоминается въ положеніяхъ; отъ сего добросовѣстность необезпеченныхъ приставниковъ находится на краю искушенія; а потому и строгихъ правилъ приставникъ скоро свыкается съ успокоительною мыслію, что онъ человѣкъ, долженствующій жить согласно времени и для пріобрѣтенія средствъ къ современной жизни мало-по-малу дозволитъ себѣ различныя отступленія отъ долга и закона. Граница этихъ отступленій находится въ зависимости отъ смышлености и добросовѣстности приставниковъ: чѣмъ добросовѣстнѣе и благоразумнѣе приставникъ, тѣмъ менѣе произвольныхъ проступковъ, и на оборотъ.

Возможность произвольныхъ отступленій отъ закона и долга предвидѣли законодатели и для ограниченія ихъ назначили ежемѣсячное глазомѣрное освидѣтельствованіе соляныхъ магазиновъ по книжнымъ записямъ. Уже слово „глазомѣръ“ положительно говоритъ о неточности свидѣтельства. А какъ глазомѣръ у различныхъ лицъ бываетъ различенъ, то и степень неточности глазомѣрнаго свидѣтельства бываетъ различна; у зоркаго человѣка глазомѣрное свидѣтельство будетъ приблизительнѣе къ истинѣ, чѣмъ у близорукаго, потому что глазомѣръ у зоркаго человѣка вѣрнѣе, чѣмъ у близорукаго. Да и зоркій человѣкъ можетъ опредѣлить количество хранящейся въ магазинахъ соли приблизительно, а не положительно. Приблизительность опредѣленія хранящейся въ магазинахъ соли зависитъ отъ тщательнаго осмотра и отъ умственнаго соображенія свидѣтельствующихъ лицъ. Но какъ бы свидѣтельствующія лица осмотрительны и умны ни были, а они въ своемъ глазомѣрномъ свидѣтельствѣ далѣе примѣрнаго опредѣленія не пойдутъ и до самой очистки магазиновъ будутъ находиться въ сомнѣніи о наличіи соли. Поэтому окончательный выпускъ соли изъ магазиновъ опредѣляетъ количество ея вѣсомъ и постоянно обозначаетъ ошибочность глазомѣрнаго свидѣтельства; тамъ, гдѣ

казалось ея больше, выходитъ меньше, а гдѣ казалось меньше, тамъ выходитъ больше; и оттого усышка-утечка соли въ соляныхъ магазинахъ выражается въ такихъ числахъ— 0, 12, 20, 45 и 112 пудовъ на 1,000; 0 и 112 усышки-утечки на 1,000 разница огромная. Разность усышки-утечки зависитъ отъ сметливости и заботливости приставниковъ. Заботливый приставникъ старается принимать соль въ магазины съ значительнымъ привѣсомъ, а безпечный ведетъ свои дѣла спустя рукава; сметливый же приставникъ улаживаетъ свои дѣйствія такъ, что въ отчетности своей устраняетъ слишкомъ мелкія и слишкомъ крупныя цифры, и усышка-утечка соли у него выражается въ среднихъ, вожделѣнныхъ цифрахъ отъ 30 до 50 на 1,000 пудовъ; онъ, при значительномъ запасѣ, съумѣетъ спустить съ своихъ рукъ излишекъ соли охотнику, при незапасности же скупо отпускаетъ соль покупателямъ и поставщикамъ. Въ общей отчетности мелкія цифры слагаются съ крупными и такимъ образомъ общая усышка-утечка по заводамъ выражается въ среднихъ, желанныхъ цифрахъ.

Все это показываетъ, что ни при пріемѣ, ни при отпускѣ соли нѣтъ вѣрнаго вѣса въ ней; а свидѣтельствующія лица не имѣютъ возможности повѣрить правильность вѣса при отпускѣ соли, и очень довольны, если при отпускѣ не окажется недостатка, во избѣжаніе котораго и допускается пріемъ соли съ привѣсомъ въ магазины. Пріемъ соли съ привѣсомъ и сбытъ послѣдняго вполнѣ зависятъ отъ смышлености приставника, котораго свидѣтельствующее лицо усчитать не можетъ. Поглядитъ ли свидѣтельствующее лицо по магазинамъ, заглянетъ ли въ грузящіяся суда? вездѣ увидитъ неизмѣримую массу бѣлѣющейся въ нихъ соли. Какое же можетъ быть сдѣланъ учетъ приставнику по глазомѣру? Ровно никакого. Учетъ приставника можетъ быть произведенъ лишь чрезъ перевѣску погруженной соли. А на какой счетъ произвести ее? На свой страхъ перевѣску произвести опасно безъ увѣренности въ успѣхѣ, а казна не отпускаетъ на то особой суммы; поэтому

свидѣтельствующее лицо безъ дальнихъ хлопотъ и довольствуется общею усышкою-утечкою, выражающеюся въ среднихъ цифрахъ.

Что же дѣлать, чтобъ свидѣтельствующему лицу дать возможность повѣрить и усчитать приставниковъ во всякое время? Чтобъ ограничить произволъ въ пріемѣ и отпускѣ соли у приставниковъ, не худо было бы подчинить ихъ законамъ науки и опыта, потому что одна опытная наука не лжетъ. Примѣненіе же опытной науки къ пріему и отпуску соли можетъ быть приспособлено такъ, что прежде всего слѣдовало бы сдѣлать кубическій ящикъ въ сажень величиною во всѣ стороны; набить его поваренною солью плотно по вѣрному вѣсу и такимъ образомъ опредѣлить кубическую сажень поваренной соли по вѣрному вѣсу, хранить ее за печатями опредѣленный срокъ и чрезъ то опредѣлить усышку-утечку соли въ кубической ея сажени. Въ то же время, какъ устраивается кубическій ящикъ для соли, всѣ порожніе соляные магазины разбиваются на кубическія, односаженныя сквозныя клѣтки изъ брусьевъ, и набиваются постепенно и плотно поваренною солью; набитыя, кубическія, соляныя клѣтки опредѣлятъ количество находящейся въ нихъ соли, и свидѣтельствующему лицу стоитъ только сосчитать ихъ, чтобъ увѣриться въ подлинномъ количествѣ соли; престарѣлый глазомѣръ, какъ ненадежный показатель, уволенъ навсегда отъ завѣренія. Но статься можетъ, что односаженныя кубическія клѣтки, какъ слишкомъ частыя, станутъ затруднять нагрузку соли, при отпускѣ ея изъ магазиновъ. Въ такомъ случаѣ клѣтки можно сдѣлать двухсаженными, трехсаженными и даже вовсе устранить, замѣнивъ ихъ брусками, прикрѣпленными по всѣмъ четыремъ стѣнамъ магазина, и обозначивъ на брускахъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, кубическія сажени, аршины и четверти цифрами, которыя и будутъ вѣрно показывать наличность насыпанной или хранящейся тутъ соли. При кубически-измельченномъ разверстаніи магазиновъ, свидѣтельствующее лицо, вошедши въ нихъ, уже положительно бу-

детъ видѣть: сколько погружено или выгружено изъ извѣстнаго магазина соли въ судно и выгрузку магазина безошибочно повѣрить съ нагрузкою судна. Сличеніе магазина съ судномъ и обозначитъ отпускъ соли. Хотя за непроизведеніемъ опытовъ нельзя представить здѣсь опредѣлительнаго вѣса соли въ кубической сажени цифрами, но для поясненія дѣла допустимъ примѣрно, что по сдѣланіи опытовъ въ различную погоду онъ принятъ будетъ въ сложности за 650 пудовъ, тогда въ 10 кубич. саженяхъ ея будетъ 6,500 пудовъ, въ 20 — 13,000, въ 30 — 19,500 и такъ далѣе. Свидѣтельствующее лицо, вошедши въ магазинъ, сочтетъ въ немъ опорожненныя кубическія сажени, чрезъ что узнаетъ количество отпущенной изъ магазина соли; повѣривъ съ записнымъ вѣсомъ нагруженныхъ судовъ, убѣдится въ вѣрности или невѣрности отпуска. Вѣрность отпуска будетъ соотвѣтствовать опорожненнымъ кубическимъ саженямъ въ магазинѣ, а невѣрность разойдется съ ними. Отсюда сама собою явствуетъ ненадобность особыхъ помощниковъ у соляныхъ приставовъ и контролеровъ, проживающихъ по солянымъ промысламъ. Безполезность этихъ чиновъ доказалъ девятилѣтній опытъ. Кубическая же сажень есть самый вѣрный контролеръ, безсмѣнно находящійся внутри соляныхъ магазиновъ. При такомъ контролерѣ нѣтъ надобности, по соляной части, имѣть особаго инспектора и его помощника, проживающихъ на самыхъ промыслахъ; а достаточно было бы для повѣрки магазиновъ и отпуска соли назначить при губернскомъ управленіи опытнаго ревизора, осматривающаго ихъ повременно и пріѣзжающаго на промысла внезапно. Житье же въ одномъ мѣстѣ лицъ служитъ къ короткому сближенію и пріятельскому знакомству другъ-съ-другомъ, и тогда инспекторство бываетъ не инспекторство, а дружба.

Но такъ какъ между кубическимъ ящикомъ можетъ быть значительная разность противу магазина въ вышинѣ: кубическій ящикъ можетъ быть односаженный, а высота въ магазинѣ можетъ быть трехсаженная и болѣе, поэтому сила давленія соли въ

магазинѣ будетъ несравненно больше, чѣмъ въ односаженномъ ящикѣ; а потому сравненіе односаженнаго ящика съ четырехсаженнымъ магазиномъ будетъ ошибочно по сжатости хранящейся тамъ соли. Чтобъ избѣгнуть подобной ошибки, слѣдуетъ и ящикъ сдѣлать соотвѣтственно высотѣ магазина, либо избрать для опыта одинъ изъ имѣющихся на лицо магазиновъ, наблюдая притомъ погоду. Если я началъ преобразованіе не прямо устройствомъ соотвѣтственно высотѣ магазиновъ ящика и не избраніемъ одного изъ нихъ для опыта, то сдѣлалъ это единственно съ тою цѣлію, чтобъ постепеннымъ переходомъ отъ малаго устройства къ большему нагляднѣе уяснить новый способъ повѣрки наличной соли, при пріемѣ и отпускѣ ея изъ магазиновъ (*).

Но малыми количествами соль можетъ быть похищаема и похищается съ солеваренъ. Отсюда тащатъ ее туесочками и приполами солевары и соленосы. Выручку за смысленную соль они пропивали въ прежнее время на винѣ, при вздорожаніи же его стали пропивать на пивѣ. Слѣдовательно побудительною причиною къ смысленію соли у солеваровъ и соленосовъ служило и служитъ желаніе выпить послѣ трудовъ своихъ тягостныхъ. А потому препоною къ смысленію соли солеварами и соленосами можетъ быть поставлено удовлетвореніе ихъ обыденной потребности отпускомъ вина въ натурѣ, либо деньгами, выдаваемыми ежедневно отъ заводской конторы въ счетъ ихъ платы по книжкамъ. Отпускъ вина въ натурѣ будетъ выгоднѣе для заводчиковъ, могущихъ пріобрѣтать на томъ хорошую прибыль и чрезъ то облегчать дѣйствіе завода въ денежномъ отношеніи. Если заводчики на это согласятся, а согласиться они должны изъ собственныхъ интересовъ, то устройство питейныхъ домовъ они благоволятъ возложить на своихъ довѣренныхъ и устроить ихъ вблизи заводовъ, даже внутри самыхъ заводовъ, въ которыхъ безъ затрудненія можно найти безопасное мѣсто, осо-

---

(*) Кубическая мѣра можетъ быть примѣнена и къ бунтамъ озерной и каменной соли.

бенно для пивоварни. Иначе солевары всегда съумѣютъ смыслить соли на выпивку.

Но здѣсь предвидится возраженіе, что если дозволить устройство питейныхъ домовъ въ самыхъ промыслахъ, то солевары будутъ упиваться и чрезъ то подвергаться опасности сильнаго обжога и обвара, да и въ солевареніи возникнетъ неисправность. На такое возраженіе я долженъ отвѣтить, что, служа по солеваренпымъ заводамъ цвадцатый годъ, я имѣлъ возможность наблюдать весь ходъ заводскихъ порядковъ въ наглядной подробности и могу положительно сказать, что зачастую видалъ солеваровъ и соленосовъ пьяненькими при исполненіи своихъ обязанностей: однакожъ несчастные случаи обжога и обвара встрѣчались очень рѣдко—одинъ, два, много три солевара подвергнутся обвару и обжогу въ теченіе цѣлаго года; многіе же годы проходили и безъ этихъ несчастныхъ случаевъ. Напиваются они обыкновенно въ праздникъ, поочередно отправляясь къ пивоваркамъ, либо въ кабакъ или командируя за питьями кого-либо изъ товарищей и распивая ихъ артелью у солеварень. Слѣдовательно отдаленность питейныхъ и пивоварныхъ домовъ отъ промысловъ нисколько не устраняла и не устранитъ возможности доставать напитки и упиваться солеварамъ до опьяненія и чрезъ то неисправность въ солевареніи бывала иногда и безъ устройства питейныхъ домовъ въ самыхъ промыслахъ. И какъ бы питейный домъ далеко ни находился отъ промысла, а солевары всегда найдутъ возможность достать для себя живительной влаги. Притомъ же, отдаленное нахожденіе питейныхъ домовъ отъ заводовъ способствовало и будетъ способствовать корчемному развитію пивоваренія по частнымъ домамъ, находящимся вблизи заводовъ. Поэтому устройство питейныхъ домовъ внутри промысловъ будетъ препоною къ развитію корчемнаго пивоваренія по частнымъ домамъ и чрезъ то къ огражденію питейнаго сбора отъ ущерба. Другая выгода отъ устройства питейныхъ заведеній внутри заводовъ можетъ быть та, что оно заводскому управленію даетъ удобность тща-

тельно наблюдать за исправностію солеваровъ и соленосовъ; потому что удобнѣе наблюдать за однимъ подручнымъ питейнымъ домомъ, чѣмъ за многими пивоварками, по которымъ расходятся порою солевары и соленосы. Третья выгода можетъ быть та, что солевары и соленосы, выпивая водку не урывками, а по заведенному порядку, могутъ привыкнуть къ правильному потребленію напитковъ, полезныхъ не для упивательства, а для подкрѣпленія ихъ силъ. Поэтому съ полною увѣренностію можно сказать, что близость питейнаго дома, особенно пивоварни, будетъ практичнѣе на дѣлѣ, чѣмъ отдаленность ихъ отъ промысловъ.

Впрочемъ съ уничтоженіемъ обязательнаго труда промысловые работники сдѣлались воздержнѣе. Чтобъ поддержать въ нихъ эту воздержность, заводчики благоволятъ назначить солеварамъ награду за увеличенный обходъ выварки доброкачественной соли на заводскую сажень дровъ, либо установить плату по заслугамъ. Подобное отличіе можетъ возбудить въ солеварахъ соревнованіе и они другъ предъ другомъ станутъ стараться заслужить отъ заводскаго управленія отличку и будутъ сдавать смыслявшуюся прежде соль уже владѣльцамъ, а бывшее безразличное полученіе платы по обязанности убивало всякое соревнованіе и пораждало охоту къ смысленію соли на выпивку. Сколько бы солеваръ не выварывалъ соли, а получалъ плату наравнѣ съ прочими товарищами; поэтому его ничто не льстило стараться о выгоднѣйшей выварке соли. Чтобъ различать солеваровъ другъ отъ друга, слѣдовало бы установить средній обходъ соли на заводскую сажень, ниже котораго солеваръ не долженъ выварывать въ сложности въ теченіе мѣсяца. При опредѣленіи средняго обхода соли на сажень слѣдуетъ брать въ разсчетъ время года и добротность дровъ, ихъ породу, толщину и сухость. Средній обходъ будетъ мѣриломъ, а высшій будетъ свидѣтельствовать объ искусствѣ и добросовѣстности солеваровъ, а низшій же наоборотъ. За высшій обходъ награда, а за низшій вычетъ изъ жалованья и увольненіе. Въ 1862

году на частныхъ промыслахъ стали вводить контракты, заключающіе въ себѣ условіе—сдавать солеварамъ соли по 400 пудовъ съ варницы въ сутки; за высшую выварку награда, за низшую ничего. Что изъ этого выйдетъ? покажетъ опытъ, но вкравшагося тутъ недосмотра одобрить нельзя. Само собою разумѣется, что съ увеличеніемъ обхода соли на сажень дровъ должна быть увеличена и плата соленосамъ за излишній трудъ при выноскѣ соли изъ солеваренъ въ магазины.

Не малою препоною корчемству солью можетъ служить и дозволенная закономъ награда открывателямъ корчемной соли, только награду эту слѣдовало бы выдавать не по рѣшенію суда, а тотчасъ по уличеніи корчемниковъ въ преступленіи поличнымъ. Лучше всего, если награда эта будетъ состоять въ безотлагательной отдачѣ всего поличнаго количества пойманной корчемной соли открывателю, по гласному приговору мироваго посредника, земской власти, либо волостной управы, а не по предварительному суду (*). Если отсрачивать награду до окончательнаго рѣшенія судомъ дѣла, то значитъ и будетъ значить—откладывать награду въ длинный ящикъ и чрезъ то не достигать цѣли, предполагаемой отъ награды. Казна же и заводчики, для соблюденія своихъ интересовъ, благоволятъ предоставить себѣ право—весь штрафъ съ корчемниковъ обращать въ свою пользу по разсчету. Иначе ни казна, ни заводчики не найдутъ себѣ усердныхъ помощниковъ въ преслѣдованіи корчемниковъ. Самое положеніе о наградахъ и штрафахъ слѣдовало бы прибить при соляныхъ источникахъ къ столбамъ или къ стѣнамъ, во многихъ мѣстахъ, чтобы всякій прохожій или проѣзжій грамотѣй могъ читать ихъ и чрезъ то знать силу ихъ дѣйствія и распространять свѣдѣнія о томъ въ народѣ. Это было бы практичнѣе, чѣмъ довольствоваться помѣщеніемъ положеній въ Сводѣ Законовъ, часто невѣдомыхъ для большинства. Хотя сказано—невѣдѣніемъ законовъ никто да не отпирается; но это из-

(*) Писано до обнародованія о преобразованіи судебной части.

рѣченіе знаменитаго человѣка, по разросшейся громадности многосторонних узаконеній, потеряло нынѣ свою первоначальную силу.

Дабы губернское управленіе могло имѣть правильный взглядъ на дѣйствія соляныхъ приставовъ и отличать ихъ другъ отъ друга, не худо было бы постановить, чтобъ въ отчетности ихъ не было допускаемо общей усышки-утечки по всѣмъ завѣдываемымъ ими промысламъ, а чтобъ не только промыселъ, но и каждый магазинъ отвѣчалъ самъ за себя; поэтому отчетъ, кромѣ приставовъ, подписывали бы и вахтера—каждый по своему отдѣленію, изъ котораго вахтеръ до совершенной его очистки не былъ бы переводимъ приставомъ въ другое отдѣленіе. Отчетность вахтеровъ по своему завѣдыванію могла бы служить очевидностію для сужденія объ ихъ службѣ. Для этого вахтеръ долженъ быть достаточно грамотенъ, чтобъ могъ дать отчетъ по своей обязанности.

Таковы не идиллическія, а практическія мысли, возникшія изъ многолѣтнихъ наблюденій по солевареннымъ заводамъ. Осуществленіе ихъ если не устранитъ совершенно, то чрезвычайно ослабитъ корчемство солью. Чтобъ еще болѣе отнять охоту къ соляному корчемству, не худо было бы отпускать покупателямъ по 10 пуд. на 1000 даромъ для покрытія усышки-утечки въ дорогѣ, какъ отпускалась она понынѣ поставщикамъ казенной соли; если поставщикъ имѣлъ право на усышку-утечку въ дорогѣ, то и покупатель долженъ пользоваться тѣмъ же правомъ.

Кромѣ надзора за частными промыслами, обязанность солянаго правленія по Дѣдюхинскому заводу состоитъ: 1) въ выварке соли, 2) въ отпускѣ соли съ завода, 3) въ управленіи приписными къ заводу людьми, 4) въ наймѣ вольныхъ возчиковъ дровъ, 5) въ управленіи лѣсами, отведенными къ заводу, 6) въ заготовленіи солеваренныхъ дровъ и лѣса, 7) въ заготовленіи заводскихъ припасовъ и матеріаловъ и 8) въ устройствѣ полиціи въ городѣ и въ округѣ заводскомъ. Изъ этихъ предметовъ важнѣе считаются выварка и отпускъ соли да еще заготовленіе дровъ.

Но о выварке соли, приличнѣе всего говорить при описаніи завода. Чтожъ касается отпуска ея, то онъ производится на слѣдующихъ основаніяхъ. Вываровочная соль хранится въ магазинахъ у солянаго пристава въ продолженіи всего завара, по окончаніи коего, вслѣдствіе предварительнаго распоряженія Департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, отпускается лежалая соль поставщику по требованіямъ и подъ росписку казеннаго коммиссіонера такимъ порядкомъ: къ магазинамъ по прибылой весенней водѣ подводятся суда для погрузки; на подведенныхъ судахъ судохозяевами устроиваются вѣсы, которые, равно и гири съ кадями, отпускаются имъ отъ завода. По устройствѣ на всемъ суднѣ вѣсовъ, записываются къ нимъ солоносицы, рѣзатые и вѣсовщики. Солоносицы работаютъ десятками и постоянно на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ до окончательнаго нагруженія судна, рѣзатые же, вѣсовщики и разгребальщицы могутъ быть перемѣнные ежедневно. Такъ какъ соль въ магазинахъ слеживается плотно, какъ камень, то еще бываютъ солерубы, которыхъ замѣняютъ обыкновенно бурлаки.

Когда все готово, то, по распоряженію мѣстной власти, бабы начинаютъ носить нарубленную соль на суда къ вѣсамъ; вѣсатые, принимая мѣшокъ соли съ хребта работницы, всыпаютъ ее въ кади, висящія на одномъ плечѣ вѣсоваго коромысла, и навѣшивая десяти пудовой вѣсъ, опрокидываютъ кадь вверхъ дномъ, выколачивая деревянной колотушкой, что и продолжается на всѣхъ грузящихся судахъ до окончанія грузки. Но прежде сего у каждыхъ вѣсовъ, кромѣ поставщикова рѣзатаго, назначается отъ завода рѣзатый же, обязанность котораго состоитъ въ зарубаніи каждаго десяти-пудоваго вѣса на даваемой для того *биркѣ* или деревянномъ брускѣ, припечатываемомъ на обоихъ концахъ печатью правленія. Для большей вѣрности и предупрежденія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній по отвѣшенному уже количеству соли употребляются еще *марки* двухъ родовъ—большія, равняющіяся 10 пудовому вѣсу, и малыя въ $2^1/_2$ пуда; первыхъ числомъ при каждыхъ вѣсахъ 25, а по-

слѣднихъ 100; всѣ онѣ окрашены для каждыхъ вѣсовъ особымъ цвѣтомъ. Нанимающіяся десятками женщины работу свою исполняютъ такъ: двѣ жонки, постарѣе прочихъ, нагребаютъ въ магазинѣ мѣшки соли въ $2^1/_2$ пуда вѣсомъ для своего *десятка* то-есть, прочимъ 8 работницамъ, изъ коихъ каждыя 4 *десятчанки*, выносятъ въ мѣшкахъ вдругъ 10 пудовъ, имѣя въ рукахъ большую марку, взятую отъ заводскаго рѣзатаго, и у сидящаго *марочника* на суднѣ размѣниваютъ ее на 4 малыя марки: затѣмъ выносятся слѣдующіе 10 пудовъ и отдаются малыя марки другому марочнику, сидящему при самомъ магазинѣ. Взвѣсивши вѣсъ, работницы берутъ отъ рѣзатаго опять большую марку и продолжаютъ прежнюю мѣну марокъ. Когда же будетъ взвѣшено 25 вѣсовъ и между тѣмъ передадутся всѣ большія и малыя марки, что называется *перемѣною*, то бирки повѣряются марками и, въ случаѣ вѣрности, возвращаются марки на прежнія мѣста и грузка продолжается по прежнему до конца.

Сверхъ этихъ предосторожностей, при каждыхъ двухъ вѣсахъ находится по частному смотрителю. За отпускомъ же наблюдаютъ еще совѣтники правленія, приставъ, вахтера и пріемщики. Каждый день, по окончаніи дневной грузки, соляной приставъ и смотрители приходятъ съ довѣренными лицами поставщиковъ въ правленіе, вносятъ дневной отпускъ соли въ шнуровую книгу съ распискою въ пріемѣ повѣренныхъ; потомъ являются они къ предсѣдателю правленія, который, разсмотрѣвъ все на дому, отсылаетъ книгу и бирки для повѣрки въ счетный столъ правленія. Такой строгій порядокъ ограничиваетъ возможность отпускать соль въ излишкѣ. Порядокъ же, заведенный на частныхъ промыслахъ, гораздо слабѣе; тамъ нѣтъ ни марокъ, нарѣзанныхъ отъ казны, ни сверхчастныхъ смотрителей. Нельзя сказать, чтобъ и Дѣдюхинская строгость пресѣкала отпускъ соли въ излишкѣ, но увеличиваетъ расходы поставщиковъ навѣрное; потому что приставленники отъ мала до велика получаютъ отъ поставщиковъ — кто на калачи, кто на брагу, кто на водку, кто на что хочетъ, чтобъ только не обвѣ-

шивали и не скупились въ вѣсѣ. Я слышалъ лично, какъ соляной приставъ жаловался начальнику завода на подкупъ поставщикомъ рѣзатаго. Начальники же, строжась надъ подчиненными, жили припѣваючи.

Важнѣйшій предметъ для солеваренія послѣ разсоловъ составляетъ горючій матеріалъ, или дрова, поставляемыя въ заводъ по заподряду крестьянами Чердынскаго уѣзда. Для заподряда дровъ командируется чиновникъ особыхъ порученій со смотрителями изъ урядниковъ, число коихъ назначается правленіемъ, смотря по количеству потребныхъ дровъ; если заподрядъ малый, то чиновникъ не посылается. Селенія, занимающіяся поставкою дровъ для Дѣдюхинскаго завода, расположены около рѣкъ Вишеры, Язьвы, Колвы, Глухой Вильвы, Лолога, Косы и впадающей въ нее рѣчки Лонвы. Командированныя правленіемъ лица заключаютъ съ крестьянами, по одобреніямъ ихъ волостныхъ правленій, добровольные законные договоры, съ означеніемъ количества дровъ и платы за нихъ. При заподряженіи и потомъ при перевозкѣ дровъ дровопоставщиками выдается изъ условленной платы $^2/_3$ суммы денегъ, а остальную треть получаютъ они при сплавѣ и выкладкѣ дровъ на берегахъ въ самомъ заводѣ. Коль скоро дрова нарублены и вывозка началась изъ лѣса на плотбища, то, сверхъ выданнаго задатка деньгами, дается дровопоставщикамъ на каждые 10 саженъ по 2 пуда ржаной муки, вслѣдствіе особаго распоряженія правительства, вошедшаго въ печальное положеніе крестьянъ по причинѣ ихъ бѣдности и безплодія земли, влекущихъ за собою всѣ ужасы голода, утоляемаго смѣсью изъ пихтовой коры и муки. Для предотвращенія бѣдствій отъ голода учреждены Дѣдюхинскимъ заводомъ запасные хлѣбные магазины въ селахъ Верхъ-Язвѣ, Редикорѣ и деревнѣ Варешѣ. Но заготовка хлѣба соляными промыслами не предотвращаетъ Чердынскій край отъ частовременной голодовки, потому что запасомъ промысловъ обезпечиваются только дровопоставщики, да и имъ нынѣ выдача хлѣба ограничена донельзя,

а прочіе пермяки по прежнему испытываютъ бѣдствія голода почти ежегодно, подвергаясь чрезъ то болѣзнямъ и смертности. Бѣдственное ихъ положеніе едва ли лучше положенія подвластныхъ Турціи славянъ, въ страданіи коихъ принимали живѣйшее участіе русскія дамы. Всякая благотворительность достойна благоговѣнія, какъ признакъ великодушія, и даетъ право надѣяться, что русскія дамы, извѣстившись, распространятъ свое христіанское милосердіе и на Чердынскій край, ожидающій частной благотворительности и живущій надеждою на открывшуюся въ немъ золотопромышленность. Хорошо, если золотой промыселъ упрочится для блага бѣднаго края. Для того же блага заготовленія дровъ полезнѣе и выгоднѣе было бы сплавлять ихъ небольшими бревнами, распиливаемыми потомъ въ самомъ заводѣ на дрова. Погрузка бревешекъ не будетъ уже такъ высока сравнительно съ рубленными дровами, и потому садка бревенчатыхъ плотовъ въ водѣ будетъ меньше противу дровяныхъ полотенцовъ, вслѣдствіе чего бревенчатые плоты по малосадкости своей не будутъ нуждаться въ большеводіи, а пойдутъ и по маловодію, избѣгая чрезъ то опасности отъ бурь въ полноводіе. Всякій поставщикъ, приплавивъ свои бревешки въ заводъ, можетъ сдать ихъ самъ, лично, во время приплава и не приходить вторично въ заводъ для выкладки и сдачи дровъ, какъ дѣлается понынѣ не безъ потерь и не безъ отягощенія для дровопоставщиковъ, которые могутъ пилить свои бревешки и сами. Если найдутъ то выгоднымъ при обезпеченномъ продовольствіи на мѣстѣ жительства и въ заводѣ. Тогда ни одна огородина, ни одинъ шестъ не пойдутъ у дровопоставщиковъ даромъ ни зачто ни прочто, а пойдетъ на дрова за деньги: и повѣрка дровъ будетъ очевиднѣе, а чрезъ пилку избѣгается еще трата лѣса на пропадающіе безполезно щепы отъ рубки. Но какъ всякая новинка трудно усвояется народомъ, то введеніе ея должно производиться съизподтиха малыми заподрядами и впослѣдствіи обратиться на всю поставку дровъ.

Но отъ мечтаній о будущемъ воротимся къ настоящему

и скажемъ, что на водопоемныхъ плотбищахъ, расположенныхъ по означеннымъ рѣкамъ, нарубленныя дрова выкладываются въ полѣнницы, называемыя *ярусами*, имѣющими высоты отъ 7 до 10 четвертей, и огораживаются огородникомъ, связываемымъ по угламъ и по срединѣ вицами. Такая огороженная кладь называется плотомъ или *полотенцомъ;* самые большіе плоты заключаютъ въ себѣ 40 саженъ дровъ и менѣе 10 саженъ никогда не дѣлаются. Для огородки большаго плота требуется же менѣе 20 огородинъ или нетолстыхъ бревенъ и, отъ 150 до 200 вицъ для вязки, для малаго же до 10 огородинъ и отъ 30 до 40 вицъ.

Для лучшаго побужденія крестьянъ къ выполненію подряженнаго количества дровъ даются участковому смотрителю отъ 3 до 4 помощниковъ или *нарядниковъ*, а при окружномъ начальникѣ состоитъ помощникъ, обязанность коего заключается въ свидѣтельствованіи одобреній, выдаваемыхъ отъ волостныхъ правленій крестьянамъ на поставку дровъ, въ побужденіи нерадивыхъ къ исполненію обязательства и быть ихъ посредникомъ при сдачѣ дровъ въ заводѣ. На этомъ основаніи, лишь только начнутъ вскрываться рѣки, что обыкновенно случается въ концѣ апрѣля, либо въ первыхъ числахъ мая, заподрядившіеся крестьяне выгоняются къ огороженнымъ плотамъ своимъ, гдѣ и занимаются, въ ожиданіи *поемной* воды, приготовленіемъ необходимыхъ для сплава снарядовъ, какъ-то: канатовъ изъ березовыхъ вѣтвей для причала, шестовъ и гребковъ и проч. На верхней огородинѣ каждаго плота вырубаются насѣчки, означающія принадлежность ихъ порядившему промыслу, имя смотрителя, нарядника, волости, крестьянина, и нумеръ по вѣдомости участковаго смотрителя. На нѣкоторыхъ полѣньяхъ, называемыхъ обыкновенно *ёлтышами*, чеканятся первыя слова имени завода, смотрителя и нарядника. Эти предосторожности принимаются для того, чтобы можно было отличить плоты отъ другихъ промысловыхъ плотовъ, когда они плывутъ безъ людей или въ случаѣ *замётовъ* или когда они не поймутся водою. Замёты

дровъ случаются отъ сильныхъ вѣтровъ, загоняющихъ плоты на потопленные водою берега рѣкъ, или отъ сильнаго стремленія полноводія, заносящаго ихъ на луга. Заметамъ весьма много способствуетъ дурная привычка здѣшнихъ дровопоставщиковъ плавить дровяные плоты на гребкахъ, а не на снастяхъ съ якорями и поносной, какъ водится по Вяткѣ. Но когда случится такое несчастіе, то-есть заметъ, то принимаются мѣры заводскими людьми, нарочно для сего высылаемыми благовременно. Они при помощи вольныхъ людей, посредствомъ воротовъ и снастей пускаютъ плотъ въ дальнѣйшій ходъ; въ случаѣ же неудачи дрова остаются до слѣдующаго весенняго полноводія, къ которому вывозятся они на низменныя мѣста и огораживаются вольнонаемными людьми, коимъ за двухверстное разстояніе платится по 30 копѣекъ съ сажени, и чѣмъ ближе, тѣмъ меньше. Всѣ эти вынужденные необходимостію расходы падаютъ на хозяина дровъ. Наконецъ надобно замѣтить, что дрова подвергаются разбитію, причиняемому а) льдомъ, если заготовлены на слишкомъ низкихъ мѣстахъ, б) отъ бури и в) отъ наплыва на чащу, набиваемую въ ярахъ. Для предотвращенія плотовъ отъ крушенія въ ярахъ, промыслами, отправляются еще съ осени *ухватныя* лодки въ верхокамье, гдѣ и оставляются онѣ до весны: на лодкахъ находится по 5 человѣкъ съ ухватнымъ канатомъ, толщиною въ 2 вершка, длиною же отъ 225 до 240 саженъ, а вѣсомъ до 70 пудовъ. Разставивъ лодки въ опаснѣйшихъ мѣстахъ, люди возвращаются домой, а по веснѣ опять отряжаются къ лодкамъ для поданія помощи въ нужномъ случаѣ и сверхъ того провожаютъ большіе караваны плотовъ. Для облегченія сплава выдаются крестьянамъ подержанные косяки канатовъ. Впрочемъ дознано годами, что допускаемые дровопоставщикамъ канаты не приносятъ существенной пользы, равно и заводскій народъ, отправляемый въ верхокамье, проводитъ время плавки почти-что по пустому. Лучше было бы завести порядокъ, какой существуетъ по Вяткѣ. Таково убѣжденіе здѣшняго купечества, которое распо-

рядилось бы именно такъ, еслибъ промысла получило въ свое содержаніе. Но доселѣ плоты пускаются по теченію рѣки при началѣ разлитія водъ, особенно же тѣ изъ нихъ, кои рубятся весьма далеко отъ завода, какъ напримѣръ на рѣкѣ Коеѣ, въ разстояніи съ извилинами рѣкъ 400 верстъ, откуда при неблагопріятной погодѣ на сплавъ потребно отъ 4 до 6 недѣль, при благопріятной же недѣли превращаются въ дни; плоты плавятся преимущественно по убывающей водѣ оттого, что въ убыль бываетъ менѣе опасностей. Для безнуждного содержанія на плотахъ крестьянамъ выдается на каждое полотенцо отъ 30 до 60 копѣекъ на хлѣбъ. По благополучной доставкѣ въ заводъ, выдается имъ на возвратный путь по примѣрному измѣренію плота отъ 30 до 1 руб. 50 копѣекъ; остальныя же деньги, по окончательной выкладкѣ и пріемѣ дровъ, отдаются поставщикамъ не позже іюля или августа того же года. Подплывающія дрова къ заводу прихватываются разставленными по Камѣ ухватными лодками и причаливаются къ удобнымъ мѣстамъ для выкладки. На каждомъ плоту насѣкается нумеръ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приплываютъ, и примѣрно обмѣривается. Когда же прибылая вода скатится, то дрова выкладываются въ костры подлежащей мѣры, вышиною 9 четвертей, и по разсчетѣ съ дровопоставщиками выдаются слѣдующія имъ остальныя деньги. Выкладка производится или самими дровопоставщиками или казною, которая въ такомъ случаѣ платитъ за ручную выкладку по 3 коп. съ сажени, а за конную отъ 7 до 12 копѣекъ. Послѣ выкладки дрова поступаютъ въ вѣдѣніе дровянаго смотрителя, который со своими помощниками или *набережными*, при помощи караульщиковъ, имѣетъ за ними надзоръ и по требованію смотрителя солеваренія выдаетъ въ изгаръ, на который идетъ отъ 6 до 7 саженъ въ каждой солеварнѣ ежедневно.

Дрова, въ видахъ сбереженія лѣсовъ, могли бы быть замѣнены каменнымъ углемъ, либо торфомъ. Но благонадежнаго мѣсторожденія угольныхъ копей до сихъ поръ вблизи не отыскано. Впрочемъ послѣднее время на частные промысла стали приво-

дить изъ-за 150 верстъ каменный уголь на пробу, результатъ коей пока неизвѣстенъ; чтожъ касается торфа, то хотя надъ нимъ въ двадцатыхъ годахъ и производились опыты Ильей Анд. Пѣтуховымъ въ одной солеварнѣ, но, по трудной его выработкѣ и доставкѣ и несвычности солеваровъ, сочтенъ невыгоднымъ въ то время, а потому и остается доселѣ безъ вниманія.

Для приготовленія къ занятію заводскихъ должностей способными людьми и вообще для образованія дѣтей урядниковъ и мастеровыхъ учреждены два училища—мужское и женское. Мужское училище открыто въ 1807 году вслѣдствіе составленнаго А. Ѳ. Дерябинымъ горнаго уложенія, а женское основалъ Е. А. Кармалинъ въ 1849 году. Предметы обученія мальчиковъ ограничиваются знаніемъ русской граматики, ариѳметики, рисованія и чистописанія; дѣвочекъ же учатъ чтенію и писанію, преимущественно же рукодѣліямъ. И надобно правду сказать, что многія дѣвочки вышиваютъ очень хорошо. Въ прежнее время на мужское училище обращалось больше вниманія; изъ него выходили воспитанники, оканчивавшіе съ успѣхомъ курсъ въ петербургскихъ заведеніяхъ. Нынѣ этого нѣтъ и ученіе идетъ такъ себѣ, съ маловажнымъ успѣхомъ. Очень жаль, что мѣстныя власти не обратятъ бо̀льшаго вниманія на школу. Вѣдь *ученіе свѣтъ, а не ученіе тьма;* и Спаситель нашъ все служеніе свое посвятилъ ученію и просвѣщенію людей темныхъ, невѣжественныхъ, и ученикамъ своимъ заповѣдалъ: *шедше научите вся народы.* Ужели заповѣдь Божественнаго Наставника не священна для насъ? Ужели мы не будемъ прилагать бо̀льшаго и бо̀льшаго усердія къ просвѣтленію темныхъ умовъ и къ разогнанію невѣжественнаго мрака, окружающаго насъ? Ужели все свое вниманіе, всѣ свои заботы устремимъ только на развитіе тѣлесныхъ силъ, а духовныя оставимъ безъ вниманія? Не смотря на то, что школа въ Дѣдюхинѣ существуетъ болѣе 50 лѣтъ, а многіе родители смотрятъ на нее, какъ на излишнюю роскошь, и всѣ безъ исключенія какъ на средство

сдѣлаться приказнымъ или служителемъ. Ихъ завѣтныя мечты какъ бы поступить на службу въ правленіе, въ полицію и т. п., чрезъ что школа сдѣлалась разсадникомъ приказныхъ или бариновъ; жены писцовъ зовутъ своихъ мужей *баринами*. Понятно, что направленіе школьнаго ученія односторонне и требуетъ исправленія, а именно: развитія въ ученикахъ помысловъ о пользѣ труда, ведущаго къ благосостоянію, и разъясненія достоинствъ человѣка, зависящихъ не отъ барства, а отъ нравственныхъ совершенствъ и образованія всякой личности. Кто бы въ какомъ званіи ни былъ, но если онъ мастеръ своего дѣла и выполняетъ свою обязанность исправно, тотъ пользуется отъ всѣхъ довѣріемъ, тому—честь, хвала и достатокъ. Грамотный же человѣкъ пригоднѣе неграмотнаго для выполненія своей обязанности, своей работы и ремесла въ лучшемъ видѣ; его природной смышлености открытъ доступъ къ книгамъ, въ которыхъ онъ можетъ прочесть и узнать о выдумкахъ и открытіяхъ иностранцевъ и соотчичей; можетъ позаимствоваться ихъ изобрѣтеніями и понаучиться ихъ мудрости. Выйдетъ ли изъ школы столяръ, хлѣбопашецъ, скотоводъ, счетоводъ и проч.? онъ можетъ учиться и совершенствоваться въ мастерствахъ, земледѣліи, скотоводствѣ, счетоводствѣ изъ книгъ, изданныхъ знатоками своего дѣла. Все это нужно толковать малолѣтнимъ дѣтямъ нужно ежедневно влагать въ ихъ дѣтскія головы идеи о пользѣ ученья и о вредѣ незнанія. Но для толкованія нужны руководители, то есть, высоконравственные и дѣловые люди, могущіе передать свои познанія не однимъ словомъ, но и дѣломъ.

Нынѣ поднятъ вопросъ о народныхъ наставникахъ и высказаны два раздѣльныя мнѣнія; одни говорятъ, что народное образованіе надобно поручить духовенству, а другіе настаиваютъ на образованіи особыхъ народныхъ учителей. То и другое мнѣніе имѣетъ свою долю правды въ своемъ основаніи. Если подъ именемъ образованія разумѣть лишь умѣніе читать и писать правильно, да знать христіанскія правила, то духовенство,

по своему близкому сношенію съ прихожанами и по нравственному на нихъ вліянію, можетъ удовлетворить предположенной цѣли. Но дѣло въ томъ, что народъ, кромѣ духа, обладаетъ еще и тѣломъ, требующимъ прикрытія, питанія и облагороженія, имѣющихъ вліяніе и на духъ. Удовлетворенію же этихъ потребностей народа духовенство способствовать уже не можетъ, потому что не имѣетъ необходимыхъ для того знаній. Для этого нужны особые наставники, особые знатоки всякаго дѣла. Конечно всезнаекъ на свѣтѣ нѣтъ, да и быть не можетъ: но ученаго многознайку образовать можно; составить программу и даже издать руководство для народнаго обученія, чтеніе котораго и поручить особому наставнику, не устраняя отъ того и духовенства, если въ средѣ его найдутся члены, способные къ толковому изложенію дѣла. Членамъ ли духовенства или особымъ наставникамъ поручится образованіе народа—тѣ и другіе должны заботиться о пріобрѣтеніи себѣ довѣрія отъ родителей и отъ учениковъ. Къ этому совѣту приводятъ насъ слѣдующія наблюденія. Хотя въ Дѣдюхинской школѣ учатъ дѣтей и свѣтскіе учители, однакожъ не всѣ мѣстные жители отдаютъ туда дѣтей своихъ для обученія грамотѣ. Я старался узнать причину неотдачи дѣтей въ школу для даровaго обученія и получалъ отъ родителей отвѣтъ: *худо учатъ и дерутъ*. Слышалъ я это не отъ достаточныхъ, а отъ бѣдныхъ родителей, предпочитавшихъ школьному обученію ученіе гдѣ-либо на дому на свой счетъ. Этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ, что многіе Дѣдюхинцы сознаютъ пользу ученія, даже готовы жертвовать своимъ достояніемъ на него, но не имѣютъ довѣрія къ школьнымъ учителямъ. Одинъ изъ учителей—церковникъ для затверженія учениками уроковъ придумалъ сажать ихъ, то есть учениковъ, голымъ тѣломъ на крапиву и хвасталъ потомъ, что средство это имѣло успѣхъ—уроки выучивались. Не отвергая успѣшнаго дѣйствія крапивы, я все-таки долженъ сказать, что этотъ новый способъ затверживанія уроковъ не привлечетъ многихъ мальчиковъ въ школу и непримѣнимъ ко всякому школь-

нику; потому что въ школу поступаютъ дѣти различныхъ способностей и наклонностей. Поэтому, что подъ силу даровитому мальчику, то обременительно малоспособному; а малоспособнаго, сколько вы ни сажайте на крапиву, онъ никогда не успѣетъ противу талантливаго сверстника; и крапива будетъ только мучить дитятю, а успѣха не прибавитъ. Притомъ же развитіе способностей въ дѣтяхъ наступаетъ не у всѣхъ въ одну пору: у однихъ годомъ или двумя ранѣе противъ своихъ сверстниковъ развертываются умственные дары, а у другихъ на оборотъ—годомъ или двумя позже; и эти послѣдніе. недоросшіе до поры развитія въ своемъ мозгѣ, мальчики будутъ до поры, до времени отставать въ ученіи противъ первыхъ; но настанетъ пора, въ мозгу ихъ произойдетъ перемѣна и они за поясъ заткнутъ первыхъ своими быстрыми успѣхами. Кто учился и кто обучалъ дѣтей, тотъ не станетъ отвергать подобнаго превращенія учениковъ изъ малоспособныхъ въ способнѣйшіе, особенно если въ ученіи своемъ они по счастію попадутъ на предметъ, къ изученію котораго природа наградила ихъ щедрыми дарами. Сообразите теперь: за что вы можете садить неуспѣшнаго мальчика на крапиву. Либо за то, что у него не наступила пора открытія умственныхъ способностей, либо за то, что вы принуждаете его успѣвать въ томъ предметѣ, къ которому онъ вовсе не сроденъ, къ изученію котораго природа не дала ему даровъ. Не грѣшно ли, не безчеловѣчно ли наказывать бѣднаго мальчика за то, чего не дала ему природа или дать чего не наступило еще для него время? Подумайте объ этомъ, и тогда восторгъ вашъ отъ волшебнаго дѣйствія крапивы значительно умѣрится и усердіе ваше къ примѣненію его на дѣлѣ неминуемо ослабѣетъ. Нѣтъ, г. церковникъ, оставьте крапиву, а вооружитесь лучше христіанскимъ терпѣніемъ и толкуйте съ мальчиками ежедневно о пользѣ ученія, подобно тому, какъ вы неустанно возглашаете въ церкви: *Господи, помилуй.* Ваше возглашеніе въ церкви несравненно благотворнѣе дѣйствуетъ на сердца богомольцевъ, чѣмъ жгучая крапива на учениковъ и на

ихъ родителей. Я думаю, вы это отвергать не станете. Итакъ воспользуйтесь могуществомъ дара слова и говорите съ учениками почаще о пользѣ ученія. Повѣрьте, разговоры ваши о пользѣ ученія будутъ такъ же благодѣтельны и принесутъ неменьшіе плоды, какъ и возгласы въ церкви. Изъ этого ясно видно, почему мы не раздѣляемъ высказаннаго мнѣнія о способахъ успѣшнаго обученія, хотя это мнѣніе распространено по всѣмъ духовнымъ училищамъ, и признаемъ за лучшее отдавать дѣтей и поручать взрослыхъ для обученія особымъ наставникамъ, а закону Божію да учатъ священники. Но гдѣ же и какъ могли бы учить народные наставники? Дѣтей они могли бы учить въ школахъ ежедневно, а взрослыхъ въ школахъ же по воскресеньямъ; дѣтей могли бы учить не только умѣнію читать и писать, но и грамматикѣ, ариѳметикѣ, черченію и рисованію, а взрослыхъ усовершенствованіямъ въ хозяйствѣ и мастерствахъ, какъ-то: усовершенствованной обработкѣ полей, улучшенію скотоводства, сельскихъ издѣлій и благоустройству въ общественномъ быту. Но такъ какъ иная мѣстность благопріятствуетъ хлѣбопашеству, иная скотоводству, иная же промышленности, то народный учитель благоволилъ бы въ своей мѣстности толковать съ учениками съ особенною подробностію о мѣстномъ производствѣ, которое наиболѣе интересуетъ ихъ, а именно: мѣстности хлѣбородной о хлѣбопашествѣ, въ скотоводной о скотоводствѣ, въ промышленной о промышленности. Воскресныя чтенія объ этихъ предметахъ всегда нашли бы слушателей, а воскресныя школы посѣтителей, которыхъ они теперь не имѣютъ оттого, что въ нихъ стали учить не тому, чему бы слѣдовало. Здѣсь разумѣется самостоятельное закрытіе школъ за неявкою охотниковъ.

Такъ-какъ вопросъ о народномъ образованіи составляетъ насущную задачу, то мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Отовсюду слышатся голоса, что наше ученіе идетъ плохо; само правительство заявило неудовлетворительность его и хотѣло улучшить его увеличеніемъ жалованья учи-

телямъ. Какіе плоды можетъ принесть увеличенное жалованье по Министерству Просвѣщенія — я не берусь предсказывать. Но принимая въ соображеніе, что опредѣленное жалованье учителю по обязанности есть вознагражденіе за обязательный трудъ, нельзя надѣяться, чтобъ увеличенный окладъ жалованья учителямъ подвинулъ народное образованіе впередъ. Неудобность и невыгоды обязательнаго труда признаны всѣми вообще; лишь стоитъ въ частности примѣнить ихъ къ вознагражденію за обязательный трудъ обученія, и дѣло будетъ ясно. Быть можетъ, увеличеный окладъ жалованья доставитъ учителю комфортабельность въ житьѣ, но двинуть наше образованіе впередъ онъ не можетъ. При обязательномъ вознагражденіи комфортабельный учитель (разумѣется не всякій) можетъ исполнять свою должность по прежнему, особенно при начальствѣ стариннаго покроя. На этомъ основаніи лучшихъ успѣховъ въ народномъ образованіи можно ожидать отъ замѣны обязательнаго труда свободнымъ. Мнѣ кажется, не худо было бы, еслибъ казна образовывала народныхъ учителей по всѣмъ спеціальностямъ, близкимъ народу, но выгоды отъ своихъ познаній народный учитель извлекалъ бы самъ вольнымъ трудомъ; иначе сказать — молодые люди казеннымъ образованіемъ пріобрѣтали бы права на занятіе должности народныхъ учителей, но жалованье получали бы не отъ казны, а платили бы имъ родители съ ученика по взаимному уговору. Само собою разумѣется, что чѣмъ больше будетъ у народнаго учителя учениковъ, тѣмъ болѣе онъ получитъ вознагражденія. А число учениковъ можетъ увеличиться только тогда, когда ученики будутъ обнаруживать бо̀льшій успѣхъ, о достиженіи коего и будетъ заботиться народный учитель. При хорошемъ успѣхѣ наибольшаго числа учениковъ и учителю будетъ хорошо и родителямъ не дурно; Слѣдствіемъ успѣшнаго обученія будетъ разлитіе образованности въ народѣ.

Но нѣкоторые господа, подмѣтивъ нѣкоторыя шалости грамотѣевъ, стали утверждать, что образованность вредна. Изъ

того, что нѣкоторые грамотѣи во зло употребили пріобрѣтенныя ими познанія, еще не слѣдуетъ, что ученіе вредно. Злоупотреблять можно всѣмъ; даже хлѣбомъ можно объѣдаться, однакожъ изъ этаго не слѣдуетъ, что сѣяніе хлѣба вредно. И странно было бы изъ-за злоупотребителей обвинять употребленное средство. Не грамотность, а грамотѣи могутъ быть вредны. Вредныхъ грамотѣевъ и слѣдуетъ преслѣдовать, а неграмотность и образованность, сами по себѣ весьма полезныя. Превосходство грамотности передъ неграмотностію видно изъ сличенія пермяка съ дѣдюхинцомъ. Неграмотный пермякъ безсмысленнѣе, грязнѣе и безнравственнѣе грамотнаго дѣдюхинца. Конечно, между грамотѣями и неграмотѣями встрѣчаются исключенія, но въ общности грамотѣй беретъ верхъ надъ неграмотѣемъ.

Изъ школы перейдемъ въ богоугодныя заведенія; ихъ въ Дѣдюхинѣ два—богадѣльня и больница. Богадѣльня открыта въ 1862 году, выстроена усердіемъ Евграфа Андреевича Кармалина и содержится весьма удовлетворительно. Историческое же извѣстіе о больничномъ заведеніи въ здѣшнемъ краѣ относится къ 1674 году, въ чемъ увѣряетъ состоявшаяся въ томъ году между Пыскорскимъ Преображенскимъ и Соликамскимъ Вознесенскимъ монастырями полюбовная о земляхъ сдѣлка, въ которой со стороны Пыскора вмѣстѣ съ прочими монастырскими чинами участвовалъ и *больничной келарь — старецъ Илія* (*). Если былъ въ то время на Пыскорѣ больничной келарь, то значитъ—была и больница. Для иноковъ ли она была устроена или для простонародья? За неимѣніемъ историческихъ записей о томъ рѣшить невозможно. Но принимая въ соображеніе, что Пыскорскіе старцы чрезвычайно нуждались въ чернорабочемъ народѣ для своихъ промысловъ,

(*) Рукописное собраніе копій съ грамотъ и записей Пыскорскаго монастыря, хранящееся въ Дѣдюхинскомъ соляномъ правленіи, стр. 130.

надобно допустить, что въ Пыскорской больницѣ призрѣвались и состоявшіе въ вѣдѣніи того монастыря дѣдюхинцы. Съ отобранія же земель отъ Пыскорскаго монастыря въ казну пыскорцы отошли въ горное управленіе, а дѣдюхинцы поступили въ вѣдѣніе Пермской Казенной Палаты, вслѣдствіе чего лишились права пользоваться въ Пыскорской больницѣ и оставались безъ всякаго врачебнаго призрѣнія до 1805 года. Въ этомъ году, по идеямъ геніальнаго и человѣколюбиваго горно-солянаго начальника А. Ѳ. Дерябина, была выстроена деревянная больница, состоявшая изъ главнаго корпуса и отдѣльныхъ службъ, какъ-то: кухни, бани и погреба. Главный корпусъ раздѣлялся на двѣ половины; въ лицевой половинѣ были палаты для больныхъ, а въ задней пріемная, лабораторная, кладовая и аптека. Строенія эти чрезъ пятьдесятъ лѣтъ пришли въ ветхость и въ октябрѣ 1862 года больные переведены въ новую, выстроенную позади старой, больницу, а старая сломана.

Новая больница деревянная и состоитъ изъ двухъ корпусовъ, расположенныхъ *полупокоями* и соединенныхъ стеклянною галереей; съ лицевой стороны въ каждомъ корпусѣ находится по четыре палаты, изъ коихъ въ каждой свободно могутъ помѣститься 7 кроватей; слѣдовательно все помѣщеніе разсчитано на 56 кроватей; палатныя филенчатыя двери отворяются въ широкій, прекрасный, теплый и свѣтлый корридоръ, близь концовъ коего находится по два малыхъ и свѣтлыхъ корридора въ каждомъ корпусѣ, служащіе черными ходами. Видъ больницы пока хорошъ, но о достоинствахъ ея судить еще рано, потому что больные содержались въ ней недолго. Кажется впрочемъ, что щеголеватость ея пострадаетъ въ скоромъ времени, потому что къ штукатуркѣ деревянныхъ ея зданій приступлено рано, прежде надлежащей ихъ осадки. Но это рѣшитъ будущность; къ настоящимъ же недостаткамъ ея слѣдуетъ отнести неимѣніе подручной комнатки для дѣланія припарокъ, неимѣніе

анатомной комнаты, и отдаленность бани, несоединенной съ корпусами крытымъ ходомъ. Первый недостатокъ устраненъ устройствомъ очажка въ ванной; для анатомной комнаты можно занять одну изъ порожнихъ палатъ, незанятыхъ нынѣ по малочисленности больныхъ; для соединенія же бани съ корпусомъ крытымъ ходомъ не предвидится удобства. Но отдаленность бани не составляетъ еще большаго неудобства; существенный же недостатокъ больницы заключается въ устарѣломъ устройствѣ нужниковъ, которые устроены безъ печей и безъ трубъ, съ выдвижными творилами или ящиками. Нечего объяснять вредъ такихъ нужниковъ для больныхъ: зимой снизу дуетъ, а лѣтомъ воняетъ по всѣмъ корридорамъ, особено при вѣтрѣ съ той стороны, на которой устроены нужники. Вонь весьма замѣтна и теперь при маломъ числѣ больныхъ, а при бо́льшемъ смрадъ умножится соразмѣрно количеству испражненій. Прониканію вони въ главный корридоръ способствуютъ филенчатыя двери, ведущія больныхъ и прислугу въ нужники. Чтобъ ослабить распространеніе вони въ больницѣ, слѣдуетъ замѣнить двое филенчатыхъ дверей въ малыхъ корридорахъ одностворными, цѣльными, запирающимися постоянно и плотно тяжестію, дѣйствующею на блокахъ. Конечно, филенчатыя двери красивы, но удобопроникательны для газовъ; а потому и негодны для ретирадныхъ корридоровъ. Въ больницахъ, да и вообще въ домахъ слѣдуетъ заботиться не столько о красотѣ, сколько объ удобствахъ и здоровости помѣщенія. Но къ сожалѣнію, у насъ до-сихъ-поръ обращаютъ мало вниманія на чистоту воздуха. И это происходитъ оттого, что строители казенныхъ зданій не цѣнятъ или не могутъ оцѣнить всего вреда, причиняемаго вонючими испареніями жильцамъ.

Пора, повторю, заботиться не о щеголеватости, но о простотѣ и здоровости больничныхъ палатъ. Замѣчаніе это не ново и не требуетъ разъясненія, а потому мы будемъ продолжать обзоръ Дѣдюхинской больницы. Второй существенный недоста-

токъ ея состоитъ въ недостаточности и нераздѣльности по роду болѣзней бѣлья; для заразительныхъ и незаразительныхъ болѣзней употреблялось иногда одно и то же бѣлье по малому количеству его. Третій недостатокъ заводскихъ больницъ состоитъ въ неимѣніи расторопныхъ и смышленыхъ больничныхъ служителей, въ которые посылаются люди, негодные къ другимъ заводскимъ работамъ и мѣняемые часто безъ вѣдома врача; и наконецъ четвертый существенный недостатокъ заключается въ ограниченномъ продовольствіи. Конечно, больные не остаются безъ пищи, но все же продовольствіе не таково, чтобъ врачъ могъ сообразно болѣзни назначать порцію. Я знаю одну больницу, въ которой врачу было предписано, при продовольствіи больныхъ, руководствоваться положеніями о непремѣнныхъ военныхъ госпиталяхъ; но по приведеніи положеній въ исполненіе, мѣстному начальству такое продовольствіе показалось чрезмѣрнымъ, вслѣдствіе чего оно стало ежемѣсячно убавлять требованія врача и смотрителя и убавку довело до того, что нѣкоторые припасы отпускались больнымъ на половину, другіе на третью часть, а третьи и вовсе не отпускались противу положенія. Врачъ словесно протестовалъ противу такого произвола, но ему наивно отвѣчали: „больные поступаютъ въ больницу не откармливаться“. И говорили это въ томъ убѣжденіи, будто врачъ злоупотребляетъ продовольствіемъ. Чтобъ снять съ себя такое голословное нареканіе, врачъ исчислилъ количество больныхъ по порціямъ и обозначилъ: какое количество каждаго припаса должно быть употреблено противу положенія и какое дѣйствительно израсходовано—и при рапортѣ представилъ въ правленіе съ просьбою повѣрить разсчетъ по представляемымъ ежемѣсячно вѣдомостямъ; на будущее же время просилъ прекратить ограниченіе отпуска припасовъ и денегъ, поставляющее его въ стѣснительное и притивозаконное положеніе. Не безъ колебанія и не безъ проволочекъ мѣстное правленіе согласилось на нѣкоторое улучшеніе въ продовольствіи больныхъ.

Но малая уступка не есть полное удовлетвореніе, котораго врачъ, по невліятельности своего положенія, никогда и не добьется, и голосъ его будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Чтобъ продовольствіе и чрезъ то самое леченіе больныхъ шли удовлетворительнѣе, не худо было, бы еслибъ стороннее вѣдомство было вовсе устранено отъ распорядительности по больницамъ, поручивъ ихъ исключительному завѣдыванію врачебнаго сословія, а сторонней власти предоставивъ инспекторство, посредствомъ котораго оно освѣдомлялось бы: хорошо ли содержатся больницы, тѣ ли употребляются припасы, какіе показываются по счетамъ, и хорошаго ли качества? Коснувшись здѣсь общаго положенія больницъ, нельзя не упомянуть и о томъ, что членъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и самый смотритель излишне вліяютъ по градскимъ больницамъ. Я не вхожу въ разсмотрѣніе этихъ почтенныхъ должностей, извѣстныхъ въ провинціяхъ всѣмъ, и скажу прямо, что ихъ съ пользою могутъ замѣнить больничный врачъ и больничный фельдшеръ. Врачу, завѣдывающему самостоятельно продовольственною частію, уже нельзя будетъ въ неуспѣхѣ леченія ссылаться на стороннюю помѣху, и судъ общества объ немъ будетъ вѣренъ. Мнѣ случалось наблюдать порядокъ въ больницѣ, въ которой за неопредѣленіемъ смотрителя распоряжался врачъ, и больные были довольны распорядительностію его, а на бывшихъ смотрителей постоянно жаловались начальству. Чтобъ устранить всякое вредное столкновеніе чиновничества по больницамъ, предвидится одно лишь средство—а именно: леченіе больныхъ основать на началахъ свободнаго труда. Хорошо бы врачамъ дозволять избирать, для дѣятельности своей въ общественныхъ больницахъ, спеціальное отдѣленіе и распоряжаться въ немъ самостоятельно; а еще лучше, еслибъ они имѣли средства устраивать свои маленькія лечебницы по селамъ съ добровольною платою отъ обращающихся къ врачебной помощи. Мелкопомѣстные землевладѣльцы, посвятивъ себя изученію медицины, могли бы исполнить послѣднее пред-

положеніе. Но пройдетъ много времени, пока эта мысль осуществится на дѣлѣ.

Не останавливаясь на развитіи этой мысли, я обращаюсь къ обзору обязанностей мѣстнаго врача. На немъ лежатъ требованія посѣщать больницу дважды въ день, приготовлять и раздавать лекарства при помощи учениковъ, вести записки перемѣнамъ съ больными, лечить безденежно больныхъ по домамъ, куда онъ долженъ являться по требованіямъ, и ежедневно доносить лично о состояніи больницы начальнику завода. Такъ-какъ Дѣдюхинскій заводъ предположено продать, а съ продажею его само собою измѣнится положеніе мѣстнаго врача, то я и не буду останавливаться на предсмертномъ издыханіи нѣкоторыхъ устарѣлыхъ порядковъ, и займусь прямо преобразованіемъ, обѣщающимъ свѣтлую будущность. Съ продажею завода больница изъ казеннаго вѣдѣнія поступаетъ въ общественное даромъ. Слѣдственно общество само будетъ распоряжаться больницею, и отъ него будетъ зависѣть ея улучшеніе. Носится слухъ, что оно хочетъ имѣть при больницѣ своего врача, если покупщикъ завода не обяжется содержать его на свой счетъ. Если оно искренно того желаетъ, то должно увеличить окладъ жалованья врачу, ибо 428 рублей весьма недостаточно. Въ прежнее время, то-есть, за 40 лѣтъ предъ симъ такое жалованье вполнѣ удовлетворяло потребностямъ врача и было, можно сказать, хорошее; а при нынѣшней дороговизнѣ на все и по умножившимся современнымъ потребностямъ, проистекающимъ отъ лучшей образованности, жалованья врачу, особенно семейному, не хватитъ на насущныя потребы; въ особенности затруднятъ его издержки на воспитаніе дѣтей по современнымъ требованіямъ образованнаго общества. Поэтому для привлеченія къ себѣ хорошаго медика, благоволитъ увеличить окладъ жалованья. Уговоръ о жалованьѣ, содержаніи больницы и заготовкѣ лекарствъ я предоставляю взаимному соглашенію общества съ врачемъ и времени. Время есть лучшій наставникъ во всякомъ дѣлѣ. Не могу однакожъ не

замѣтить, что общество не худо бы сдѣлало, еслибъ продовольствіе больныхъ и заготовленіе лекарствъ, возложило на врача, безъ всякаго со своей стороны вмѣшательства. Обществу все равно—дорогими ли или дешевыми лекарствами лѣчитъ врачь, лишь бы больные выздоравливали; за продовольствіемъ же сами больные будутъ слѣдить зорко и безъ замедленія выскажутъ удовольствіе или неудовольствіе. Впрочемъ для большей вѣрности, общество можетъ изъ среды своей избирать временныхъ довѣренныхъ, которые по порученію его осмотрятъ больницу, спросятъ больныхъ и результатъ своего порученія предложатъ на сужденіе общества. Но такъ какъ существуетъ обычай, дозволенный и закономъ, что родственники носятъ въ больницы пищу больнымъ, то больничное продовольствіе можно устроить и такимъ образомъ, чтобъ родственники по назначенію врача, приготовляли пищу дома на свой щетъ и кормили бы родню въ больницѣ сами. Равно и одеждныя вещи, какъ то: рубашка, штаны, подушка и полотенцо, можно дозволить приносить больнымъ свои. Отъ этого въ больницѣ будетъ пестрота, но эта пестрота несравненно менѣе обременительна для общества, чѣмъ единообразіе, которое не составляетъ существенной необходимости и можетъ быть уступлено экономіи. Быть можетъ, изъ-за той же экономіи, общество будетъ имѣть врача и аптеку, а лечиться станетъ по домамъ; потому что такое заведеніе обойдется дешевле.

Въ дальнѣйшія подробности по будущему устройству больницы я не вхожу, а предоставляю работать времени, которое ясно говоритъ, что общественнымъ врачамъ должно положить тоже жалованье, какое платилось имъ землевладѣльцами. Не странное ли дѣло—помѣщики находили справедливымъ и возможнымъ платить вотчинному врачу по 1000 и по 1500 рублей въ годъ на готовомъ содержаніи, то-есть, при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, прислугѣ и лошадяхъ съ фуражемъ на корову. А изъ казны уѣздные и городовые врачи получаютъ всего на все 180 и 300 рублей безъ квартиры и безъ остальнаго содержанія. Разность огромная — какъ небо отъ

земли. Нынѣ, благодареніе Богу и просвѣщенному правительству, положеніе гражданскихъ врачей, возвышено въ чинопроизводствѣ и принята мѣра объ улучшеніи ихъ содержанія косвенными сборами за медицинскія свидѣтельства и обзоры промышленныхъ и питейныхъ заведеній. О дѣйствительной пользѣ этихъ мѣръ, я предоставляю судить времени и фактамъ. Дай Богъ, чтобъ они принесли отрадные плоды.

Останавливаясь же на больницахъ, я не могу не замѣтить здѣсь, что, не смотря на многолѣтнее существованіе больницъ, народъ доселѣ не могъ привыкнуть къ нимъ на столько, чтобъ идти въ нихъ охотно, какъ въ свои покойныя жилища во время болѣзни; только крайняя необходимость заставляетъ болящаго поступать въ больницу—и лишь заслышитъ онъ въ себѣ облегченіе, то и рвется выйти вонъ изъ нее въ семейный кругъ. Причиною торопливаго выхода изъ больницы, служитъ для многихъ дорогое въ ней содержаніе и приверженность къ семейному быту, а вовсе не недовѣріе къ больницамъ и врачамъ, какъ нѣкоторые полагаютъ. Народъ охотно лечится у больничнаго врача, только не въ больницѣ, а по домамъ. Отъ чего это? А вотъ отъ чего. Хотя народъ признаетъ, что больной въ больницѣ выздоровѣетъ скорѣе, чѣмъ дома, что въ больницѣ ему покойно и присмотръ въ ней хорошій, что больница тепла и чиста, а дома холодно и грязно; да все же больница не свой домъ, не родной очагъ, у котораго ему сладко и пріятно, и отъ котораго оторваться ему слишкомъ тяжело; дома все родные, съ которыми ему церемониться нечего, а въ больницѣ все чужіе, которыхъ затруднять ему совѣстно; и рвется облегченный страдалецъ выйти вонъ изъ просторной больницы въ свою утлую избушку, чему много способствуетъ и та мнительность, что если онъ залежится да умретъ въ больницѣ, то пожалуй, испотрошатъ. И боится пугливое воображеніе народа больницъ, какъ огня.

Чтобъ привлечь къ себѣ народъ, кромѣ кротости и разговорчивости съ нимъ, врачи должны уважать его вѣковыя

привычки, которыми онъ дорожитъ пуще жизни. Такъ могущественное значеніе креста, не должно быть пренебрегаемо врачами; и врачь не худо сдѣлаетъ, если, войдя въ палату, осѣнитъ себя крестомъ; больные, видя знаменіе креста, поймутъ, что врачь приступаетъ къ своему дѣлу не просто, а благословясь, оживутъ духомъ и съ вѣрою въ помощь Божію, станутъ приниматъ прописанное врачомъ лекарство. Самый пріемъ лекарствъ долженъ быть даваемъ тоже со знаменіемъ креста, и долженъ быть не гомеопатическій, а въ видѣ питья, даваемаго рѣдко и стаканчиками два, три раза въ день. Малый пріемъ ложками не уважается народомъ; и больные самовольно отступаютъ отъ сигнатурнаго назначенія. Мнѣ часто случалось слышать, что стклянку, назначенную въ пріемъ ложками, больные простолюдины выпивали въ два три раза, а иногда и залпомъ черезъ горлышко; на дѣлаемыя по этому произволу замѣчанія, отвѣчали: „ничего — мы примѣнились“. Такое произвольное отступленіе отъ лекарскаго назначенія, происходило частію отъ желанія — поскорѣе выздоровѣть, частію же отъ пріученія къ тому знахарями, любящими потчивать больныхъ штофами, полуштофами и стаканами. Но здѣсь представляется мнѣ упрекъ въ томъ, что если въ леченіи больныхъ, врачь станетъ подражать знахарскимъ пріемамъ, то это будетъ значить — разумную медицину низводить на степень знахарства. Спѣшу предупредить такой упрекъ; я признаю полезнымъ подражать знахарямъ только въ формѣ, а не въ сущности леченія. Форма въ леченіи маловажна; потому что можетъ быть выражена самыми жидкостями, какъ то: водой, проскурнячнымъ или солодковымъ взваромъ и прочая; самый же пріемъ дѣйствующихъ веществъ, долженъ быть разсчитанъ по правиламъ разумной медицины. Такое леченіе по сущности своей, не будетъ походить на знахарство и будетъ разумною уступкою укоренившимся привычкамъ народа, если мы хотимъ, какъ можно, ближе сойтись съ нимъ. Вѣковыя привычки не истребляются круто, а исподволь; отъ знахарскаго же штофа къ докторской ложкѣ, переходъ очень

крутъ, и крестьянская голова, не смотря на многолѣтнія прописыванія врачей, не могла съ нимъ свыкнуться доселѣ. Въ послѣдствіи, когда распространится просвѣщеніе въ Россіи, быть можетъ и докторская ложка получитъ должный почетъ у народа, который требуетъ нынѣ у врача не лѣкарства, а зелья, то есть, сильнодѣйствующаго средства, противу злой немочи, и питья, а не глотковъ. Надобно надѣяться, что врачи, какъ люди развитые, сдѣлаютъ удобоисполнимыя уступки неразвитому народу. Чтобъ лучше сблизиться съ народомъ, врачамъ слѣдуетъ говорить сущую правду о положеніи больныхъ, не заботясь объ ихъ огорченіи. Народъ не боится смерти; онъ боится только умереть безъ покаянія. Горе врачу, если онъ изъ опасенія, чтобъ не огорчить семью, станетъ скрывать положеніе больнаго; и больной умретъ безъ покаянія; тогда врачь потерялъ довѣріе къ себѣ навсегда. Если же врачь будетъ говорить простолюдью горькую правду—и эта правда будетъ сбываться на дѣлѣ, хотя бы то печальнымъ образомъ, то врачь много выиграетъ во мнѣніи народа и прослыветъ знатокомъ своего дѣла: и довѣріе къ нему народа, обезпечено.

Но пока врачи поладятъ съ народомъ, имѣющими въ разныхъ мѣстностяхъ свои особыя привычки и наклонности, я обращаюсь къ описываемой мѣстности и сообщаю, что съ боку и нѣсколько впереди больницы, стоитъ аптека, которой на другомъ концѣ соотвѣтствуетъ квартира врача; за аптекой по линіи, стоятъ службы больничныя, а за квартирой медика — его службы; между больничными и лѣкарскими службами, помѣщаются баня, прачечная и кухня больничныя. За этими строеніями предположено развести садъ; но пройдутъ десятки лѣтъ, пока устроится садъ, подъ который попалась болотная лощина — и больнымъ негдѣ нынѣ прогуляться.

Медикаменты и аптечныя вещи выписываются изъ столицы, а нѣкоторыя лѣкарственныя вещества, заготовляются и на мѣстѣ. Сюда относятся: березовыя мочки, вересковыя ягоды, душица, бѣлена, золототысячникъ, липовый, розовый и черемуховый

цвѣтъ, листья толокнянки, муравейный спиртъ, корень завязника, пырея, репейника, папоротника, мать-мачиха, марьино коренье, пижма, троелистка, троецвѣтка, смола пихтовая и еловая, череда и черника.

Заводъ.

Начало солеваренія въ здѣшнихъ мѣстахъ, теряется въ неизвѣстной древности — и кажется вѣроятнымъ, что первыми солеварами были здѣшніе туземцы, а потомъ уже пришельцы. Изъ русскихъ переселенцевъ первыми солепромышленниками являются выходцы новгородскіе—Калинниковы, заведшіе около 1430 года солеварни сперва на рѣчкѣ Боровой, а потомъ на Усолкѣ. Они были изъ числа первыхъ основателей Соликамска, который подъ именемъ Соли-Камской, существовалъ во время набѣга Кулукъ-салтана Ивакова, то-есть въ 1505 году; а имя Строгановыхъ, въ Соликамскихъ лѣтописяхъ упоминается въ первый разъ въ 1555 году. Слѣдственно честь первыхъ солепромышленниковъ изъ русскихъ принадлежитъ не Строгановымъ, а новгородцамъ Калинниковымъ, проникшимъ сюда еще до покоренія Велико-Перміи или Чердынскаго края царю Московскому. Какъ развивалось въ предѣлахъ Пермской губерніи солевареніе, за неимѣніемъ точныхъ записей, рѣшить невозможно. Извѣстно впрочемъ изъ писцовыхъ книгъ, что въ 1579 году въ Соликамскѣ было 16 варницъ, число коихъ въ 1624 году возрасло тамъ до 37. Тамъ-какъ соляной промыселъ въ то время не составлялъ монополіи, а былъ дозволенъ всѣмъ слобожанамъ безъ исключенія, то хозяевъ у варницъ было много — по два и по четыре на одну варницу; рѣдкій изъ солепромышленниковъ имѣлъ одинъ варницу, и только Московскій гость Юрьевъ да нижегородецъ Патокинъ, имѣли каждый по двѣ варницы. Соликамскіе посадскіе заводили варницы не на одной рѣчкѣ Усолкѣ, но и ниже ея на 35

верстъ. Тимашевъ имѣлъ двѣ варницы на устьѣ Зырянки;—на Толычѣ помѣщался Левашовъ, а Балахонецъ Соколовъ, завелъ варницы на Ленвѣ, гдѣ въ 1627 году, число ихъ возрасло до 44; по Тарханной же грамотѣ, между Пыскоромъ и Орломъ, находились Меркурьевы острова, получившіе свое названіе не отъ кого другаго, какъ отъ нижегородца Меркурьева. На одномъ изъ Меркурьевыхъ острововъ и стоитъ нынѣ Дѣдюхино, о древности въ коемъ соловаренія можно догадываться изъ того, что по Кайсарову, Меркурьевъ имѣлъ варницу ниже городца, на острову. Изъ надписи же на соборной иконѣ видно, что Дѣдюхинскій заводъ въ 1684 году, именовался усольемъ. Значитъ солевареніе въ немъ въ то время, было значительно, а въ описи 1729 года, хранящейся въ архивѣ солянаго правленія, значится за нимъ 15 соляныхъ трубъ. Такъ-какъ труба въ прежнія времена снабжала двѣ варницы разсоломъ, то число варницъ въ 1729 году въ Дѣдюхинѣ было не менѣе 30; на Зырянкѣ же ихъ было 20 въ 1652 году и принадлежали многимъ лицамъ. Со всѣхъ варницъ платился оброкъ, отъ котораго не были избавлены монахи и Строгановы отъ того, что земли Іоанномъ Грознымъ были пожалованы Строгановымъ и слобожанамъ, не на крѣпостномъ, а на оброчномъ правѣ.

Въ прежнія времена, въ Дѣдюхинѣ были два промысла, старый и новый, раздѣлявшіеся каждый на два отдѣленія, Благовѣщенское и Воскресенское, Златоустовское и Никольское. Нынѣ дѣйствуютъ два послѣднія отдѣленія, составлявшія прежде новый заводъ.

Для избранія мѣста подъ солеваренный заводъ, первымъ солепромышленникамъ служили указателями солончаки, на мѣстѣ коихъ устраивалась разсольная труба, состоявшая изъ одной только *матицы* или толстато выдолбленнаго дерева, пропускавшаго сквозь себя бадью за разсоломъ. Въ послѣдствіи придумали сквозь машицу провести *обсадныя* трубки или трубку, составленную изъ многихъ звеньевъ, и стали качать разсолъ обыкновеннымъ насосомъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія введены въ употребленіе вѣслыя трубки, которыя проходятъ сквозь обсадныя, углубляясь

въ нѣдра земли на 50 и болѣе саженъ; въ матицѣ же голова вѣслой трубы, выдается выше верхушки обсадной трубы и соединяется посредствомъ *рогаля* съ *рукавомъ* машинныхъ трубъ въ нижней части матицы. Итакъ для устройства разсольной трубы нужны: 1) матица, 2) обсадная труба, 3) вѣслая труба, 4) рогаль, 5) рукавъ, 6) машинныя трубы и 7) сосунья

Матица есть толстое, высверленное дерево, длиною отъ 9 до 13 саженъ; отверстіе ея равняется 9 вершкамъ въ поперечникѣ. Трудно сыскать для матицы цѣльное дерево надлежащей длины и толщины, а потому она цѣльною никогда не дѣлается, а составляется изъ двухъ и даже трехъ деревьевъ, изъ коихъ верхнее вдѣлывается въ верхушку нижняго; деревья скрѣпляются между собою желѣзными *тягами* или полосами. Въ нижнемъ концѣ матицы берется *взятка*, въ которую входятъ *рога* обсадной трубы.

Обсадная труба длиною бываетъ отъ 7 до 25 саженъ; поперечникъ ея отверстія равняется $3\frac{1}{2}$ вершкамъ. Она состоитъ изъ многихъ звѣньевъ или колѣнъ, ставимыхъ другъ на друга торцомъ и скрѣпляемыхъ желѣзными тягами; нижній конецъ обсадной трубы обивается такъ называемымъ *запоромъ*, состоящимъ изъ войлоковъ, овчинъ и сыромятныхъ кожъ. Запоръ преграждаетъ проходъ прѣсной водѣ черезъ *порогъ*. Но такъ какъ прѣсная вода можетъ проникнуть въ трубу не чрезъ одинъ порогъ, но и чрезъ трещины и скважины употребленныхъ деревьевъ, то, обтесавъ трубки топоромъ, выстрогавъ и обмазавъ варомъ, обвиваютъ ихъ холстомъ, осмаливаютъ, навиваютъ потомъ пряжу и напослѣдокъ осмаливаютъ горячею смолою. При самой загонкѣ трубы на мѣсто законопачиваютъ пенькой и обмазываютъ варомъ *ставы* или спаи между звѣньями и, наколотивъ на каждый изъ нихъ по три желѣзныя тяги, навиваютъ сверху холстъ, который обвиваютъ веревочками и опять засмаливаютъ. Чѣмъ тщательнѣе обвита и засмолена труба, тѣмъ она надежнѣе и тѣмъ непроницаемѣе для прѣсной воды, что имѣетъ весьма важное вліяніе на добротность разсола при его скопленіи

въ трубѣ. Чтобъ труба сидѣла плотно, на ней дѣлаются два запора: одинъ по предварительному измѣренію у самаго порога, а другой отступя отъ него на одинъ аршинъ.

Вѣслая труба, состоящая изъ множества колѣнъ, длиною бываетъ отъ 30 до 50 саженъ, и приготовляется такъ: въ трехвершковомъ въ отрубѣ деревѣ вырѣзывается буравомъ отверстіе отъ 1-го до $1\frac{1}{4}$ вершка въ поперечникѣ предварительно, для заготовки, а потомъ въ случаѣ надобности для разсольной трубы производится дальнѣйшая ихъ обработка, состоящая въ слѣдующемъ: во 1) каждое трубчатое звѣно хорошо просмаливаютъ горячею смолою; во 2) обвиваютъ его мѣшечнымъ холстомъ, для чего холстъ по длинѣ разрѣзывается пополамъ и, во время обвивки, для лучшей и плотнѣйшей спайкости края обвитаго накосо холстянаго кольца, смолятся края слѣдующаго оборота, накладываются крѣпко на осмоленные края обвитаго оборота; для обвивки 11 трубокъ, составляющихъ 35 саженъ длины, потребно 125 аршинъ холста; въ 3) трубки, обвитыя холстомъ, снова осмаливаются горячею смолою, въ 4) трубки обвиваются пряжею, толщиною въ гусиное перо, такъ что одинъ обводъ пряди лежитъ возлѣ другаго плотно; обвивку выполняютъ три работника, изъ коихъ первый безпрерывно обращаетъ трубку, лежащую концами своими на станкахъ, посредствомъ такъ называемой *воротяжки*, то есть посредствомъ рычажка, ввернутаго въ обвернутой плотно около трубки веревкѣ; другой работникъ держитъ клубъ пряжи, дабы она не скручивалась и не спутывалась, а третій напускаетъ пряжу на трубку чрезъ подложенный подъ нее шестъ, держа крѣпко въ рукѣ снуръ, и наблюдаетъ, чтобъ ряды его ложились плотно другъ возлѣ друга, особенно на ставахъ; въ 5) трубка окончательно и совершенно осмаливается смолою. За тѣмъ приступаютъ къ надѣванію на одинъ конецъ каждой трубки такъ называемаго *лукошка* или желѣзнаго кольца, имѣющаго въ поперечинкѣ до $2\frac{1}{2}$ и ширины до 2 вершковъ. Внутри трубки, подъ лукошкомъ, съ одного конца дѣлается вырѣзка

для посадки въ нее конца вышележащаго звѣна, который, то есть конецъ, затесывается тщательно, чтобъ входилъ въ выемку плотно. Деревья для трубокъ достаются изъ лѣсовъ, растущихъ въ 20 и 30 верстахъ отъ завода, и по доставкѣ тотчасъ высверливаютъ въ нихъ сердцевину, дабы ихъ не драло. Запоръ на вѣслой трубѣ дѣлается изъ сукна и холста. Верхнее колѣно вѣслой трубы называется *головною* трубкою и выдается въ нижней части матицы выше головы обсадной трубы. Въ голову вѣслой трубы вдѣлывается узкая трубка, называемая *рукавомъ*; а въ рукавъ вставляется рогаль, который есть ни что иное, какъ чугунный опрокинутый стаканъ, раздвоенный на днѣ на два пустые и открытые рога, въ которые вставляются двѣ машинныя трубы, выходящія сквозь матицу на поверхность земли и возвышающіяся надъ землей въ клѣткѣ на 4 сажени. На машинныя трубки употребляется сосновый мяндачъ, смолистый, крупнослойный и несуковатый. Машинныя трубки, вышедшія по верхъ матицы тягами, не скрѣпляются за ненужностію. Длина машинныхъ трубъ равняется 12 саженямъ. Въ нижнемъ концѣ каждой машинной трубы вставляется мѣдная трубка, длиною въ 6 и 8 четвертей, а въ нижній конецъ мѣдной трубки или *сосуньи* вдѣлываютъ стаканъ, на верхнемъ концѣ котораго находится клапанъ *(дыхало)*; надъ клапаномъ въ мѣдной трубкѣ движется на шестѣ поршень *(ботикъ)*.

Для устройства разсольной трубы, на избранномъ мѣстѣ, обыкновенно вблизи богатыхъ соляныхъ источниковъ, начинаютъ рыть квадратную яму величиною въ двѣ сажени; и, углубившись до появленія воды, которая обыкновенно показывается на 3-й сажени, опускаютъ въ яму срубъ. За тѣмъ на самой срединѣ ямы *(корчаги)* дѣлаютъ въ поларшина круглое углубленіе, сообразное толщинѣ матичнаго дерева, а въ срубѣ укрѣпляютъ четыре бруса крестообразно такъ, чтобы въ образовавшійся въ срединѣ брусьевъ отъ пресѣченія ихъ между собою пролетъ могла пройти матица, опускаемая въ корчагу нижними окованными концами по отвѣсу и устанавливаемая въ

кругломъ углубленіи корчаги прямо; на верхній окованный же конецъ матичнаго колѣна надѣвается *окрута*, срубленная изъ бревенъ четырехугольно. Оба конца оказываются только у нижняго звѣна, а у прочихъ звѣньевъ матицы оказывается только верхній конецъ для предохраненія отъ поврежденія. Когда матица поставлена и окручена, то съ верху ея начинаютъ работать *мѣхомъ* или деревянною бадьей съ желѣзнымъ лукошкомъ на нижнемъ концѣ и клапаномъ на вдавшемся днѣ; бадья посредствомъ спицъ и винта надѣвается на шестъ, опускается на дно ямы и посредствомъ стяга то приподымается, то опускается; и напослѣдокъ вынимается на поверхность, наполненная водою и пескомъ, а матица своею тяжестію и окруты опускается въ нѣдра земли. Мѣхомъ работаютъ до тѣхъ поръ, пока идетъ песокъ, но если пойдетъ глина съ пескомъ и валунами, то работаютъ *шеломомъ;* если же пойдутъ валуны, скрѣпленные между собою глиною, то работаютъ *боевыми долотами* и *жолонкой*, а матица между тѣмъ садится все глубже и глубже и наставляется звѣньями. При наставкѣ между спаями кладется войлокъ и сукно, отъ чего спаи прижимаются другъ къ другу плотно и заливаются варомъ. Когда матица дойдетъ до твердаго камня, то боевыми и *подгубными* долотами дѣлаютъ порогъ, окружность коего очищается *вѣнкомъ*. Если матица дрябла, то вставляютъ въ нее лукошко или трубу изъ толстаго листоваго желѣза. Матица служитъ для предохраненія работы отъ засоренія сыпучими и плывучими породами земли.

Когда матица поставится въ порогъ плотно, то круговымъ ходомъ начинаютъ проходитъ скважину или поддѣлку для обсадной трубы, употребляя многіе инструменты, а именно: *ходовыя сверлоки*, *проходныя долота* и проч., начиная съ самыхъ узкихъ и постепенно увеличивая выборомъ ихъ размѣръ. Сверленіе идетъ очень медленно, а именно: пройдя самымъ узкимъ долотомъ отъ 2-хъ до 6 вершковъ, замѣняютъ его болѣе широкимъ, и перебравъ весь рядъ долотъ, очищаютъ пройденное пространство камня

отъ грязи жолонками и тюрикомъ. Очистивши грязь, начинаютъ сверлить далѣе, употребляя долота прежнихъ порядковъ. Продолжая такую медленную работу отъ 7 до 25 саженъ и встрѣтивъ болѣе твердую почву, дѣлаютъ пороги для обсадной трубы; и по очисткѣ порога вѣнкомъ опускается сквозь матицу, постепенно наставляемая звѣньями, по измѣренію, обсадная труба, голова коей выдается въ нижней части матицы и укрѣпляется въ ней чугунными опилками съ глиной. Чтобъ опилки не могли попадать въ обсадную трубу, то отверзтіе ея затыкается болваномъ, который въ послѣдствіи вынимается шестомъ, когда увѣрятся, что голова обсадной трубы стала плотно въ матицѣ. Назначеніе обсадной трубы—предохранять вѣслую трубу отъ поврежденія и препятствовать просачиванію прѣсной воды, могущей въ верхнихъ слояхъ земли ослаблять доброту подымаемаго разсола.

Когда обсадная труба помѣстится и укрѣпится на своемъ порогѣ, то сквозь нее начинаютъ проходить среднюю поддѣлку для вѣслой трубы таковыми же инструментами, только меньшаго размѣра, и приготовивъ для нея порогъ, ниже обсаднаго порога на 20 и на 30 саженъ, продолжаютъ вырабатывать нижнюю поддѣлку или копежъ, который бываетъ еще уже средней поддѣлки, углубляется различно, смотря по пробѣ скопляющагося разсола, и не замѣщается никакою трубою; нижній конецъ копежа находится на глубинѣ отъ 42 до 88 саженъ, а у графа Строганова въ Гурдинѣ на 113 сажени. Когда нижняя поддѣлка будетъ окончена, то сквозь матицу и обсадную трубу опускается постепенно наставляемая, по измѣренію, вѣслая труба, голова коей выдается выше головы обсадной трубы въ нижней части матицы. Въ голову вѣслой трубы вставляется рукавъ, въ рукавъ рогаль, въ рога коего вставляются машинныя трубы, снабженныя сосуньей.

Садка машинныхъ трубъ совершается такъ: двухаршинный и къ низу постепенно стесанный рукавъ, обитый на нижнемъ концѣ запоромъ, состоящимъ изъ холста и сыромятной

кожи, берется на *подхватную* снасть и навѣшивается въ устьѣ матицы; въ верхнемъ окованномъ концѣ, укрѣпляется рогаль, въ рога коего вставляются нижніе концы нижнихъ машинныхъ звѣньевъ, заключающихъ въ себѣ мѣдныя трубки или сосуньи, имѣющія на низшемъ концѣ мѣдный стаканъ съ клапаномъ; укрѣпивъ въ рогахъ нижніе концы нижнихъ машинныхъ звѣньевъ, снасть съ рукава переводятъ на звѣнья, а рукавъ опускается въ матицу; въ верхніе концы, укрѣпленныхъ и уконопаченныхъ съ клеемъ трубокъ, вставляются, уконопачиваются и скрѣпляются тремя тягами и двумя кольцами, нижніе концы вышеслѣдующаго звѣна и такъ далѣе. Когда рукавъ машинныхъ трубокъ, будучи постепенно отпускаемъ, дойдетъ до головы вѣслой трубы, но остановится на ней, а не сядетъ въ нее, тогда, чтобъ посадить рукавъ въ отверстіе головкой, оборачиваютъ машинныя трубки нѣсколько разъ, пока рукавъ не соскочитъ съ края въ отверстіе головкой и не запрется въ ней, что узнается изъ того, что машинныя трубки перестанутъ вертѣться и станутъ неподвижно. Когда машинныя трубки выйдутъ на верхъ, то на матицу надѣвается *изголовь* или полуторосаженная крышка, составленная изъ двухъ мюльбьевъ съ глухимъ однимъ концомъ, пропускающимъ сквозь себя машинныя трубки.

По окончаніи трубы, представляющей изъ себя весьма длинное, круглое, конически-усѣченное углубленіе, нарубаютъ окруту на столько рядовъ, чтобы могъ течь разсолъ, накачиваемый машинными насосами, по жолобьямъ, помѣщеннымъ на двухъ и четырехсаженныхъ сошкахъ. Нарубленная окрута, покрытая шатромъ, называется клѣткою, внутри коей устроенъ механизмъ, приводимый въ движеніе конными и паровою машинами.

Прохожденіе разсольной трубы совершается силами 8 человѣкъ изъ заводскихъ людей подъ надзоромъ двухъ подмастерьевъ, трудящихся день и ночь на двѣ перемѣны. Успѣхъ работы зависитъ отъ твердости, встрѣтившейся породы земной коры; при породѣ не очень твердой углубляются на 6 вершковъ, при крѣпкой же не болѣе 1-го вершка въ сутки. Время,

потребное для совершеннаго окончанія разсольной трубы, простирается до 8 лѣтъ. Затрудненія, встрѣчаемыя при устройствѣ новой трубы, многочисленны и происходятъ отъ мѣстныхъ условій, а иногда и отъ оплошности мастера и его нерадѣнія; хуже всего, если отломится инструментъ, коимъ углублялись, и если при вытаскиваніи его, дѣлаютъ еще два *залома*. Бывали примѣры, что проходили, три и четыре недѣли, пока вынутъ заломы и начнутъ продолжать работу.

Съ основанія завода до настоящаго времени, было устроено 45 трубъ. При хозяйственномъ наблюденіи разсольныя трубы служатъ многіе годы. Но отъ долговременнаго и сильнаго стремленія поднимающагося разсола, разбиваются и подсасываются трубные пороги и даже раскалываются звѣнья обсадной трубы. При такой порчѣ прѣсная вода, проникая въ трубу, уменьшаетъ доброту разсола, что и заставляетъ перемѣнить трубу, возобновить запоры, а иногда и пороги. Если расколется обсадная труба, то достать ее на верхъ, требуется много времени и труда; потому-что голова ея обсыпается чугунной *отрой* и *печиной*, чрезъ что и сливается съ матицей плотно. Достаютъ ее по частямъ чрезъ *неволи*, то-есть, посредствомъ рычажнаго устройства съ привѣшиваніями большой тяжести на длинномъ концѣ коромысла, къ короткому же прицѣпляется шестъ, на нижнемъ концѣ коего укрѣпляется винтъ, сообразный отверстію трубы, въ которую винтъ входитъ на 6 вершковъ. Вытаскиваніе трубы продолжается полгода и болѣе. Если порча разсола происходитъ отъ поврежденія вѣслой трубы, то перемѣнить и поправить ее требуется отъ 1-го до 2-хъ мѣсяцовъ, въ случаѣ же неудачи и цѣлый годъ; главнѣйшее препятствіе происходитъ отъ запоровъ. Если-же чрезъ неволи звѣнья вѣслой трубы будутъ вынуты не всѣ, то ихъ вырѣзываютъ инструментами, навариваемыми укладомъ и сталью, при чемъ ломаются иногда шесты, что и называется заломомъ. Хотя заломы встрѣчаются рѣдко, но причиняютъ трудную и долговременную работу; потому-что доводится тогда вырѣзывать дерево, изъ

многихъ звѣньевъ составленное; при неучачѣ же, труба бросается, оставаясь навсегда безъ дѣйствія. Разчистка старой трубы идетъ тоже не всегда удачно, особливо когда матица ветха.

Породы, проходимыя при сверленіи трубы, съ точностію опредѣлитъ невозможно; потому что очень рѣдко вынимаются куски въ такомъ видѣ, чтобъ можно было разсмотрѣть ихъ явственно отъ того, что по большой части ископаемыя вещества истираются въ порошокъ, по которому едва можно узнать главную породу. Когда проходятъ поддѣлку для обсадной трубы, то высверливаются иногда куски въ грецкій орѣхъ и болѣе; изъ скважины же для вѣслой трубы, вынимаются обломки въ видѣ зеренъ. По этимъ малымъ частицамъ можно признать нахожденіе слѣдующихъ горно-каменныхъ породъ: глины, глинистаго сланца, песчаника, известковаго камня, гипса, вонючаго камня и каменной соли; попадаются иногда зерна каменнаго угля и сѣрнаго колчедана. Въ прошлыхъ вѣкахъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, глубина разсольныхъ трубъ, была не очень велика и разсолы были очень слабы. Счастливая мысль углубленія разсольной скважины, пришла крѣпостному человѣку гг. Лазаревыхъ Ив. Куз. Поздѣеву, который, управляя имѣніемъ своихъ господъ, первый началъ углубляться въ нѣдра земли и достигъ счастливаго успѣха. За Поздѣевымъ послѣдовали и прочіе заводчики и Дѣдюхинскій заводъ. Чрезъ углубленіе разсолъ съ 10^0 возвысился до $27^1/_2{}^0$. Впрочемъ нельзя сказать, что чѣмъ глубже скважина, тѣмъ богаче разсолъ; случалось, что чрезъ углубленіе разсолъ слабѣлъ, а потомъ опять богатѣлъ. Это показываетъ, что каменная соль залегаетъ въ нѣдрахъ земли не однимъ, а многими пластами. Въ Дѣдюхинской мѣстности каменная соль залегаетъ на 77, 78, 79 и 80 сажени земной коры пластами, а въ Соликамскѣ пластъ ея лежитъ на 37 сажени, въ Усольѣ же встрѣчается на 72, 78, 85, 86, 89, 96, 100, 102, 105 и 108, а въ Гурдинѣ на 113

сажени слоями разной толщины; самый толтый слой въ Усольѣ лежитъ на 89 сажени.

Разсолы изъ трубъ подымаются конными и паровою машиною. Конныя машины устроиваются подлѣ которой-либо клѣтки и состоятъ изъ осьмисторонняго шатра, по срединѣ котораго устроенъ воротъ или отвѣсно-поставленный въ верею валъ, съ продѣтымъ въ него шестисаженнымъ брусомъ, къ трехсаженнымъ концамъ котораго припрягаются лошади (*); верхній конецъ вала вставленъ въ бревенчатую связь и обнесенъ кругомъ или колесомъ, пальцы коего касаются за цѣвки шестерни, валъ которой пропущенъ плашмя въ первый или нижній ярусъ клѣтки, гдѣ, при посредствѣ желѣзнаго *кривосцѣпа*, положенъ на брусу или *подушкѣ*: къ кривосцѣпу привинченъ *шатунъ*, пропущенный во второй ярусъ клѣтки и прицѣпленный къ рычажному колѣну, утвержденному въ плашмя-лежачій валъ; отъ другаго рычажнаго колѣна въ третій ярусъ клѣтки идетъ другой шатунъ, привинченный къ балансеру, качающемуся на оси; на одномъ концѣ балансера повѣшена гиря, а къ другому прихваченъ одиннадцатисаженный поршневой стержень или шестъ, желѣзный конецъ котораго зовется *голяшкой*, пропускаемой сквозь *ноздреватикъ* или желѣзный полуцилиндръ, длиною въ 2, а толщиною въ $1\frac{1}{2}$ вершка; нижній конецъ ноздреватика обдѣланъ выпукло, а верхній срѣзанъ плоско; по окружности ноздреватика отъ верхняго края вытерты бороздки, съуживающіяся къ опуклому его концу, и чрезъ это давшія имя ноздреватику, къ плоскому концу котораго придѣлывается бездонная моржевая чашечка или ботикъ. Такой

(*) Въ монастырское управленіе лошади ходили по колесу, дѣйствуя не силою, а тяжестью, но такое хожденіе было такъ трудно для лошадей, что онѣ въ полчаса и много-что въ часъ, покрывались мыльною пѣной. Колесо было замѣняемо пальцами или рычагами, вдѣлываемыми въ валъ. Хотя такое устройство дѣйствовало легко, но требовало скорой гонки, а потому оба устройства такихъ двигателей вышли изъ употребленія скоро.

же двойной рычажноблоковый механизмъ соединяетъ клѣтки съ паровою машиной.

Паровая машина выписана изъ Англіи А. Ѳ. Дерябинымъ, оставившимъ по себѣ незабвенную память по горнымъ заводамъ. Дерябинская машина, поддерживаемая починкой, дѣйствуетъ по-нынѣ и качаетъ разсолъ, посредствомъ рычажно-блоковыхъ устройствъ, изъ 7 колодцевъ, глубина коихъ въ управленіе Г. В. Пиленка доведена до 88 саженей. Машину ставили на мѣсто и приводили къ ней механизмъ англичане Роперъ и Гарлей въ 1809 году. Машинъ было двѣ, а нынѣ одна въ 16 лошадиныхъ силъ, и составъ ея слѣдующій: паровой котелъ имѣетъ $8^1/_2$ длины, 4 ширины и 6 футовъ высоты; онъ вдѣланъ, соотвѣтственно своей величинѣ, въ печку, находящуюся въ строеніи, извѣстномъ подъ именемъ *паровой*, и наполняется водою чрезъ трубу, пропущенную сквозь потолокъ изъ ларя, въ который подымается вода дѣйствіемъ той-же машины изъ шахты (*). Наполненіе котла водою совершается при посредствѣ регулятора или уравнителя воды въ котлѣ, то есть посредствомъ камня, висящаго на проволокѣ въ паровомъ котлѣ; проволока укрѣплена на одномъ концѣ двуплечаго рычага, а на другомъ концѣ привѣшена тяжесть, бо̀льшая противъ тяжести камня, погруженнаго въ воду, и меньшая, когда камень отъ испарившейся воды останется висящимъ въ безводномъ пространствѣ; отъ измѣненія тяжести двуплечій рычагъ отпираетъ и запираетъ кранъ трубы, проведенной въ котелъ, а чрезъ то наливаетъ его водою, и по налитіи запираетъ кранъ, въ задней части котла сдѣланъ *золотникъ* или опаситель, который, при избыткѣ паровъ, поднимается и выпускаетъ ихъ чрезъ трубу вонъ. Изъ пароваго котла посредствомъ трубы сгустившійся паръ идетъ въ двѣ трубы, имѣющія четыре клапана, изъ которыхъ два служатъ для впуска паровъ на-верхъ

(*) Шахта была ведена въ 1818—20 годахъ для добычи каменной соли цѣликомъ, безъ солеваренія, но грунтъ земли не дозволилъ дойти до соляныхъ пластовъ. Но вездѣ ли таковъ грунтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ?

поршня и подъ поршень, помѣщенный въ поршневомъ цилиндрѣ, находящемся въ другомъ большомъ цилиндрѣ, служащемъ поршневому *кожухомъ*; а другіе два клапана назначены для выпуска паровъ по трубкѣ въ *холодильникъ* или конденсаторъ, откуда пары, охлажденные взбрызгиваніемъ холодной воды, извлекаются въ видѣ горячей воды воздушнымъ насосомъ и по трубѣ изливаются вонъ. Поршень, приведенный въ движеніе силою паровъ, увлекаетъ за собою балансеръ, соединенный посредствомъ шатуна съ маховымъ валомъ, на которомъ утверждено маховое колесо; одинъ конецъ маховаго вала, посредствомъ шестерни и кривосцѣпа, дѣйствуетъ на другой, отвѣсно-стоячій по-наружи валъ, соединенный съ *кулаками* или ручками тяги, идущихъ къ машиннымъ клѣткамъ. Самая большая длина тягъ простирается до 100 саженъ. Дровъ для паровой машины сжигается въ сутки до 3 саженъ. Она замѣняетъ нынѣ конныя машины, требовавшія до 30 лошадей въ сутки, въ теченіе которыхъ каждая пара ходитъ безпрерывно по 4 часа, послѣ чего смѣняется другою; лошадьми управляютъ малолѣтки подъ надзоромъ караульщика изъ стариковъ. Паровая машина сравнительно съ конными успѣшнѣе накачиваетъ разсолъ. Паровая клѣтка отъ сильнаго сотрясенія пришла въ ветхость и въ 1856 году сдѣлана новая, въ которой машину установлялъ на мѣсто заводскій механикъ-самоучка Семенъ Жуковъ, получившій за то медаль.

Поднятый машинами разсолъ течетъ по желобьямъ, положеннымъ на сохахъ, на разстояніи отъ 20 до 100 саженъ, въ деревянные лари, нарочно устраиваемые вблизи солеварень. Ларь рубится на ряжахъ изъ брусьевъ или изъ толстаго ломоваго теса и по пазамъ своимъ конопатится паклей и засмаливается, кроется же *скальемъ* и тесомъ. Величина ларя различна и зависитъ отъ числа солеварень, для которыхъ предполагается скоплять въ немъ разсолъ. Ларь раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ въ каждой скопляется разсолъ разнаго достоинства: слабый, крѣпкій или, по заводскому выраженію,

твердый и хлѣбный. Смотря по величинѣ ларя и количество скопляющагося въ каждой его половинѣ разсола простирается отъ 8,770 до 17,540 ведеръ.

Изъ ларей разсолы по подземной трубѣ проводятся въ солеварни черныя, бѣлыя и полубѣлыя. Черныя солеварни выводятся изъ употребленія и вновь строятся однѣ только полубѣлыя. Для устройства полубѣлой солеварни рубится на каменномъ фундаментѣ шатеръ длиною въ $7^1/_2$, шириною 7 саженъ; высота стѣнъ до кровли $3^1/_2$ сажени, а до верхушки стропилъ 6 саженъ. Кровли ихъ исключительно дѣлаются изъ теса и скалья. Къ каждой варницѣ для помѣщенія солеваровъ пристраиваются *пристѣны* и крытые дровяники, гдѣ складываются дрова для суточной вари. Стѣны варницъ обхватываются *сжимами* или стоймя поставленными брусьями съ наружной и внутренней сторонъ стѣны и схваченными между собою сквозь стѣну желѣзными скобами. Сжимы дѣлаются для прочности, чтобъ не покосило и не выпучило современемъ длинную стѣну. Когда срубится шатеръ, то по измѣренію вырывается четырехугольная яма длиною и шириною соотвѣтственно размѣрамъ предполагаемаго стать тутъ *чрена*, а глубиною отъ 5 до 6 аршинъ. Бока ямы выкладываются песчаникомъ, а дно усыпается пескомъ, дабы удобнѣе было очищать яму отъ золы и *запеки*, образующейся отъ протекающаго иногда сквозь чренъ разсола. Спереди ямы подъ лицевою стѣной, посрединѣ, выкладывается устье сводомъ, вышиною отъ 2 до $2^1/_2$, а шириною отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ; устье, кромѣ накладыванія дровъ, служитъ еще и *поддуваломъ*, а яма или топливо вмѣсто печи; въ устьѣ вдѣлываются современемъ желѣзныя двери, нужныя для управленія жаромъ; къ дверямъ со входа въ пристѣнѣ устроивается деревянный *скатъ*. Въ солеварнѣ, съ боковъ ямы къ переди и къ зади, утверждаются въ землѣ двѣ пары надчренныхъ стропилъ, сомкнутыхъ надъ чреномъ въ 3 саженяхъ вышины. На стропила, отстоящія другъ отъ друга на три сажени, кладется *матица*, по-усольски *пушка*,

служащая, какъ и стропила, поддержкою для *перекладинъ;* отъ матицы идутъ желѣзные четырехгранные *вислецы* къ другой матицѣ, отъ которой къ 9 перекладамъ, утвержденнымъ по концамъ на кирпичныхъ *стойкахъ* и расположеннымъ поперегъ чрена и матицъ, опущены *скобы* для подхвата. Къ перекладамъ привѣшенъ на дугахъ тринадцатиаршинный ченъ или циренъ, сбитый изъ лопастнаго желѣза, звѣно котораго или *полица* бываетъ разной величины. Полицы сшиваются между собою по рядамъ *рядовыми*, а по угламъ *начальными* гвоздями. Къ боковымъ краямъ чрена или къ *лѣсневымъ* полицамъ приклепываютъ для большей прочности полосовое желѣзо, получающее имя *порубня.* Отверстія въ полицахъ для гвоздей пробиваются *комаромъ;* швы чреновъ для большей плотности замазываются по-наружи ржанымъ тѣстомъ. Полицы, идущія на дно чрена, бываютъ въ длину отъ 8 до $8^1/_2$ вершковъ, а въ ширину отъ 6 до $6^1/_2$ вершковъ; на бока же употребляются полицы въ 12 вершковъ длины и 7 ширины. Для выхода дыма въ задней части ямы вырываются два короткіе канала, выходящіе внутрь солеварни на аршинномъ разстояніи отъ чрена отверстіемъ, отъ котораго идутъ чугунные борова или *колосники* къ кирпичнымъ трубамъ, сложеннымъ въ заднихъ углахъ солеварни и выходящимъ на крышку ея; въ колосникахъ надъ отверстіемъ канала, выходящаго изъ-подъ чрена, или *кичкой*, имѣется чугунная заслонка, закрывающая отверзтіе во время разгара дровъ и открывающаяся послѣ прогара; съ заслонкой же, имѣющейся въ кирпичной трубѣ, поступаютъ на-оборотъ. Кромѣ кирпичныхъ трубъ въ солеварнѣ, крытой, обыкновенно, на два ската, оставляются подъ князкомъ два отверзтія или кички, обдѣланныя на кровлѣ тесомъ и служащія для выхода паровъ, газовъ и частію дыма. На перекладахъ устраиваются полати для сушки соли жаромъ, развивающимся во все время суточнаго солевареніа. Бѣлая варница отъ полубѣлой отличается тѣмъ, что въ ней соль сушится двое сутокъ въ особой сушильнѣ, устроенной подлѣ варницы.

Когда варница совсѣмъ устроена или налажена, то приступа-

ютъ къ завару. Заваръ начинается въ половинѣ іюня и кончается во второй половинѣ апрѣля. Впрочемъ такое время продолжается заваръ тогда, когда предположено вываривать соли 1,600,000 пудовъ; при меньшемъ количествѣ онъ начинается гораздо позже. Приступая къ выварке соли послѣ подъема либо сгреба, солеваръ напускаетъ по жолобу изъ находящихся въ солеварнѣ трубъ, которыхъ всегда двѣ, разсола слабаго на $1\frac{1}{2}$ и 2 вершка; въ то же время подсолевары или *подварки*, набрасываютъ въ подчренную яму 4 сажени дровъ, что означаетъ стойку; 3 же сажени, набрасываемыя при 4 напускѣ разсола, называются *подсоломъ;* когда чренъ разгорѣвшимися дровами накалится до того, что впущенный разсолъ начнетъ кипѣть, то къ нему прибавляется 1 вершокъ разсола, по укипѣніи коего на $\frac{1}{4}$ вершка снова напускается разсолъ и такимъ постепеннымъ порядкомъ производится 7 напусковъ разсола, изъ коихъ первый и послѣдній по $1\frac{1}{2}$ вершка; а прочіе по 1 вершку; и сверхъ того первой и послѣдній напуски состоятъ изъ слабаго разсола. Напуски разсола опредѣляются *засольникомъ*, который есть ни что иное, какъ деревянный четырехгранный брусокъ, на которомъ насѣчены вершки; засольникъ погружается въ кипящій разсолъ отвѣсно, и если разсолъ дошелъ до *засола*, то на засольникѣ образуется поясокъ изъ соли; соляной поясокъ и показываетъ, что надобно прибавить разсола. Продолжая постепенными напусками сгущать разсолъ, доводятъ его до того, пока сгущенная жидкость не дойдетъ въ чренѣ до 8 вершковъ вышины, и солеварня *пускается на приводъ*. Но прежде кипежа, между передними и задними дугами чрена, ставятся желѣзные лотки или *корытца* съ отвѣсными ручками, назначаемые для извлеченія изъ чрена известковыхъ и другихъ труднорастворимыхъ осадковъ, прибиваемыхъ къ корытцамъ кипѣніемъ разсола; легкія же частицы разсольныхъ примѣсей собираются на поверхности кипящаго ключемъ разсола въ видѣ пѣны, снимаемой *черпакачи*. Если пѣна не снимается, то на поверхности варящагося разсола образуется пленка, называемая

саваномъ, препятствующимъ испаренію разсола и замедляющимъ ходъ вари, чему много способствуетъ холодъ, проникающій въ морозы чрезъ отворяемыя рабочими двери при хожденіи. Существенное же искуство солевара состоитъ въ умѣніи управлять огнемъ и разсоломъ, то-есть, въ умѣніи содержать въ нужной степени подъ чреномъ жаръ и дѣлать въ должное время напуски разсола на чренъ—искуство, пріобрѣтаемое единственно навыкомъ и природною смѣтливостію. Если будетъ пересиленъ жаръ или напущенъ крѣпкій разсолъ, то сѣвшая соль прикипаетъ къ чрену. Чтобъ оттопить ее, надобно напустить слабаго разсола; но если солеваръ этого не смѣкнетъ и напуститъ крѣпкаго разсола, то образуется накипь толстая и уменьшающая полученіе соли на половину. Для очистки соли отъ постороннихъ веществъ корытца вынимаются изъ чрена въ срединѣ и въ концѣ *вари* и опоражниваются отъ насѣвшихъ на нихъ осадковъ: но не малая часть ихъ прикипаетъ вмѣстѣ съ солью и ко дну чрена, получая названіе *трески*. Треска покрываетъ полотно чрена въ видѣ коры, у боковъ вдвое больше чѣмъ по срединѣ, и по малой теплопроводимости своей препятствуетъ надлежащему солеваренію, уменьшая выварку соли, отъ чего по накопленіи ея на днѣ чрена, солеварню останавливаютъ на сгребъ и отбиваютъ треску молотками. Съ отбитою трескою получается испекшаяся соль, называемая *леденцомъ;* въ случаѣ слабаго надзора управленія, солевары въ послѣднюю варю предъ сгребомъ умышленно стараются усиленнымъ жаромъ получить леденца, какъ можно больше, чтобъ продать его корчемникамъ соли, для прегражденія чего всѣ солеваренные остатки вываливаются въ воду.

Въ каждую варю, въ чренъ напускается отъ 2,400 до 2,800 ведеръ разсола, высота напусковъ, которая зовется *наваркою*. Скопивши въ чренѣ, какъ выше сказано 8 вершковъ сгущеннаго разсола, запираютъ двери солеварни и печнаго устья и соль осаждается, или по заводски *варница пускается на приводъ*. Приводъ дѣлаютъ круто, то есть, оставляютъ въ солеварнѣ

сильный жаръ, чтобъ осажденіе соли шло успѣшнѣе и чтобъ получить ее въ мелкихъ кристаллахъ. Жаръ въ солеварнѣ доходитъ до 65° и болѣе, и такъ напитывается газами и парами, что непривычнымъ людямъ не даетъ пробыть въ солеварнѣ даже нѣсколько минутъ. Во время привода, испаряется изъ разсола наибольшая часть воды до тѣхъ поръ, пока высота наварки не дойдетъ до 4 вершковъ, а соль осаждается на дно чрена слоемъ; но чтобъ получить ее наиболѣе свободною отъ горькихъ и плывучихъ солей, оставляютъ, по окончаніи каждой вари, небольшое количество разсола, называемаго *маточнымъ щолокомъ* или *сушью*, содержащую, кромѣ хлористаго натрія, горькія соли, въ особенности сѣрнокислый натръ, Послѣ 4 либо 5 варь, смотря по чистотѣ разсола, сушь выпускается чрезъ небольшое, во время вари затыкаемое, отверстіе въ кормѣ чрена по жолобу на улицу, либо въ подчренную яму, что и зовется *сливкою*. Чѣмъ чаще производится сливка, тѣмъ лучшаго качества получается соль и въ послѣдствіи тѣмъ менѣе она усыхаетъ и утекаетъ: но частая сливка суши, невыгодна тѣмъ, что въ слѣдующую за нею варю, получается соли менѣе, сравнительно съ потраченными дровами. Маточный щелокъ безцвѣтенъ; послѣ первой и второй вари, онъ еще соленъ, но при дальнѣйшихъ, становится болѣе и болѣе горьковатымъ, а количество его въ чренѣ, если стараются избѣгнуть выварки соли съ горькими примѣсями, возрастаетъ.

По окончаніи привода, наступаетъ такъ называемая *унимка соли*; солеварню отворяютъ и охлаждаютъ; осѣвшую соль выволакиваютъ изъ маточнаго щелока гребломъ, состоящимъ изъ одной лѣсневой палицы, загнутой въ полукругъ и прикрѣпленной къ деревянному шесту, сгребаютъ соль къ бокамъ чрена и давъ ей тутъ немного провянуть, взбрасываютъ для просушки на палати, опорожненныя предварительно отъ соли предыдущей вари, уносимой въ мѣшкахъ въ магазины. Набросанной на палати сырой соли, даютъ форму трапеціи, выравниваютъ стороны ея лопатой и клеймятъ орломъ для отвра-

щенія похищенія ея рабочими. Сушка соли продолжается сутки, въ теченіе коихъ вытекаетъ изъ сырой соли въ чренъ оставшійся въ ней разсолъ или суша, образуя подъ палатями трубчатые натеки, въ видѣ капельниковъ. Но соль, сушимая на палатяхъ, по краткости времени и напитанности солеварни парами, не просыхаетъ совершенно.

При слѣдующихъ или рядовыхъ варяхъ послѣ унимки соли, къ оставшемуся въ чренѣ маточному щолоку, напускаютъ свѣжаго разсола, добротою въ 15° и разводятъ огонь. Когда разсолъ закипитъ, мѣшаютъ его гребками для *оттопки* леденца, то есть, для растворенія соли, прикипѣвшей въ прежнюю варю къ полотну чрена, а также и оставшейся у *дужныхъ ножекъ*. Впрочемъ правило это не строго соблюдается солеварами. начинающими иногда прямо съ добротнаго или хлѣбнаго разсола, отъ чего выварка соли уменьшается и чренъ преждевременно прогараетъ. За тѣмъ солевареніе продолжается прежнимъ порядкомъ. Съ маточнымъ разсоломъ варится 7 солей.

Время, потребное на суточное солевареніе, подраздѣляютъ: 1) на оттопку соли, прикипѣвшей къ чрену—2 часа; 2) собственно на варю—5 часовъ, 3) на приводъ соли—12 часовъ и 4) на охлажденіе солеварни, выноску соли въ магазины и унимку ея на палати—5 часовъ. Измѣненія въ суточномъ разчисленіи времени, случаются отъ неискуства и неисправности солевара, состоянія погоды и сырости дровъ. Замедленіе или *утяжка*, влечетъ за собою уменьшеніе числа солей, которыхъ въ недѣлю вмѣсто 7, выходитъ 6. Солевареніе продолжается безпрерывно 20 — 30 дней, пока не понадобится произвести сгребъ. Различаютъ два вида сгребовъ, черный и бѣлый. Черный сгребъ случается, когда солевареніе началось на новомъ или починенномъ чренѣ, бѣлый, если солеварня остановится лишь для очистки чрена — *отряски*. Различіе въ сгребахъ произошло отъ того, что при солевареніи на новомъ или исправленномъ чренѣ, получается меньшее противу обыкновеннаго количества соли и столь нечистой, что обыкновенно

первыя двѣ соли бросаются въ рѣку, либо идутъ снова въ *переваръ*. Нечистота первыхъ солей, происходитъ отъ того, что невозможно пустить въ дѣйствіе совершенно чистый чренъ: если нѣтъ въ немъ пыли, то соль бурѣетъ отъ окисленія желѣза разсоломъ. Въ сутки въ каждомъ чренѣ получается отъ 350 до 430 пудовъ; разность происходитъ отъ размѣровъ чрена, богатства разсола, добросовѣстности искусныхъ солеваровъ и добротности дровъ; дровъ употребляется отъ 6 до 7 саженъ; зимою идетъ ихъ болѣе, чѣмъ въ прочія времена года. Количество вывариваемой соли въ годъ видно изъ приложенія подъ буквою.

Разсолъ, употребляемый на солевареніе, въ сложности бываетъ 18 и 19° по Ламберти, что, по замѣчанію покойнаго Г. В. Пиленка, составляетъ наилучшую пропорцію для солеваренія; подымаемый изъ трубы насосомъ, онъ издаетъ сильный сѣроводородный запахъ, теряющійся въ ларѣ; цвѣтъ разсола изъ-синя-бѣлый, а вкусъ солено-горкій; пробѣгая по жолобьямъ въ ларь, онъ понижается въ своей температурѣ, но не замерзаетъ ни при какомъ морозѣ; при солевареніи отдѣляетъ удушливоѣдкій чадъ въ разной степени. Удушливая ѣдкость чада зависитъ, вѣроятно, отъ сѣры, хлора и іода; на воздухѣ разсолъ вывѣтривается, образуя желто-бѣлый, рыхлый и горькій остатокъ, подъ коимъ грунтъ земли синѣетъ; синѣютъ и лари. Химическій составъ его неизвѣстенъ; но по горнокаменнымъ породамъ земли, по газамъ, отдѣляющимся при солевареніи, по осадкамъ въ чренахъ, по вывѣтриванію разсола на воздухѣ и по утечкѣ соли въ магазинахъ, надобно допустить, что онъ состоитъ изъ сѣрнохлорныхъ соединеній натрія, калія, магнія, глинія, кальція, іодныхъ составовъ, желѣзнаго колчедана и быть можетъ кремнія; но въ какой пропорціи? Неизвѣстно. Вывариваемая изъ него соль довольно чиста и бѣла какъ снѣгъ; отъ перевозки она грязнится и ее нельзя встрѣтить по Россіи въ первобытномъ видѣ; бѣлизною нынѣ славится владѣльческая соль, а прежде славилась Дѣдюхинская; улуч-

шенію владѣльческой соли способствовала вольная продажа ея въ частныя руки съ прекращеніемъ доставки ея въ казну.

Въ старые годы, когда Россія не имѣла ни Илецкихъ копей, ни Астраханскихъ, ни Крымскихъ и Бессарабскихъ озеръ, здѣшніе соляные источники были весьма важны, избавляя государство отъ наплыва иностранной соли и доставляя произведеніе, удовлетворяющее потребности народа. Въ настоящее время, при обиліи озерной и каменной соли, они потеряли свое значеніе, милліоны пудовъ здѣшней соли лежатъ въ Нижегородскихъ магазинахъ непроданными. Плохой сбытъ соли ясно говоритъ о невыгодности солеваренія, доставляющаго залеживающійся продуктъ. Если плохъ сбытъ соли нынѣ, когда нѣтъ у насъ желѣзныхъ дорогъ, то что же будетъ, когда Россія устелется желѣзными дорожинами (рельсами) для паровозовъ, которые поволокутъ илецкую и озерныя соли? Здѣшніе заводы, немогущіе спорить съ самосадочною солью, должны закрыться. Чтобъ предохранить заводы отъ закрытія и возвысить выгодность солеваренія, слѣдуетъ: 1) устроить сухія плотбища для варничныхъ дровъ на островахъ; 2) заготовлять дрова благовременно за годъ, чтобъ они въ теченіе года по выкладкѣ могли просохнуть ни сухихъ плотбищахъ и 3) сберечь по пусту пропадающій въ солеварнѣ жаръ; для этого надъ чренами надобно устроить колпаки съ трубами, варить соль не изъ холоднаго, а изъ подогрѣтаго въ котлахъ разсола, и въ задней части солеварни устроить для просушки соли палати надъ боровами.

Жители.

Древніе обитатели здѣшнихъ дремучихъ лѣсовъ были Чудь, какъ слѣдуетъ заключить изъ грамотъ Пыскорскаго монастыря. Подъ здѣшнею Чудью слѣдуетъ разумѣть остяковъ, о которыхъ упоминается и въ судныхъ дѣлахъ соликамцевъ съ Пыскорскими старцами. Кто первѣе изъ русскихъ выходцевъ проникли до здѣшнихъ мѣстъ — новгородцы или монахи?

Рѣшить трудно. Выше упомянуто, что новгородцы поселились здѣсь около 1430 года, а по „Житіямъ святыхъ Россійской церкви“ (январь, стр. 426 и 427) появленіе иноковъ на Камѣ случилось *ранѣе* 1462 года. Совпадаетъ ли это *ранѣе* съ приходомъ солепромышленниковъ или нѣтъ? Записей не отыскано. Но какъ бы то ни было, а вѣрно то, что иноки занимались не однимъ распространеніемъ христіанства, но и размноженіемъ народонаселенія, воспитывая въ дворахъ своихъ *монастырскихъ дѣтенышей* и привлекая жильцовъ отовсюду. Поэтому издревле здѣшнія мѣста заселяетъ смѣсь новгородцевъ, костромитянъ, вологжанъ, балахонцовъ, вятчанъ, холмогорцевъ и двинянъ съ татарами, остяками, пермяками, черемисами и якутами, уже обрусѣвшими и неимѣющими понятія о своемъ происхожденіи.

Теперешніе жители Дѣдюхина, дѣлятся на два класса: чиновный или должностной и мастеровыхъ, которые подраздѣляются на коренныхъ и поторжныхъ работниковъ; къ коренным работникамъ принадлежатъ солевары, солоносы, дрововозы, столяры и кузнецы. Кромѣ того, сюда приписываются купцы и мѣщане. Изъ купцовъ живетъ на мѣстѣ только одно семейство, а прочія, Богъ-вѣсть, гдѣ обрѣтаются. О существованіи ихъ дѣдюхинское начальство узнаетъ только по сыскнымъ спросамъ, до полученія коихъ оно и не знаетъ: былъ ли когда-либо на свѣтѣ такой-то дѣдюхинскій купецъ? Такое невѣденіе происходитъ отъ того, что Пермская казенная палата, приписывая купцовъ къ дѣдюхинскому обществу, не даетъ знать здѣшней полиціи о состоявшейся припискѣ своевременно. Умноженіе же народонаселенія въ Дѣдюхинѣ, происходило и отъ распложенія на мѣстѣ и отъ переселенія.

Житье-бытье здѣшнихъ чиновниковъ таково же, какъ и въ прочихъ мѣстахъ. Но въ сношеніяхъ ихъ замѣчаются нѣкоторыя особенности. Мелкіе чиновники, пріѣзжающіе къ старшимъ на лошадяхъ, оставляютъ ихъ у воротъ, а сами идутъ черезъ дворъ пѣшкомъ; войдя на крыльцо, оставляютъ на немъ верхнюю одежду и калоши, если носятъ; пройдя прихожую, оста-

навливаются въ залѣ у дверей и ждутъ выхода хозяина дома. Крупные чины подъѣзжаютъ прямо къ крыльцу и шубы и шинели съ нихъ снимаетъ прислуга въ прихожей, гдѣ и оставляютъ ихъ съ калошами; начальникъ же завода, пріѣзжая въ гости къ подчиненному, входитъ въ гостиную съ палкой въ рукѣ; встрѣча его хозяиномъ начинается, а проводы оканчиваются въ прихожей и даже у подъѣзда. Равные пріятели привѣтствуютъ другъ-друга пожатіемъ руки; хозяинъ дома говоритъ съ гостемъ, стоя, либо приглашаетъ его садиться, смотря по крупности его чина и по богатству. Вообще старшій передъ низшимъ держитъ себя надменно и самъ въ свою очередь унижается предъ старшимъ. Искренности нѣтъ; привѣтствія расточаются по выгодамъ, доставляемымъ доходами, и лишь прекращаются доходы, то является татарская грубость.

Мастеровые живутъ, какъ горожане, съ тою лишь разницею, что, состоя въ казенныхъ работахъ, они не привыкли къ хозяйству. Хозяйствомъ занимаются женщины, но глава семьи—все-таки мужчина; весьма рѣдкій изъ мастеровыхъ имѣетъ корову, а еще рѣже лошадь; тогда какъ на Сибирскихъ солеваренныхъ заводахъ весьма рѣдкій изъ каторжниковъ не имѣетъ лошадей. Такая разность между ними происходитъ оттого, что въ Сибири весьма многія работы исполняются каторжниками на собственныхъ лошадяхъ, а въ Дѣдюхинѣ всѣ заводскія работы производятся на казенныхъ лошадяхъ. Время въ Дѣдюхинѣ идетъ день-за-день въ обычныхъ работахъ, семейныхъ заботахъ и вечернихъ росказняхъ, которыми любятъ позаняться женщины съ различными прибавленіями къ правдѣ. Къ особенности здѣшнихъ ночей слѣдуетъ отнести то, что во время солеваренія ходятъ въ 12 часу ночи повѣстчики, извѣщающіе солоносовъ на работу такимъ привѣтствіемъ: *Боже нашъ, помилуй насъ! Соль поспѣла носить.* Солоносъ отвѣчаетъ: *аминь.* Пока повѣстчикъ не услышитъ отъ солоноса такого отвѣта, дотѣхъ-поръ повторяетъ привѣтъ у дома. Большая часть мастерскихъ домовъ похожи на лачуги, содержимыя неопрятно, осо-

бенно дворы; пищу ѣстъ народъ плохую, но любитъ щеголять: иной парень либо дѣвка изъ утлой и кривобокой избы выходятъ въ праздники такими нарядными, что любо посмотрѣть. Женскій полъ на украшенія свои достаетъ деньги самъ на женскихъ работахъ; немногіе отцы и мужья наряжаютъ своихъ дочерей и женъ на свой счетъ.

Вѣру исповѣдуютъ православную; есть въ окружности и раскольники. Православные (какъ и слѣдуетъ) свое православіе считаютъ наилучшею вѣрою на свѣтѣ. Православные чрезвычайно любятъ церковныя обрядности, раскольники же чуждаются ихъ. Разговаривая съ послѣдними, я старался вызнать основанія, по которымъ они чуждаются православной церкви. Одни говорили: такъ жили наши отцы и намъ завѣщали жить такъ же; а другіе, особенно грамотѣи, говорили: 1) вѣдь въ древности святые скитальцы спасались безъ церквей въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ; 2) въ санъ священническій избирались мужи, исполненные духа свята и премудрости, изъ самой среды народа, о чемъ ясно говорится въ 6 главѣ дѣяній апостольскихъ, а нынѣ священниковъ назначаетъ духовное начальство безъ выбора прихожанъ; берутся, правда, иногда одобренія, да эти одобренія, сами знаете, какъ составляются; 3) въ церковныхъ таинствахъ нѣтъ особенной надобности.

Противъ такихъ убѣжденій я возражалъ, что хотя древніе подвижники спасались въ пустыняхъ, но такъ они поступали частію оттого, что за вѣру они подвергались гоненіямъ отъ язычниковъ, частію же оттого, что имъ омерзительно было смотрѣть на идолослуженія, въ которыхъ участвовали ихъ родственники, остававшіеся въ язычествѣ и принуждавшіе ихъ къ тому же. А нынѣ вы живете не съ язычниками, а съ христіанами, и гоненій за вѣру нѣтъ; самые скитальцы не чуждались церкви, а напротивъ, возвратившись изъ пустынь, прежде всего входили въ церковь, которую заводили и въ пустыняхъ. Самъ Іисусъ Христосъ входилъ въ храмъ (церковь) Іудейскій, поучая народъ. Слѣдственно церковь не губитъ душъ, а напротивъ

спасаетъ ихъ; въ церкви слышится слово пригодное въ домашнемъ быту, особенно для нравственности. А что пригодно для подкрѣпленія нравственности на земли, то благоугодно и на небеси. Чуждающіеся же церкви лишаются Божія слова, которое подкрѣпило бы ихъ въ разумѣ и удержало бы отъ провинокъ. Пустынножительство тогда только свято, когда блюдется крѣпко. А жизнь отщепенцовъ такъ ли крѣпка, какъ была крѣпка жизнь древнихъ скитальцевъ? Вотъ къ чему ведетъ отчужденіе отъ церкви! Конечно, не пустыня спасаетъ людей, а праведная жизнь, соблюденіе заповѣдей Божіихъ и наставленій св. Церкви. Въ церкви произносятся поученія, которыя подкрѣпляютъ жизнь и врачуютъ душевныя язвы; а въ отщепенствѣ, кромѣ зазорныхъ толкованій, ничего хорошаго не переймешь. Равно и обрядностями пренебрегать не слѣдуетъ. Конечно, не чрезъ церковныя обрядности получается святость; но вѣдь въ домашнемъ быту и раскольники празднуютъ же именины и браки— и празднуютъ на славу, считая то необходимымъ. Такъ и церковный обрядъ таинствъ святаго крещенія и вѣнчанія, какъ духовное торжество, необходимы; они выражаютъ духовную радость о новобрачныхъ и о новокрещенномъ. А что же въ нихъ худаго? Вѣдь въ нихъ призывается благословеніе Божіе на брачущихся и на новорожденнаго. Ужели этотъ призывъ помощи Божіей излишенъ? Кажется, этого никто не скажетъ; всякое обыденное дѣло мы начинаемъ, благословясь, даже встаемъ съ постели, перекрестясь, то тѣмъ необходимѣе призывъ благословенія Божія для новорожденнаго, который не можетъ выразить ни мысли, ни желанія. Эту-то немощность и выполняетъ за него священникъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что для совершенія Богослуженія и таинствъ св. Церкви, нужны священники. Какъ въ домашнемъ быту избираются люди для управленія семейными празднествами, такъ священникъ, какъ глава христіанскаго семейства, долженъ управлять всѣмъ ходомъ духовнаго торжества. Что касается опредѣленія въ священный санъ, то духовенство наше, уступая духу времени,

духу усовершеній и преспѣянія, уже подняло вопросъ о выборномъ началѣ.

Раскольники слушали и молчали. Хотя молчаніе принимается обыкновенно за согласіе: но я не думаю, чтобъ и раскольничье молчаніе означало то же. И нужно новаго апостола, чтобы сблизить ихъ съ православными. Безъ уступокъ съ той и другой стороны дѣло не уладится, въ особенности нужно просвѣщеніе женщинъ, передающихъ свои суевѣрныя убѣжденія дѣтямъ въ младенчествѣ. Но распространеніе просвѣщенія предоставимъ неизвѣстной будущности, а теперь станемъ продолжать настоящее обозрѣніе мѣстности и скажемъ, что здѣшніе мужчины и женщины богомольны и любятъ ходить на праздники, хотя бы пришлось для того идти за 30 верстъ. По окончаніи праздничной, обыкновенно торжественной службы, они пируютъ на распашку, и пьяные, встрѣтясь съ батюшкой, идутъ къ нему на благословеніе, цѣлуя благословляющую руку, а потомъ дома судятъ и осмѣиваютъ духовныхъ. Значитъ, постановленія и уставы церкви народъ отдѣляетъ отъ личностей духовенства. Онъ чтитъ въ батюшкѣ священный санъ, но какъ человѣка, судитъ его по заслугамъ. Есть сказанія, въ которыхъ здѣшній народъ нещадно глумится надъ духовенствомъ. Я не помѣщаю здѣсь тѣхъ сказокъ, вслѣдствіе ихъ неразборчиваго склада рѣчи. Эта печать, наложенная на духовенство хотя и суемудрымъ глумленіемъ, ясно обозначаетъ, что исправленіе народной нравственности должно начаться съ духовенства, въ которое попадаютъ у насъ всякіе семинарскіе воспитанники. А санъ священный, по высокости своей, стоитъ того, чтобъ поставить его на степень, достойную не притворнаго, а душевнаго уваженія.

Чтобъ возвысить духовенство въ глазахъ народа, слѣдовало бы во священники посвящать не мальчиковъ, несознавшихъ своихъ наклонностей, но людей, уже рѣзко опредѣлившихся и возмужалыхъ. Для того, чтобъ люди возмужалые и достойные занимали священническія мѣста, слѣдовало бы, чтобъ въ діаконы

причетники поступали не исключенные изъ семинаріи ученики, но кончившіе полный курсъ семинаристы. Обязанность ученыхъ діаконовъ и причетниковъ не ограничивалась бы чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, но сопровождалась бы произношеніемъ проповѣдей. Произношеніе проповѣдей причетниками, діаконами и священниками въ одной и той же церкви дастъ случай оцѣнить ихъ дарованія и возбудитъ между ними соревнованіе. Кто по мнѣнію народа станетъ выше всѣхъ, тому и кормило въ руки. А то нынѣ какъ бы священникъ плохъ ни былъ и по способностямъ и по нравственности, все-таки держится на мѣстѣ оттого, что замѣнить его некѣмъ. Для привлеченія способныхъ людей къ занятію причетническихъ мѣстъ, слѣдовало бы назначить имъ порядочное жалованье, возложивъ на нихъ обязанности школьныхъ учителей.

Когда народъ будутъ учить ученые причетники, а не неучи; тогда просвѣщеніе его возвысится, а теперь стоитъ оно на низшей степени. Вотъ примѣръ этому: одинъ грамотѣй, стоя въ Крещенье на Іорданѣ, сообразилъ, что Крещенье послѣ Рождества слѣдуетъ чрезъ 12 дней, составилъ въ головѣ своей такое убѣжденіе, что Христосъ былъ крещенъ младенцемъ и въ холодной водѣ. Когда ему было объяснено по Евангелію, что Христосъ крестился не младенцемъ, а тридцатилѣтнимъ и не въ холодной, а въ обыкновенной, рѣчной водѣ, потому что въ Іерусалимѣ не бываетъ нашей снѣжной зимы; тогда онъ сказалъ: „а я, грѣшный, думалъ совсѣмъ не такъ“.

Но такія ошибочныя думы не такъ вредны, какъ плохая нравственность, которая въ Дедюхинѣ выражается пьянствомъ. А гдѣ пьянство, тамъ и прочіе пороки. Чему приписать страсть къ винопитію — суровости ли климата или распространенію глистности между здѣшними обитателями? Кажется, оба эти вліянія имѣютъ свою долю участія въ этомъ гнусномъ порокѣ, и глядя на жестокость климата и чрезвычайную распространенность глистной болѣзни надобно удивляться, что между туземцами встрѣчаются люди трезвые. Но наклонность къ выпивкѣ не такъ была бы вредна, еслибъ она не вела къ другимъ порокамъ,

въ которыхъ мастеровые не любятъ сознаваться. Они очень хорошо поняли, что несознавшійся преступникъ будетъ только оставленъ въ подозрѣніи, а потому въ винахъ своихъ запираются безъ зазрѣнія совѣсти и безъ застѣнчивости, завѣряютъ клятвою: „Бога со стѣны сниму“. Женщины, видя безпутность своихъ мужей, сами дозволяютъ себѣ отступленія отъ долга чести. Къ нарушенію супружескаго долга рѣдко ведетъ любовь, а большею частію корысть и бѣдность. Бѣдность чаще всего бываетъ причиною гибели молодыхъ красотокъ, увлекающею и дѣвицъ къ вольному поведенію; вольность свою онѣ утаиваютъ отъ родныхъ и отъ сосѣдей и умная дѣвка ведетъ свои похожденія такъ, что на нее не падаетъ подозрѣнія въ гулливости. Но такое умѣнье дается рѣдкой и то немного гулявшей дѣвушкѣ; потому что женихи сами, охотясь по этой части съ молодыхъ лѣтъ, изучаютъ дѣвичьи замашки навычно, а потому лишь замѣтятъ, что какая-либо дѣвка да парень станутъ сходиться межъ собою часто, то и заговорятъ, что тутъ что-нибудь да есть. По большей части заключеніе ихъ бываетъ вѣрно, а иногда и ошибочно; родители же въ частовременной сходкѣ парней съ дѣвками ничего дурнаго не видятъ и вообще на гулливость дочерей смотрятъ сквозь пальцы; есть впрочемъ и строгіе родители, но большинство изъ нихъ находится на сторонѣ слабаго смотрѣнія за поведеніемъ дочерей оттого, что сходящаяся парочка нерѣдко кончаетъ свои частыя свиданія бракомъ; и дѣвушки погуливаютъ, чему много, особенно между крестьянами, способствуетъ обычай — не выдавать младшую дочь прежде старшей. А случается, что за старшую нѣтъ какъ нѣтъ жениховъ; младшая же смазлива, то къ ней и начнутъ приставать поклонники красоты; и младшей сестрѣ надо имѣть несокрушимую стойкость, чтобъ устоять въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ противу всѣхъ ухищреній соблазна и жгучихъ натисковъ плоти, поддерживаемыхъ глистностію у женщинъ и тою увѣренностію, что родители не забранятъ и вѣнецъ прикроетъ все; сердятся только бабушки да дѣдушки, которые, забывъ свою

молодость, ворчатъ на внучекъ за всякую малость, ведя сами жизнь строгую, питаясь изъ года въ годъ постною пищею и въ досужіе часы слушая сказанія о чудесахъ святыхъ угодниковъ. Не смотря на грозное предреканіе дѣдовъ, вольное поведеніе не препятствуетъ внучкамъ выходить за мужъ, а Пермяки питаютъ еще особое пристрастіе къ дѣтнымъ дѣвамъ, на которыхъ они женятся охотно; промысловые же работники обѣгаютъ дѣторождавшихъ дѣвъ, которыхъ берутъ за себя только вдовцы.

Къ особенности здѣшнихъ жителей слѣдуетъ отнести заботу копить деньги на черный и веселый день. Свѣтлыми днями бываютъ праздники, женитьба, именины и крестины, на которыхъ, особенно на свадьбахъ, высказывается тороватость руской природы; бѣднякъ входитъ въ долги, чтобъ только свадебный его столъ состоялъ изъ множества кушаньевъ и нѣсколькихъ ведеръ вина; послѣ свадьбы же сидитъ на великопостной пищѣ, состоящей нерѣдко изъ хлѣба и кваса. Мастеровые вступаютъ въ бракъ очень рано; иной женихъ съ виду мальчикъ, но, женившись, подростаетъ, мужаетъ и дѣлается съ годами настоящимъ мужчиной. Къ ранней женитьбѣ побуждаетъ ихъ облегченіе въ способахъ пропитанія семьи казеннымъ провіянтомъ, отпускаемымъ на жену со дня брака, а на дѣтей со дня рожденія; крестьяне же вступаютъ въ брачныя узы несравненно позднѣе изъ опасенія умноженія податей за дѣтей и рекрутчины; очередной парень не женится долго. Деньги на празднества копятся отъ промышленностей — кузнечной, пивоварной, соляной, калачной, столярной и корчажной. Пивоварная и соляная промышленности выгоднѣе прочихъ. Та и другая составляютъ сладкій запрещенный плодъ, но находятся искусники, которые умѣютъ обмануть бдительность мѣстнаго начальства, а пріѣзжихъ господъ обманываютъ леденцомъ, то-есть, сплавившеюся въ чренѣ солью, выдаваемою за каменную. Развитію пивоваренія способствовала преимущественно продажа дорогой и недоброй водки въ кабакахъ и привычка солеваровъ и кузнецовъ утолять свою жажду спиртуозными напитками; въ прежніе годы

при дешевизнѣ вина они пили горѣлку, при вздорожаніи которой обратились къ пиву и говорятъ, что „ни квасомъ, ни водой нельзя утолить такъ скоро жажду, какъ пивомъ и виномъ; да отъ пива еще та выгода, что пьянъ и сытъ“. А пьютъ въ Перми изрядно; въ послѣдній откупъ во многихъ мѣстахъ Россіи крестьяне вооружились противу кабатчиковъ трезвостію; Пермь же и Сибирь не измѣнили откупамъ: ни въ одномъ уголку по нимъ не составилось ни одного общества трезвости. Быть можетъ, огнедѣйствующія промышленности, холодный климатъ и распространенность между народами глистовъ—были могучими союзниками откупщиковъ, удержавшими Пермичей въ повиновеніи у виночерпіевъ.

Къ похвальнымъ качествамъ здѣшняго народа слѣдуетъ отнести соболѣзнованіе къ нищетѣ и горю несчастнаго собрата; соболѣзнованіе о бѣдности и бѣдствіи онъ выражаетъ не одними словами, но и дѣломъ, помогая охотно, чѣмъ можетъ; есть такіе доброхоты, что при собственной крайней бѣдности дѣлятся кускомъ хлѣба съ нищими. Итакъ народъ повидимому очень добръ, но эта доброта поддерживается болѣе обычною обрядностію, чѣмъ внутреннимъ убѣжденіемъ и яснымъ пониманіемъ долга по духу ученія Христова, котораго онъ и понять не можетъ; потому что не слышитъ отъ пастырей церкви простаго толкованія Евангелія, которое нерѣдко читается ему неразборчивымъ трубнымъ голосомъ. Святое и душеполезное вышло бы дѣло, еслибъ духовная власть обязала мѣстныхъ священниковъ выходить послѣ каждой обѣдни на амвонъ и внятно повторять святое Евангеліе, по прочтеніи котораго нынѣ въ головѣ молельщиковъ остается незабвеннымъ только одно: „у! какъ прокричалъ севодни отецъ діаконъ“. А что прокричалъ, одному Богу извѣстно. Евангеліе значитъ благовѣстіе, а потому должно быть произносимо благовѣстно, то-есть внятно и благоразумно и тогда только оно будетъ усвоено народомъ.

Говоря о смерти, нельзя не упомянуть здѣсь объ особенности здѣшняго похороннаго обряда, начинающагося коло-

кольнымъ звономъ, производимымъ о всякомъ покойникѣ отъ однодневнаго младенца до столѣтняго старца, не звонятъ только по нищемъ, не могшимъ дать церковникамъ шести копѣекъ серебра; сообразно платѣ продолжается и похоронный звонъ въ колокола. О смерти богатаго покойника извѣщаютъ ударами въ большой колоколъ въ самый часъ смерти, хотя бы приключилась она въ глубокую полночь. Народъ, зная о безнадежной участи богатенькаго, стекается къ нему тотчасъ на дворъ и участвуетъ въ первой паннихидѣ по немъ, неся потомъ его на раменахъ своихъ въ похоронный день, что впрочемъ не означаетъ особой чести, а обычай; умершую дочь мастероваго несутъ сверстницы съ лентами на головѣ, а сына — мальчики. Къ хорошему обыкновенію слѣдуетъ отнести превращеніе дедюхинцами увеселительнаго семика въ христіанскій обрядъ поминовенія усопшихъ, который начинается такъ: въ семикъ, обыкновенно въ 12 часовъ пополудни, начинаютъ звонить на соборъ, какъ звонятъ въ храмовые праздники передъ обѣдней во всѣхъ мѣстахъ Россіи; священно-служители, облачившись въ священныя одежды, съ хоругвями и со святыми крестами отправляются въ сопровожденіи собравшагося во храмѣ народа на кладбище; православные, неуспѣвшіе до выхода служителей алтаря прійти въ храмъ, спѣшатъ во всѣхъ направленіяхъ и со всѣхъ концовъ города туда же. Здѣсь первымъ долгомъ собравшихся бываетъ молитва объ упокоеніи почивающихъ въ убогомъ домѣ скоропостижно и нечаянно погибшихъ предковъ; во время паннихиды усердіе жителей къ погибшимъ въ волнахъ Дѣдюхинскаго канала выражается теплою молитвою и щедрымъ вкладомъ въ общую кассу денегъ и яицъ; по окончаніи сей общей паннихиды, послѣ возглашенія діакономъ вѣчной памяти всѣмъ прежде отшедшимъ братіямъ здѣ лежащимъ и повсюду православнымъ, народъ спѣшитъ наперерывъ пригласить священника къ могилѣ своихъ родичей. Объ усердіи къ поминовенію усопшихъ и о многочисленности собирающагося въ семикъ народа ближе можно судить по тому, что два и три священника съ 12 до 5 часовъ

безостановочно служатъ не панихиды, но малыя литіи, и все еще остаются могилы, надъ которыми не бываетъ возглашаемо: со святыми упокой и вѣчная память! Картина эта такъ глубоко дѣйствуетъ на душу того, кто привыкъ въ семикъ видѣть однѣ пляски и пѣсни молодежи, что онъ невольно углубляется въ самого себя и любовь къ Дѣдюхинцамъ за любовь ихъ къ почившимъ братіямъ наполняетъ его душу. Впрочемъ торжество это не всегда совершается въ семикъ, то-есть передъ Троицей, но и позже, что зависитъ отъ разлива Камы и отъ окончанія грузки на судахъ. Кромѣ этого торжества служатся молебны на улицахъ по нѣскольку разъ въ годъ святому Власію, хранителю коровъ; хранителямъ же прочихъ животныхъ, какъ-то: Василію — свиней, Ильѣ — барановъ и козлятъ, Флору и Лавру — лошадей, Маріи Голиндухѣ — куръ, Анастасіи — овецъ и козъ, молебновъ не служатъ, но въ дни своихъ покровителей, свиньи 1-го января, бараны и козлята 20 іюля, лошади 18-го августа, куры въ послѣднее воскресенье передъ Покровомъ, а овцы и козы 29-го октября избавляются хозяевами отъ всякихъ непріятныхъ впечатлѣній, какъ-то: гоньбы, ударовъ и работъ, если употребляются въ нихъ, и даже брани.

Казалось бы въ борьбѣ съ мертвящей, покрываемой большую часть времени снѣгомъ, природой долженъ утомиться и обезсилѣть человѣкъ. Но этого не видно въ здѣшнихъ жителяхъ; движенія ихъ бойки и проворны, только ростъ большею частію малый; есть, конечно, и высокіе, но таковыхъ сравнительно очень мало и большинство изъ нихъ худощаво; преобладающій цвѣтъ тѣла смуглый, есть и бѣлотѣлые, но мало; мало и брюнетовъ, рыжихъ и могущныхъ силачей. Силою отличаются трое Кузнецовыхъ, изъ которыхъ двое играютъ двухпудовою гирею, какъ мячемъ; однажды потѣшаясь такою забавой, одинъ изъ нихъ какъ-то прозѣвалъ полетъ гири—и она попала ему въ голову, нанеся ударъ до безчувствія; но въ госпиталѣ онъ очнулся и ушелъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Старикъ Олеховъ въ молодости своей сшибалъ съ разбѣгу лбомъ

избныя двери съ крючка; нынѣ такимъ искусствомъ славится Акинфъ Кузнецовъ, который изъ-за жбана пива, сложивши руки по швамъ, падаетъ еще съ саженной высоты на землю плашмя бокомъ. Лицо у дедюхинцовъ продолговатое и смышленое; смышленость свою они доказываютъ въ подѣлкахъ; стоитъ только дать имъ образецъ либо рисунокъ, то многіе по своей части сдѣлаютъ точно такъ, какъ на рисункѣ; искусствомъ въ мастерствахъ славятся: столяръ Зрячихъ, маляръ Ширевъ, слесарь Ямовъ, экипажникъ Хомяковъ и кузнецъ Бузуновъ; дѣлаютъ и рѣзную мебель и кареты на лежачихъ рессорахъ, раскрашивая и обивая ихъ искусно. Женщины искусны въ рукодѣліяхъ; на видъ онѣ поджарыя и съ малыми грудями; хорошо развитыя груди—рѣдкость, лоно же у нихъ выпуклое. Мужчины и женщины слабонервны, оттого трусливы и при постигшей ихъ болѣзни склонны къ плаксивости, склонны и къ передачѣ вѣстей. Удивительна скорость, съ какою передаются устно вѣсти изъ дальнихъ мѣстъ. Устная молва опережаетъ почту двумя недѣлями изъ губерній, а изъ захолустій и мѣсяцомъ.

Одежда мужчинъ: понитокъ, носимый на-распашку, гуня, бешметъ, тулупъ, шапка и картузъ, а женщинъ—платье, платокъ, кофта, юпка, шаль, салопъ и шуба; нѣкоторыя старушки носятъ сарафанъ и покрываются фатой; молодыя женщины, въ лѣтнюю пору, носятъ женское пальто, а нѣкоторые мастеровые — пальто-сакъ, который, при первомъ появленіи своемъ въ здѣшнемъ краѣ, былъ окрещенъ пониткомъ, отъ сходства ихъ въ покроѣ и въ способѣ ношенія. Понитокъ дѣлается изъ домашней крашенины и составляетъ легкую одежду для лѣтнихъ переходовъ, изъ дома въ заводъ и обратно.

Пища мастеровыхъ: хлѣбъ, овощи и грибы, рѣдко рыба и мясо; чиновный же людъ потребляетъ говядину, телятину, дичь и рыбу; говядину и телятину покупаютъ по 3 и 5 копѣекъ за фунтъ; пара рябчиковъ 10 и 20 копѣекъ; тетерька 15 коп.; фунтъ тринадцатифунтовой стерляди 30 копѣекъ, а мелкой 12 коп.; пудъ соленой семги 8 рублей; осетра 6 рублей; судака 3 рубля; леща 2 рубля; ведро княжники 1 и 2 руб.; земля-

ники и малины 70 коп.; клюквы 30 коп.; брусники и смородины 20 коп.; куль крупчатки 7 и 10 рублей; пудъ ржаной муки 60 и 80 коп.; овса 30 и 40 коп.; сѣна 10 и 25 копѣекъ. Нынѣ съѣстные припасы вздорожали противу прежнихъ годовъ, частію отъ плохаго урожая, частію же отъ закупа и отправки ихъ въ другія мѣста, а прежде были вдвое и втрое дешевле; но говядина же всего дешевле была въ минувшую войну и продавалась по $1/2$ копѣйки за фунтъ. Такая необычайная дешевизна можетъ быть объяснена только крайнею потребностію у крестьянъ въ деньгахъ, для полученія которыхъ они не щадили живота своего и чрезъ то запрудили рынки мясомъ.

Игры.

Народъ по природѣ своей склоненъ къ веселости, для удовлетворенія которой, придумалъ игры мужскія, женскія и смѣшанныя; мужскія игры подраздѣляются на игры малолѣтовъ и подростковъ съ малолѣтами; игры малолѣтовъ: 1) бабки; 2) пряталки; 3) силенъ-воленъ на городу стоитъ; 4) тѣря; 5) чижикъ; 6) шарикъ и 7) шахарда; подростки играютъ съ малолѣтами: 1) въ городки; 2) въ мячъ, и 3) въ свайку; у дѣвушекъ одна только игра въ колышки; за то вознаграждаются онѣ играми съ молодцами.

Бабки. Игра въ бабки довольно разнообразна и носитъ разныя названія, какъ-то: игра бабками въ конъ, въ пристѣнъ, сакой и сукой. *Конъ* устраиваютъ такъ: пара бабокъ или гнѣздо ставится стоймя; за нимъ, на 6 вершковъ разстоянія, ставится другое гнѣздо и т. д., всего по гнѣзду на каждую битку или крупную бабку, которою, съ извѣстнаго разстоянія, сбиваютъ поставленныя гнѣзда; для большей тяжести битку наливаютъ свинцомъ. Поставивши гнѣзда, игроки отходятъ отъ кона на 5 и на 6 саженъ, и тотъ, кто далѣе поставилъ свое гнѣздо, то-есть послѣднимъ, начинаетъ бить первый; иногда право начина пріобрѣтается жеребьемъ черезъ чаканье, для чего битки отбираются отъ игроковъ, и всѣ кучей бросаются къ верху; павшая битка сакой или брюшкомъ на землю пріобрѣтаетъ право на начинъ, а бо̀ка ждетъ

очереди: если сакой станутъ двѣ битки, то бо̀ки остаются, а саки пересакиваются и которая падетъ сакой, та и начинаетъ; но до начина бо̀ки пересакиваются съ бо̀ками, чтобъ черезъ саку получить очередное право играть; когда опредѣлится чередъ, то первая сака метитъ и бросаетъ битку въ конъ, чтобъ сшибить гнѣзда; сшибенныя гнѣзда подбираются, а битка остается на мѣстѣ паденія. Когда пробросаются всѣ битки и останутся въ конѣ несбитыя бабки, то битка, упавшая далѣе прочихъ, начинаетъ добивать гнѣзда; когда гнѣзда собьются всѣ, то игра начинается снова такимъ же порядкомъ. Если всѣ битки до послѣдней не попадутъ въ конъ и лягутъ далеко, то послѣдній игрокъ, смѣтивъ выгоду близкаго нахожденія къ кону, бросаетъ битку слегка, чтобъ она легла какъ можно ближе къ кону; если же битки падутъ близко, то онъ бросаетъ свою битку такъ, чтобъ она легла подалѣе всѣхъ, или какъ ему кажется выгоднѣй. *Сука* отличается отъ кона тѣмъ, что бабки ставятся въ ней не попарно, а въ одиночку. *Сакой* играютъ двояко: либо сакаютъ двѣ бабки, и которая станетъ сакой или брюшкомъ, та и беретъ павшую бо̀кой, либо ставятся такъ же, какъ въ конѣ гнѣзда, сакаются, кому бить и бьютъ на очень близкомъ разстояніи, непревышающемъ 2-хъ аршинъ отъ бабокъ, но съ условіемъ: не сгибаться при битьѣ. Игра бабками *въ пристѣнъ* состоитъ въ томъ, что играющіе бросаютъ, что есть силы, бабки о стѣну, и которая изъ нихъ отскочитъ дальше всѣхъ, та и беретъ бабки. Изъ всѣхъ игръ въ бабки, игра кономъ и сукой труднѣе прочихъ, потому что требуетъ не только смѣтливости, но и вѣрности глаза и мѣткости въ рукѣ; ловкимъ ударомъ искусный игрокъ сшибаетъ отъ трехъ до пяти гнѣздъ разомъ. Въ Сибири мѣткіе игроки, увѣренные въ искусствѣ своего битья, не страшатся бить въ грошъ на шестисаженномъ разстояніи и часто грошъ, поставленный на ребро, сбивается первой либо третьей бабкой и кладется въ карманъ сбившимъ его игрокомъ; неискусный же игрокъ пробрасываетъ много бабокъ, которыя подбираются въ свою собственность поставившимъ грошъ. Въ Сибири играютъ еще *плиткой*, которая состоитъ въ томъ, что желѣзною плиткой

назначаютъ на землѣ болѣе или менѣе обширный кругъ, въ срединѣ котораго ставятъ плашмя двѣ бабки головками другъ-ко-другу, но съ такимъ промежуткомъ, чтобъ каждую изъ нихъ могла задѣть плитка; за первыми бабками въ линію, на такомъ же разстояніи отъ нихъ, и головками къ нимъ ставятся и прочія бабки по числу игроковъ; игроки сакаются и отходятъ, каждый со своей плиткой, на 5 и на 6 саженъ отъ круга или *на мету*,—и первая сака бьетъ съ такою силою, чтобъ одна либо двѣ бабки вылетѣли изъ круга, а плитка упала бы вблизи его, либо въ самомъ кругѣ; если бабка вылетитъ, то игрокъ съ мѣста паденія плитки бьетъ въ бабки до-тѣхъ-поръ, пока онѣ вылетаютъ изъ круга; въ противномъ случаѣ, начинаетъ съ мѣты бить другой; въ случаѣ промаха, бьетъ третій и т. д.; когда всѣ бабки выбьются изъ круга, то игра начинается снова. Играютъ въ Сибири и сакой, но сибирская сака сложнѣе дѣдюхинской и требуетъ смышлености и ловкости въ битьѣ, потому-что сибирская сака не довольствуется однимъ саканьемъ, а требуетъ трехкратнаго битья въ боку; сака бьетъ въ ближайшую боку такъ, чтобъ разстояніе между битыми бабками постоянно было больше 4 вершковъ; въ противномъ случаѣ, начинаетъ бить битая бока; случается, что боки, при намѣренно сильномъ саканьи, падаютъ отъ саки въ 2-хъ саженяхъ, тутъ ужъ нужна мѣткость съ разсчетомъ, чтобъ сака недалеко пала отъ битой боки; если-жъ при саканьи сака падетъ подлѣ боки, то игрокъ, обязанный бить съ мѣста паденія саки, ставитъ свою пятку подлѣ боки, подымаетъ носокъ сапога къ верху и чрезъ подошву бьетъ боку; въ случаѣ промаха, битая бока беретъ бившую бабку и начинаетъ бить, при тѣхъ же условіяхъ, прочія бабки; игра кончается, когда всѣ бабки будутъ подобраны и тогда начинается снова.

Пряталки — игра малолѣтокъ незатѣйливая. Чтобъ рѣшить, кому доведется шари́ть, т.-е. искать спрятавшихся, мѣряются одною палкой попарно, обхватывая ее руками попеременно; у кого останется верхній конецъ палки въ рукѣ, тотъ считается

вышедшимъ или получившимъ право прятаться, вышедшаго смѣняетъ другой и т. д., пока не перемѣряются всѣ; кто не можетъ захватить напослѣдокъ палку, тотъ и шари́тъ. Одинъ изъ прячущихся бросаетъ палку изо всей силы, какъ можно дальше; за палкой бѣжитъ шаритель, а остальные прячутся, кто гдѣ можетъ укрыться; когда всѣ спрячутся, то раздается громкое: „пора!“ шаритель идетъ искать и, нашедши кого-либо изъ спрятавшихся, кричитъ: „олень на голосъ!“ Спрятавшіеся выходятъ изъ своихъ засадъ, сбираются въ кучу, бросаютъ палку, и найденный олень шаритъ спрятавшихся и, въ свою очередь, кричитъ: „олень на голосъ!“ и т. д. Игра незамысловатая, но все таки требующая нѣкоторой смѣтливости для умѣнья прятаться, чтобъ избавиться непріятнаго шаренья; и дѣйствительно, иной во всю игру не шаритъ.

Силенъ-воленъ на городу стоитъ. Зимой малолѣты, найдя какую нибудь кучу изъ снѣга либо навоза, окружаютъ ее; одинъ кто-нибудь вбѣгаетъ на верхушку кучи и становится властителемъ города, а прочіе стараются спихнуть его оттуда; если удастся стянуть его съ города, то прежде всѣхъ успѣвшій стать на его мѣсто, становится сильнымъ, вольнымъ, на городу стоять и т. д.

Тѣря—игра зимняя малолѣтовъ; игроки, отыскавши тѣрьку, (конскій замерзшій пометъ), становятся въ произвольный кругъ; одинъ кто-нибудь побойчѣе пинаетъ тѣрьку, стараясь попасть ею кому-нибудь въ ногу; игрокъ, въ котораго пинаютъ тѣрькой, привскакиваетъ, чтобъ тѣрька не попала въ него; если она пролетитъ мимо, то пинавшій бѣжитъ за ней, а прочіе колотятъ его въ шею за неудачу; если жъ кому тѣрька попадетъ въ ногу, тотъ становится тѣрей и пинаетъ тѣрьку и т. д. Игра убыточная и не безопасная отъ того, что пропинываются носки у обутокъ и какъ кто кого ударитъ по затылку.

Чижикъ. Чижикомъ называется двухвершковый отрубокъ отъ палки, имѣющій на одномъ концѣ зарубу съ откосомъ, при посредствѣ коихъ онъ держится на колѣ при игрѣ, для которой колъ вбивается въ землю наклонно; на колъ надѣвается чи-

жикъ и колъ очерчивается кругомъ. Хозяинъ чижика, бьетъ прежде всѣхъ чижикъ съ кола, а прочіе въ полѣ отбиваютъ его палкой; если чижикъ падетъ въ кругъ, то отбившій начинаетъ бить, но этого достигнуть трудно; потому что стоящій у кола игрокъ отбиваетъ чижикъ обратно и, отбивши считаетъ или мѣряетъ ляпы; если насчитаетъ условленное число ляпъ, то выходитъ; такимъ образомъ поступаютъ и прочіе. Когда останется одинъ невышедшимъ, тогда первый беретъ чижикъ и кладетъ его на одинъ конецъ палки и, подбрасывая, ударяетъ другимъ концомъ, что продолжаетъ, подаваясь впередъ къ мѣсту паденія чижика, столько разъ, на сколько шелъ ляпъ; послѣ перваго игрока гонятъ чижикъ все далѣе и прочіе. Когда кончается гонка чижика, то оставшійся невышедшимъ игрокъ торопится прокричать: „до трою съ казеннымъ“, что означаетъ, что ему четыре раза можно отдохнуть при скаканіи; а гоньщики, чтобъ не дать такой льготы, стараются предупредить его крикомъ: „до-единожды“! За тѣмъ даютъ ему въ зубы чижикъ, а руками за спиной своей охватываетъ онъ палку и скачетъ на одной ногѣ до кола на выговоренномъ условіи.

Шарикъ. Шарикомъ играютъ двояко. Въ Дѣдюхинѣ игроки роютъ ямки въ разстояніи одна отъ другой на сажень, потомъ черезъ себя, т. е. черезъ голову назадъ бросаютъ свои палки; у кого палка падетъ ближе, тотъ и шаритъ или катаетъ шарикъ предъ игроками, ставшими у своихъ лунокъ; катящійся шаръ крайній игрокъ бьетъ палкой, выпуская ее изъ рукъ; если онъ попадетъ палкой въ шаръ, то бѣжитъ за палкой, а шарящій старается поймать шаръ и положить его въ лунку бѣгущаго за палкой игрока; если не успѣетъ положить шаръ въ лунку, прежде бѣгавшаго за палкой игрока, то катитъ шаръ снова и ставшій у своей лунки битокъ, бьетъ шаръ снова; въ случаѣ промаха бьетъ шаръ слѣдующій игрокъ и т. д.; а если промахъ сдѣлаютъ всѣ игроки, то всѣ и обязаны бѣжать за своими палками, шаритель же успѣваетъ въ то время положить шаръ кому либо въ лунку; чья лунка, тотъ и шаритъ. На Пыскорѣ играютъ

иначе: между кольевъ поперегъ улицы ставятъ на ребро доску; передъ ней въ двухъ шагахъ вбиваютъ колъ, именуемый бабою; на бабу кладутъ шаръ; упираясь палкою въ край бабы, кидаютъ палку чрезъ себя; у кого падетъ ближе всѣхъ палка, тотъ и шаритъ; у кого палка пала дальше всѣхъ, тотъ, подойдя къ бабѣ, бьетъ шаръ, выпуская палку изъ рукъ съ приговоромъ: „изъ бычка —бычка, изъ подорожничка, стоячаго не бить, по палки не бѣгать“! Катящійся шаръ бьютъ всѣ игроки; когда игроки побросаютъ палки, то шарящій, бѣгая за шаромъ, хватаетъ его и старается прежде какой либо палки ударить имъ въ доску; опоздавшій шаритъ.

Шахарда. Для шахарды игроки раздѣляются на двѣ партіи, избирая дюжую матку, которая должна выдерживать всю тяжесть опиравшейся на нее своей и другой скачущей партіи; избранныя матки становятся рядомъ и къ нимъ подходятъ попарно игроки съ условленными между собою знаками, которыя выражаются такъ: „чево надо? съ колокольны палъ али повисился;“— либо: „изъ-за печки парусомъ али по водѣ на лыжахъ?“ Одна матка говоритъ: „повисился,“ а другая отъ другой пары требуетъ: „изъ-за печки парусомъ.“ И взявшіе такія знамена себѣ игроки, отходятъ къ просившимъ ихъ маткамъ; при этомъ смышленый игрокъ, желая поступить къ надежной маткѣ, успѣваетъ какъ-нибудь дать ей знать, чтобъ она просила то-то знамя, чрезъ что партіи не уравниваются въ достоинствѣ. Раздѣлившись на партіи, берутъ щепку, плюютъ на нее и спрашиваютъ жеребій: „море али сухо?“ Когда выскажется желанный жребій, то щепку бросаютъ къ верху, и по выпавшему жребію одна половина игроковъ становится къ стѣнѣ, нагибаясь другъ-за-дружкой, т. е. матка упирается въ стѣну, за нее цѣпляется руками и упирается въ нее плечомъ игрокъ, за котораго другой и т. д. Когда партія установится, то другая начинаетъ скакать на спину къ ней; первый скачетъ тотъ, кто прытче и легче скачетъ, — за нимъ и прочіе. Когда всѣ скачущіе игроки усядутся на спинахъ стоящихъ въ наклонъ игроковъ, то спрашиваютъ: „ша-

харда или ѣзда?“ Смотря по тому, какъ выгоднѣе, матка отвѣчаетъ: „ѣзда,“ если надѣется сбросить съ себя сѣдока, — въ противномъ случаѣ говоритъ: „шахарда,“ если матка скажетъ: „ѣзда,“ то склонившіеся игроки выпрямляются и начинаютъ прыгать, а скакавшіе, цѣпляясь за ихъ плечи, стараются удержаться на ихъ спинѣ; если при прыганьи слетитъ одинъ сѣдокъ, то скакавшая партія становится въ шахарду, въ которую она становится и тогда, если при скаканіи одинъ игрокъ свалится съ шахарды на землю.

Юла. Для выхода въ юлѣ поступаютъ такъ: всѣ намѣревающіеся играть, становятся въ рядъ, кромѣ одного, который, ходя передъ ними, ударяетъ каждаго и себя легонько по головѣ рукой съ приговоромъ, каждое слово коего совпадаетъ съ ударомъ по головѣ; на кого падетъ послѣднее слово, тотъ и выходитъ. Для того, чтобъ выйти самому или вывести пріятеля, нужна быстрота соображенія, которая смѣкнетъ начать ударъ съ такого игрока, чтобъ послѣднее слово причлось на дружка либо на себя. Вотъ присказка въ юлѣ:

Первеньчики,
Другеньчики
Убили голубеньчика
На палубѣ,
На малубѣ,
На Божьей росѣ
На поповой полосѣ.
Пишетъ дьяконъ
Чернымъ углемъ—
Желѣзнымъ прутомъ.
Прѣло, горѣло
Осиново полѣно,—
По за-морю летѣло.
Ступа-пузырь
Водяной богатырь.

Церковь Никола,
Марія Куликова.
Шишелъ, вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Оставшійся невышедшимъ считается юлой; вышедшіе начинаютъ юлу дразнить: „юлушка-юла, закаленная дыра!“ Юла, выведенная изъ терпѣнія, кидается на дразнящихъ и старается кого-нибудь уловить,—лишь кого-нибудь поймаетъ, то кричитъ: „пойманъ!“ Всѣ собираются въ кучу, и кто-нибудь изъ бойкихъ игроковъ спрашиваетъ:„ гдѣ юла была?“

— „На мельницѣ.“
„Чево молола?“
— „Крупу да муку.“
„Чево нашла въ крупѣ да мукѣ?“
— „Ключъ да пробой.“
„Куда положила?“
— „Въ сѣни на полку.“
„Кто взялъ?“
— „Сенька-рожокъ.“
„Кому дыру прожогъ?“

На кого укажетъ юла пальцомъ, тотъ и шарѝтъ.

Городки—игра недоростковъ и взрослыхъ мужчинъ и состоитъ: 1) изъ двухъ коновъ или четырехугольниковъ, назначенныхъ на землѣ въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи; 2) городковъ или напиленныхъ изъ жерди болвашковъ, длиною въ 3 вершка и 3) палокъ. Для самой игры нѣсколько паръ мальчиковъ либо парней роютъ на землѣ четыре *ляги* или ямки въ разстояніи одна отъ другой на сажень и болѣе такъ, чтобъ вышелъ ровный четырехугольникъ; недоростки, отойдя отъ сдѣланнаго четырехугольника на пять саженъ, а взрослые на 10 саженъ устраиваютъ такой же четырехугольникъ на противоположной сторонѣ; на разстояніи между обозначенными четырехугольниками ищутъ половину и, нашедши, роютъ ямку, называемую *полу-*

сальемъ; потомъ между передними ямками каждаго кона образуютъ изъ городковъ стѣнку, которая, смотря по количеству игроковъ изъ 5, 10 и 15 городковъ, стоящихъ на равномъ разстояніи отъ обѣихъ переднихъ ямокъ; если городковъ 5, то 4 ставятъ другъ подлѣ дружки на срединѣ между ямками, а пятый, именуемый *чертогономъ*, ставится наверхъ городковъ посрединѣ; если городковъ 10, то чертогонъ ставится поверхъ ихъ на срединѣ — одиннадцатымъ по счету и т. д. Чертогонъ отличается отъ прочихъ городковъ тѣмъ, что съ одного конца всегда бываетъ заостренъ. Установивши городки, начинаютъ играть, дѣля палки пополамъ. Игрокъ, чувствующій свою слабость, уступаетъ начинъ игры другому, болѣе ловкому и удалому; уступка дѣлается съ тою цѣлію, чтобъ пріобрѣсть себѣ болѣе палокъ, половина которыхъ досталась ему безъ боя; въ случаѣ непринятія уступки кидаютъ жребій; удалецъ либо жеребьевой отъ избраннаго имъ кона бросаетъ изо всей силы палку въ городки другаго кона съ намѣреніемъ вышибить ихъ вонъ въ бокъ или прямо назадъ, чтобъ только городокъ вылетѣлъ за лягу или вырытую ямку. Если ходя одинъ городокъ вылетитъ изъ кона, то бьютъ съ полусалья, дѣлая шагъ; но *иногда зажига* или зачинщикъ ловкимъ ударомъ выбиваетъ всѣ городки за-разъ, и тогда игра кончается, если городковъ 5 либо 10, а при 15 и 20 городкахъ, если выбьется хотя одинъ городокъ, бьютъ съ полусалья и стараются вышибить ихъ всѣ; когда всѣ палки побросаютъ, то начинаетъ играть другая партія игроковъ, выбивая городки изъ нетронутаго другаго кона. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока изъ котораго-либо кона не будутъ выбиты всѣ городки; городки, оставшіеся въ одномъ конѣ, почитаются *килами*—каждый за одну килу, а чертогонъ за 40 килъ, *попъ* или сшибенный городокъ и легши на линіи противъ лягъ за 12 килъ. Неловкимъ ударомъ городки только сшибаются и разбрасываются по кону, но не вылетаютъ изъ него. Такая неудача называется чухой, затрудняющей игру потому, что несчастливецъ все-таки

долженъ вышибить городки изъ кона съ *сала* или отъ кона; неудача веселитъ противоположныхъ игроковъ, которые и заливаются смѣхомъ; веселыхъ соперниковъ несчастные игроки везутъ на своей спинѣ отъ сала до сала.

Мячъ. Игра мячемъ разнообразна и носитъ разныя названія: изъ-за черты, въ пристѣнъ, ручка въ полѣ, ярка, даровка и лопта. *Даровка*—игра простая и состоитъ въ томъ, что одинъ бьетъ мячь лоптой, а стоящіе въ полѣ должны каждый поймать мячъ на лету трижды; поймавшій прежде всѣхъ мячъ, трижды получаетъ право бить. Впрочемъ эта простая игра требуетъ удали и догадки; надо проворство, чтобъ поймать мячъ, и смѣтка, чтобъ знать какъ кто бьетъ, и сообразно тому выбирать мѣсто въ полѣ. *Изъ-за черты* состоитъ въ томъ, что всѣ игроки, исключая одного, оставшагося по жеребью, чертятъ для себя круги одинъ подлѣ другаго, становятся всякій въ свой и отбиваютъ лоптой мячъ; жеребій опредѣляется лоптой чрезъ тыку и ляпу; неполучившій своего жеребья игрокъ, уѣдаетъ изъ поля мячемъ стоящаго съ краю въ своемъ кругѣ игрока, а сосѣдъ послѣдняго отбиваетъ лоптой мячъ и т. д. по очереди, пока не надоѣстъ игра; лоптой отбивается мячъ и тогда, если уѣдающій дастъ промахъ. *Въ лоптѣ* игроки дѣлятся на двѣ партіи, набираемыя матками по жребію; набравши партіи, матки опредѣляютъ два сала переднее и заднее, отстоящіе одно отъ другаго на 15 саженъ и распредѣляются по жребію: кому стоять въ полѣ и кому бѣгать; стоящіе въ полѣ должны поймать летящій мячъ или получить даровокъ столько, сколько въ партіи игроковъ, либо уѣсть мячемъ бѣгающихъ игроковъ. *Въ пристѣнъ* игра фокусная и сложная; играющіе по-одиначкѣ должны бросать и ловить мячъ изъ-подъ охлупня какого-либо зданія трижды, стоя къ стѣнѣ лицомъ и трижды, стоя къ стѣнѣ на-взничь, потомъ, упираясь сперва рукой, а тамъ ногой въ стѣну и бросая мячъ, ловить его *черезъ ручку*, *черезъ ножку*, *въ витильяны* т. е. бросая на тылъ руки и ловя ладонью мячъ,—*въ хамъ*, т. е. выпуская мячъ изъ руки, ловить его, не-

давши упасть на землю,—*въ пришлепъ*, т. е. бросивъ въ стѣну и отлетѣвшій мячъ отъ стѣны ладонью подбросить къ верху и поймать,—*въ клюки*, т. е. брошенный къ верху стѣны и упавшій на землю мячъ ловится, когда онъ оттрушится или отпрыгнетъ отъ земли, наконецъ,—*въ голову*, т. е. мячъ бросается въ верхъ стѣны и уже не ловится, а подставляется голова, чтобъ мячъ ударился въ нее; если отскочившій отъ головы мячъ не поймается возлѣ стоящими игроками, то продѣлавшій такіе фокусы игрокъ считается вышедшимъ; еслижъ мячъ поймается кѣмъ-либо изъ игроковъ, то считается невышедшимъ и онъ снова начинаетъ мѣтить мячъ, выдѣлывая тѣже фокусы, но все-же когда-нибудь да выйдетъ; когда остается одинъ невышедшимъ, то онъ становится къ стѣнѣ и бросаетъ мячъ черезъ плечо въ поле, а вышедшіе игроки лупятъ его съ мѣста паденія мячемъ по трижды каждый. *Руска въ полѣ* состоитъ въ томъ, что одинъ, самъ себѣ подавая мячъ т. е. подбрасывая его къ верху, бьетъ, а стоящій въ полѣ ловитъ его и лупитъ или уѣдаетъ бѣгущихъ игроковъ до мѣты; уѣденный или залупленный становится въ полѣ и въ свою очередь пойманнымъ мячемъ уѣдаетъ бѣгущихъ и т. д.; бѣжать дозволяется только во время битья мяча,—въ противномъ случаѣ бьющій мячъ уѣдаетъ нарывающихся бѣжать. *Для ярки* выкапывается каждымъ игрокомъ по ямкѣ или лункѣ; по лункамъ катается мячъ—и въ которую ямку онъ попадетъ трижды, что означается положенною въ нее каждый разъ щепкой, именуемою *яицомъ;* тогда хозяина ямки садятъ на яица, кладутъ подъ него мячъ, къ которому онъ касается рукой, и начинаютъ тормошить его, припѣвая: „ярка не ярка, баранъ не баранъ, старая овечка—не ярочка,—съ мѣста!“ отбѣгаютъ, а сидѣвшій на яицахъ, уѣдаетъ кого-либо изъ бѣгущихъ; потомъ игра начинается снова; случается, что тормошенье т. е. дерганье за-что-попало доводитъ иногда до слезъ.

Свайка. Свайкой играютъ изъ за-лапы, въ-притыку и въ-чика-лапу. *Въ изъ-за-лапѣ* игроки становятся въ кучу, какъ попало; одинъ кто-нибудь беретъ свайку и говоритъ: „иду на 20 либо

на 40 лапъ;“ сказавши число лапъ, бросаетъ свайку въ перевертъ такъ, чтобъ она воткнулась въ кольцо либо ударила въ него такъ, чтобъ оно отскочило отъ воткнувшейся въ землю свайки на болѣе или менѣе значительное пространство, которое онъ вымѣриваетъ своею ступней; сколько выйдетъ пядей, столько и лапъ; вымѣрявши, онъ опять бросаетъ свайку; если она воткнется въ кольцо, то считается за лапу; сдѣлавшій заявленное число лапъ, считается вышедшимъ; за нимъ выходятъ такимъ же образомъ и прочіе игроки, только одинъ остается невышедшимъ и подаетъ свайку; вышедшій первымъ начинаетъ садить свайку въ землю, стараясь, чтобъ она, какъ можно, глубже вошла въ землю, для чего онъ бросаетъ ее въ перевертъ въ одно и тоже мѣсто; свайка всаживается иногда такъ глубоко, что подающій отрываетъ ее палкой, что возбуждаетъ смѣхъ въ играющихъ; за первымъ игрокомъ садятъ свайку и прочіе. Во *въ-притыкѣ* игроки ставятся кругомъ; кто-нибудь беретъ свайку и попадаетъ ею въ кольцо; если свайка уткнется въ кольцо, то слѣдующій беретъ свайку и оттыкается, т. е. если попадетъ въ кольцо, то значитъ — ототкнулся и свайку беретъ слѣдующій игрокъ и оттыкается; если не ототкнется, то подаетъ свайку; взявшій у него свайку, становится на его мѣсто и если опять попадетъ въ кольцо, то обходитъ подлѣ-стоящаго и сосѣдняго игрока и т. д., пока попадаетъ въ кольцо; еслижъ не попадетъ въ кольцо, то подававшій свайку подтыкаетъ слѣдующаго игрока, который оттыкается и т. далѣе. *Чика-лапа* состоитъ въ томъ, что отскочитъ ли, не отскочитъ ли кольцо, но лишь чикнетъ въ него свайка, то стоящій подъ игрокомъ подаетъ свайку, до-тѣхъ-поръ, пока она чикаетъ въ кольцо, либо втыкается въ него, либо отбрасываетъ его; если свайка попадаетъ въ кольцо, то подаютъ пять разъ и первые четыре раза игрокъ садитъ свайку въ землю, а въ послѣдній разъ въ кольцо, и пока свайка чикаетъ въ кольцо, до-тѣхъ-поръ играетъ все одинъ и тотъ же игрокъ.

Колышки. Колышками играютъ малолѣтнія и взрослыя дѣ-

вушки, для чего нѣсколько дѣвушекъ въ хорошую и сухую лѣтнюю погоду садятся на землѣ кругомъ, изображая изъ себя колышки; у каждаго колышка становятся по дѣвушкѣ иль по кумѣ; остается одна, которая не имѣетъ кола. Но чтобъ получить колышекъ, она подходитъ къ какой-нибудь кумѣ и говоритъ: „кума, продай колышекъ!“ Та отвѣчаетъ: „купи!“ Покупающая дотрогивается рукою до головы колышка и обѣ бѣгутъ кругомъ въ разныя стороны другъ-другу на встрѣчу; которая изъ дѣвушекъ успѣетъ прибѣжать первая къ колышку, та и дѣлается кумой или владѣтельницей колышка и т. далѣе.

Вѣроятно, дѣвушкамъ скучно однимъ играть безъ молодцовъ; а потому онѣ и не придумали другихъ игръ для себя и ввели въ свои игры молодежь, въ которую и тѣшатся на вечеркахъ. Но вечерка требуютъ издержекъ, то, чтобъ не причинить дѣлающимъ вечерку убытка, дѣвушки ходятъ къ кому-нибудь *на̀ помочь* въ какой-нибудь работѣ; за по̀мочь или помощь, хозяинъ или хозяйка дома и доставляетъ дѣвушкамъ удовольствіе, т. е. дозволяетъ ночныя игрища съ парнями. Вечерочныя игрища носятъ разныя названія—какъ-то: вѣночикъ, катенька, кобылка, скоморохъ, столбъ, царь и дрема.

Вѣнчикъ. Въ вѣнчикѣ одна дѣвушка ходитъ по избѣ, а сидящіе по лавкамъ поютъ пѣсню:

Вѣнчикъ ли мой вѣночикъ—
Славной, розовой мой цвѣточикъ!
Что куда этотъ вѣночикъ
Положити?
Положу этотъ вѣночикъ
На головку
Ко удалому ко молодцу,
Къ (имреку) ко братцу,
Къ (имричу) ко названному.

Въ это время названнаго братца дѣвушка беретъ за руку и ходятъ вмѣстѣ по избѣ и пѣсня продолжается:

Что не кумъ со кумою покумился,
Середи кружка становился.
Ужъ какъ ты—мой кумъ,
Ужъ какъ я твоя кума!
Гдѣ мы сойдемся,
Поздороваемся
Распростимся.

Послѣ сего ходитъ по избѣ дѣтина; поется таже пѣсня съ измѣненіемъ:

Положи этотъ вѣночикъ
Ко душечкѣ ко дѣвицѣ,—
Ко названной ко сестрицѣ.

Величаютъ по имени и отчеству и т. далѣе.

Катенька. Въ этой игрѣ выходятъ двѣ дѣвицы и начинаютъ ходить взадъ да впередъ по избѣ, а подруги поютъ пѣсню:

Ужъ ты, Катенька—Катеринушка!
Подъ окошечкомъ сидѣла,
Кросьстеколышко глядѣла:
Нейдетъ ли кто—
Не ведетъ ли кого.

Ходящія дѣвушки выбираютъ парней и все собраніе, не прерывая, продолжаетъ пѣть:

Двѣ-де дѣвицы идутъ,—
Добрыхъ молодцовъ ведутъ,—
Вотъ ведутъ, вотъ ведутъ,
Поцѣлуютъ да уйдутъ!

Начинается снова пѣсня, а по горницѣ ходятъ поцѣлованные парни, которые выбираютъ дѣвушекъ. Въ пѣснѣ вмѣсто—„двѣ-де дѣвицы идутъ“ поется „два-де молодца идутъ, красныхъ дѣвушекъ ведутъ;“ за тѣмъ ходятъ опять дѣвушки и т. д., пока перецѣлуются всѣ.

Кобылка. Ставятъ скамейку средь избы, чтобъ можно было разбѣжаться и перескочить съ набѣгу; выходитъ парень съ припѣтой дѣвушкой, становится у дверей и, поцѣловавъ дѣвушку, заставляетъ скакать. Хотя она перескочитъ чрезъ скамейку, но парень, желая, какъ можно болѣе цѣловать любую дѣвушку, остается на мѣстѣ; дѣвушка ворочается и кормится овсомъ, т. е. поцѣлуями, послѣ которыхъ дѣвушка опять перескакиваетъ, останавливатся за скамейкой и ждетъ, а плутъ-парень, поднимая полу своего суконнаго бешмета будто насыпанную *овсомъ*, манитъ къ себѣ дѣвушку, что продолжаетъ до-тѣхъ-поръ, пока не насытится поцѣлуями, перескакиваетъ черезъ скамейку самъ, а дѣвушка становится у порога, парень же скачетъ черезъ скамью; если дѣвушка перескочитъ за нимъ, то начинаетъ другая пара и т. д.; передъ началомъ игры припѣваются пары слѣдующей пѣсней:

Кони, вы, кони,
Кони вороные,
Чалы, соловые!
На што васъ кормили?
На што васъ поили?
Боярамъ на службу, —
Крестьянамъ на нужду.
Сватъ да сватья,
Отдай мою дочи
За моего сына
За дворянина,
Свѣтъ такого-то.

Скоморохъ или *сосѣдъ.* Скоморохъ начинается тѣмъ, что выходятъ двѣ дѣвушки и ходятъ по избѣ, а прочія поютъ пѣсню:

Скоморохъ идетъ
По улицѣ,

Молодой идетъ
По широкой.
Онъ стукатся
Колотится
У души—хорошей дѣвицы:
Пустите скомороха
Ночевать,—
Пустите молодова
Постоять!
Скоморохи
Люди добрые;
Молодцы они
Очестливые;
Не пьютъ они
Ни пива, не вина,
На царевъ кабакъ
Не ходятъ никогда.

Пропѣвши пѣсню, дѣвушки обращаются къ парнямъ, говоря: „ступайте, женитесь!“ Выходятъ двое дѣтинъ и садятся съ дѣвушками, съ какими имъ любо; начинается опять пѣсня, дѣвушки же все ходятъ и опять велятъ жениться, что двое парней охотно исполняютъ; когда всѣ поженятся и усядутся, то подходятъ парень съ дѣвкой къ усѣвшимся парамъ и спрашиваютъ: дѣвка парня—„доволенъ ли сосѣдъ сосѣдкой“—а парень дѣвку—„любитъ ли сосѣдъ сосѣдку?“ Когда скажутъ утвердительно, то спрашиваютъ: „чѣмъ докажется?“ „Мы не знаемъ—чѣмъ доказать,—покажите примѣръ!“ Спрашивавшіе цѣлуются, отвѣчавшіе подражаютъ; тогда идутъ къ другой парѣ: если эта пара заявитъ неудовольствіе, то по указанію ея перемѣняютъ того-то, либо ту-то; при перемѣнѣ прощаются поцѣлуями, а опрошающіе идутъ дальше и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не опросятъ; опросивши всѣхъ, пара садится на мѣсто, а другая начинаетъ опрашивать и такъ далѣе. Игра эта про-

должается долго и сопряжена съ любезностями, изъ которыхъ не исключается и осязаніе, простирающееся до крайнихъ границъ.

Столбъ. Въ столбѣ прежде всего дѣвки начинаютъ играть хороводомъ и поютъ пѣсню:

Кругъ столба ли я хожу,—
Кругъ дубова ли я хожу?
Чѣмъ столба надѣлю,—
Чѣмъ дубова надѣлю?
Надѣлю столба животомъ,
Надѣлю дубова животомъ—
Я удалымъ добрымъ молодцомъ,
(Имрекъ Имричемъ).

По припѣву молодецъ, сидящій на лавкѣ, встаетъ и входитъ въ кругъ, становясь по срединѣ, а дѣвки снова начинаютъ „кругъ столба ли я хожу“ и проч. и припѣваютъ другаго молодца, который тоже становятся въ средину круга; когда припоютъ всѣхъ парней, начинаютъ припѣвать дѣвушекъ къ парнямъ поименно, употребляя „и душой красной дѣвицею;“ перебравши всѣхъ дѣвушекъ, остаются только двѣ неприпѣтыми, которыя и начинаютъ откупать своихъ подругъ, припѣвая:

Какъ у маленькихъ у дѣтушокъ
Не родная, злая мачиха была;
Потопила малыхъ дѣтушокъ
Не во медѣ, во патокѣ.
Ахъ, чѣмъ будетъ
Дѣтей выкупать?
Ахъ, чѣмъ будетъ
Младыхъ выручать?
Я возьму дѣвку
За русу за косу?
Руса косонька
Оторвется;

Мое дитятко
Останется.
Пойду къ столбу
Близешенько,—
Поклонюсь столбу
Низешенько:
Ты пожалуста,
Пожалуста, отдай,
Удалой доброй молодецъ,
Свѣтъ (имрекъ имревичь),
Ты мою-то дочь милую,
Дочь милую, любимую
Свѣтъ (такую-то).

Припѣтые молодчикъ и дѣвушка цѣлуются, а послѣ него и прочіе парни, кто успѣетъ, цѣлуютъ дѣвушку. Обыкновенно въ столбѣ дѣвки, зная—кто кому глянется, припѣваютъ ихъ другъ. ко-дружкѣ и сближаютъ чрезъ то полюбовниковъ, которые въ столбѣ безъ застѣнчивости стоятъ, обнявшись съ дѣвушками. Когда откупятся всѣ, то игра кончается.

Царь. Составляется хороводъ изъ мужчинъ и дѣвицъ: хороводъ движется, а кругóмъ его ходитъ особнякомъ парень, имѣнуемый *царемъ*, при слѣдующей пѣснѣ:

Ходитъ царь
Кругъ нова города—
Кругъ нова широка;
Ищетъ царь
Царевну свою—
Королевну свою:
Гдѣ-де она?
Царевна моя?
Вотъ-де она
Царевна моя—
Королевна моя!

Беретъ любую дѣвушку за руку и ведетъ ее по за-кругу. а пѣсня продолжается:

Отворьтеся
Широки ворота!
Зайди царь
Во новой во городъ,
Во новой во широкъ!
Заведи ее
Во новой во городъ,
Во новой во широкъ!
Оставь ее
Во новомъ городѣ,
Во новомъ широкѣ!
Заставь ее
И скакать и плясать,
И плясать и скакать!
Скокни царевна,—
Скокни, гордая.
Царевичъ велѣлъ,
Молодой приказалъ. *(Она скачетъ).*
Потанцуй царевна,
Потанцуй, гордая!
Царевичъ велѣлъ,
Молодой приказалъ. *(Она пляшетъ).*
Поцѣлуй, царевна,
Поцѣлуй гордая!
Царевичъ велѣлъ,
Молодой приказалъ. *(Цѣлуетъ).*

Выходитъ другой парень, а пѣсня начинается снова и такъ далѣе.

Дрёма. Дрёмою играютъ подъ утро, когда переиграются всѣ игры; для дрёмы ставятъ посреди избы стулъ, на который садится дѣтина, а дѣвушки, ходя кругъ его, поютъ:

Сидитъ дрёма
На золотѣ стулѣ;
Прядетъ дрёма (bis)
Шолкову кудельку.
На што прядетъ? (bis)
На шолковой поясъ.
Бери дрёма (bis)
Себѣ перемѣну,
Красную дѣвицу!
Цѣлуй, дрёма, (bis)
До своей охоты!
(Дрема цѣлуетъ).

Поется опять пѣсня и дрёма опять цѣлуетъ другую дѣвицу и когда перецѣлуютъ всѣхъ, то игра кончается, либо другой молодчикъ садится дрёмой и такъ далѣе.

Такъ веселится бездѣтная молодежь на вечеркахъ, на которыхъ цѣлованье и милованье не прерываются ни на минуту и бываютъ, если не въ избѣ, то въ сѣняхъ и на дворѣ, куда нерѣдко выбѣгаютъ парочки и забавляются достаточное время; дѣтные же мужики и женщины утѣшаютъ себя пѣснями. Пѣсни раздаются преимущественно въ праздники, въ грузку, въ лѣтнихъ хороводахъ и на страдныхъ помочахъ. Кромѣ того въ досужіе часы старъ и малъ утѣшаются слушаніемъ сказаній и скозокъ, проникнутыхъ ѣдкою насмѣшкою, возбуждающею въ слушателяхъ хохотъ, и замысловатостію, сокрытою подъ покровомъ волшебства и олицетворенія. Въ сказаніяхъ и сказкахъ-бывальщинахъ, высказываются иногда практичныя мысли и непреложныя истины, выработанныя обыденною жизнію. Въ сказкахъ-бывальщинкахъ всего болѣе достается духовенству и помѣщикамъ. Вѣроятно, эти два сословія всего болѣе надосадили народу, либо народъ, разсказами о попахъ и господахъ, старается успокоить свою совѣсть и умалить степень своихъ проступковъ; „ужъ если священники и господа совершаютъ такія дѣла, то

намъ простымъ людямъ, извинительно грѣшить"—хотѣлъ выразить своими твореніями народъ. Иначе сказанія народа составятся непонятными.

Свадебные обряды.

Какъ только исполнится узаконенный срокъ для женитьбы, то родители или родственники начинаютъ поговаривать парню о женитьбѣ, нахваливая невѣстъ, а иногда и самъ молодецъ заводитъ рѣчь, если есть у него на сердцѣ зазноба, то-есть, любая дѣвушка. Но на 19 году не женятся, избѣгая числа 9, въ которомъ нѣтъ пути, а женятся по большей части на 20 и 21 году; самый поздній срокъ 27 лѣтъ; ранѣе вступаютъ въ бракъ сироты и бѣдняки, а кто поисправнѣй, тотъ позже; на раннее вступленіе въ бракъ имѣютъ вліяніе и семейныя обстоятельства; если у кого мать стара, а дочери-помощницы нѣтъ, или у кого одинъ сынъ, тѣхъ женятъ ранѣе; а у кого много сестеръ либо братъ женатый, тѣ женятся позже. Рѣшивши женитьбу и выборъ невѣсты, приступаютъ къ *сватанью*.

Такъ-какъ простонародье женится преимущественно въ Рождественскій мясоѣдъ, то мать или замужняя сестра и крестная мать жениха, а если ихъ нѣтъ въ живыхъ, то родственники либо чужіе, всявъ у него согласіе съ уговоромъ: „ну! давай же руку. Господи, благослови! Мотри, послѣ не отпирайся:" идутъ въ домъ невѣсты въ сумерки; идя путемъ-дорогою, ведутъ разговоръ о встрѣчахъ: „ну-ко! хто попадетъ на стричу? Буде дѣвка, а особливо попъ, то худая стрича; надо будетъ воротитса; толку не будетъ; а если баба, то исшо ничево, а очуратся надо". Не встрѣтивъ по дорогѣ худой примѣты, входятъ

въ домъ къ невѣстѣ; мать и отецъ невѣсты, послѣ дневныхъ трудовъ, обыкновенно отдыхаютъ на печи иль полатяхъ, а невѣста въ гостяхъ либо въ кути. Задній изъ сватовщиковъ либо сватовщицъ припираютъ дверь не вплоть, думая про себя: „штобъ была наша невѣста.“ А другіе изъ сватающихъ колотятъ пятами о порогъ, шепча про себя: „будь наша, будь наша невѣста!“ Еслижъ невѣсту встрѣтятъ на улицѣ, то одна изъ сватовщицъ подходитъ къ ней и треплетъ ее по плечу иль по стегну, говоря: „будь наша, будь наша невѣстушка!“ „Какая я невѣста!“ восклицаетъ дѣвушка и убѣгаетъ куда вздумается, а сватовщицы входятъ въ избу; помолившись Богу, по обычаю говорятъ: „Богъ-помочь! Здорово живети.“ На такое привѣтствіе хозяинъ, лежа на печи, отвѣчаетъ: „добро пожаловать; садитесь-ко на лавку, дакъ гости будите. Старуха! слѣзай-ко да добывай огня. Кто-то пришолъ.“ Старуха слѣзаетъ съ полатей, добываетъ огня и, увидавши гостей, говоритъ: „мы по голосу-то не узнали васъ, Оксинья Трофимовна. Хто, молъ, пришолъ? А это вы. Садитесь-ко на лавку-то.“ „Мы не сидѣть пришли, Парасковья Феклистовна, не бесѣдовать, а съ добрыми дѣлами, со сватаньемъ; у васъ есть невѣста, а у насъ женишокъ, Иванушко,“ подхватываетъ Оксинья Трофимовна.

Если мать не хочетъ отдать за объявленнаго Ивана свою дочь, имѣя на то свои причины, которые заключаются либо въ бѣности жениха, либо въ худой о немъ славѣ, либо въ разсчетѣ на другаго жениха, то и говоритъ: „нѣтъ, матушка, Оксинья Трофимовна. У насъ исшо не невѣста; у насъ исшо она мала; у насъ исшо приданова нѣтъ, да и давать-то не чѣмъ. Мы исшо и невѣстой-то не считаемъ іе; она хоша и долга на ногахъ-то, да исшо умъ-то худъ.“

„Полноте, Парасковья Ѳеклистовна! Это, не отдать-то, такъ и говорите это; у насъ вѣдь парень-то не семейной, смирёной и работящій; изъ году въ годъ въ коренной работѣ робитъ; не упиватся, не воръ, не мотушка; не въ пѣснѣ, не въ баснѣ не слышно.“ Еслижъ женихъ ремесленникъ, то Оксинья Трофи-

мовна поетъ другую пѣсню на такой ладъ: „у насъ парень-то вѣдь ремесляной; за што не примется, все въ рукахъ родится; въ чорную работу съ лопатой не пошлютъ. Небось! Палагѣюшка лаптей убирать не будетъ, на сгребъ не побѣжитъ; вѣдь у ево, за што не возмется, все въ рукахъ родитса; на страдѣ ли — дакъ у ево, просто, въ рукахъ-то кипитъ; да и топоръ у ево изъ руки не выпадетъ и обуточекъ-отъ для себя-то самъ шьетъ. Не семейной какой! не золовокъ, не деверьевъ нѣтъ; одинъ вѣдь весь у отца и у матери. Слава Богу! и покосикъ-отъ на коровушку есь; домикъ тоже, хошь и не большой; и лапотинка вылюдная (праздничная) тоже есь". А если женихъ изъ семейнаго дома, то Оксинья Трофимовна дѣлаетъ ловкій оборотъ въ своемъ краснобайствѣ: „хоша у нашова женишка и есь, слава Богу братья и сестры, да вѣдь золовки — товаръ не домашной; навернулса женихъ, и съ Богомъ, держать не станемъ, да и Палагѣюшку-ту изъ-за нихъ сечасъ не погонимъ хошь Иванъ и старшой, да станутъ насъ, стариковъ, слушатся, дакъ, можетъ, малой пойдетъ, а старшой останетса. Ну! хошь и совѣтъ не заберетъ, дакъ вѣдь есь у насъ и другая изба. Пусь живутъ въ другой избѣ, покудова свой домикъ не наживутъ; вѣдь былъ-бы молодесъ, то наживетъ животесъ; вѣдь парене-етъ у насъ, Парасковья Ѳеклистовна и Сергей Ѳедотычъ, привести да показать, дакъ, просто, огурчикъ и наливной яблочекъ, бѣлой, румяной — ну! просто, какъ наливная ягодка."

На такія соловьиныя пѣсни сватовщицы, отецъ и мать отвѣчаютъ либо согласіемъ, либо: „мы вашова Ивана Васильича не чѣмъ не хулимъ, да мы въ нынѣшной годъ не готовили іе въ невѣсты-те; у насъ она малода да и давать у насъ не чѣмъ."

„Сватушко ли, Сергей Ѳедотычъ, будешь или не сватушко, и ты, Парасковья Ѳеклистовна, сватьюшка или не сватьюшка будешь! А если за нашова-то будете давать, вѣдь мы ничево многова-то у васъ не потребуемъ".

„Да какъ, миленькіе — Оксинья Трофимовна и Окулина Петровна (другая сватовщица)! вѣдь какъ ничево не потребуите! вѣдь вотъ у насъ, у невѣсты-те, исшо и постели нѣтъ, да и шубки-то шолковой нѣтъ! мало вѣдь исшо приданова у нашой-то невѣсты.“

„Ну, Богъ дасъ здоровья самой; станетъ трудиться, дакъ наживетъ; вѣдь не всѣ съ тѣми родятся, да наживаютъ же.“

„Да вотъ у насъ давать-то не чѣмъ, денегъ-то нѣтъ; а дары вѣдь надо.“

„Про приданое сами знаите; какъ могите, такъ и изладите, а объ дарахъ не безпокойтесь. Мы даровъ не требуемъ; намъ даровъ не нужно.“

„Да какъ! Какой ужъ порядокъ безъ даровъ!“

„Нѣтъ, матушка, Парасковья Ѳеклистовна и Сергей Ѳедотычь, миленькой! намъ не нужно большихъ даровъ; мы не взыщемъ; а чѣмъ для порядку подарите, тѣмъ и ладно. Мы не дары сватамса, а невѣсту.“

„Ну, да подождите-ко, миленьки; дайте намъ исшо посудить-порядить со старикомъ да со своими; и то исшо, какъ добрые люди помогутъ! У насъ вѣдь и давать, сказывали вамъ, не чѣмъ.“

„Ну, сватушко ли несватушко будешь Сергей Ѳедотычъ, и ты сватьюшка ли не сватьюшка будешь, Парасковья Ѳеклистовна. Буде отдавать ли не отдавать, дакъ рѣшите поскоряе.“

„Да дайте намъ, хошъ до завтрія, подумать-то.“

„Да чево тутъ думать! Женихъ хорошей; порочить не чѣмъ. Небось, не хто не опорочитъ ево; вѣдь князь аль баярнъ не придетъ жо къ вамъ! Сколько не держи, все отдавать то приведется, миленьки, Сергей Ѳедотычъ и Парасковья Ѳеклистовна.“

„Ну, да завтра ужо побывайте, дакъ увидимъ: какъ исшо силъ у насъ хватитъ свадьбу-ту сыграть!“

подумайте „Ну, — да на людскіе чмутки (сплетни) не глядите!“

„Намъ чево смотрѣть на людскіе чмутки! Сами знамъ про себя.“

„Ну, севодни прошшайте да смотрите, не раздумайте! Нечево ждать. Женихъ пріѣхалъ, дакъ и слава Богу! отдавайте, покудова сами живы.“

„Ну, да завтра увидайтесь!“

„Ну, прошшайти севодни!“

„Ну, прошшайте, голубушки!“

Такъ настойчивы сватовщицы въ своемъ сватовствѣ и такъ терпѣливы родидели въ своемъ отказѣ, если не хотятъ отдать свою дочь за объявленнаго жениха; домогательство сватовщицъ дѣлается для иныхъ родителей тягостною докучливостію, но они никогда не обнаружатъ неудовольствія изъ опасенія преградить дорогу женихамъ и никогда не откажутъ на отрѣзъ; а потому на другой день отказа одна изъ сватовщицъ приходитъ за рѣшеніемъ дѣла днемъ; войдя въ избу и по обыкновенію помолившись Богу, привѣтствуетъ: „Богъ-помочь! Здорово ночевали, Парасковья Ѳеклистовна!“

„Доброжаловать! садитесь-ко, Оксинья Трофимовна, на лавку-ту.“

„Да штё садится-то, Парасковья Ѳеклистовна! сватьюшка али не сватьюшка будешь? Штё надумали?“

„Да молода у насъ исшо невѣста-то; приданова тоже нѣтъ, да и сами-то какъ останемся? Я сама уже дѣлать не могу. Хто станетъ у меня въ дому управлять? Она вѣдь вся большая у меня, на ней все вѣдь ѣду; сама въ избѣ мыть не могу; стиратса тоже силы нѣтъ; да и лѣтною порой, какъ страдовать-то станемъ? Да и для свадьбы то на нынѣшной годъ ничево на іе не готовили.“

„Коли отдадите, мы задерживать іе не станемъ. Пусь ходитъ къ вамъ! пускай ходитъ въ избѣ мыть и стиратса! А лѣтомъ мы обѣхъ ихъ съ мужомъ станемъ посылать къ вамъ на страду. Пускай ихъ съ Богомъ помогаютъ, и пусь онъ хо-

дитъ къ вамъ дровесъ наколоть. А не поздоровитса тебѣ, пусь она и поживаетъ у васъ!“

„Нѣтъ, матушка Оксинья Трофимовна. Не какъ не льзя; денегъ нѣтъ — не чѣмъ отдавать; да и приданова-то нѣтъ. А дѣвку безо всего отдавать не хочетса; да и невѣста-то у насъ исшо молода. Пускай исшо поживетъ у отца у матери да покрасуетса! А за мужомъ, Богъ дасъ, исшо наживетса.“

„Ну, прошшайте, Парасковья Ѳеклистовна!“

„Прошшайте, матушка Оксинья Трофимовна!“

Потерпѣвъ неудачу у Парасковьи Ѳеклистовны во второй, а иногда и въ третій разъ, если невѣста желана, идетъ сватовщица, спустя недѣлю, въ сумерки же, къ многодѣтной Онисьѣ Сидоровнѣ и начинаетъ свататься за Дуню. Онисья Сидоровна, рѣшивъ въ умѣ породниться съ Оксиньей Трофимовной, все таки долго отнѣкивается и потомъ, какъ бы уступая настойчивости, говоритъ: „ну, если наша Дюня вамъ люба, то приходите завтра вечеркомъ со всѣмъ. Да нѣтъ! завтра не успѣть. Приходите послѣзавтре, въ четверкъ, вечеркомъ.“

„Ну, хорошо, да смотрите жо не раздумайте!“

„Да за чѣмъ жо раздумамъ! Ужъ какъ любо вамъ наша невѣста, дакъ не раздумамъ. Вы только не раздумайте!“

„Храни Богъ! мы не для того сватамса, штобъ раздумали. Это дѣло вѣдь ни въ куклы играть.“

„Вѣстимо, миленькая.“

„Ну, будушта любезна сватьюшка, мотрите жо — мы будемъ со всѣмъ! Мотрите, не поглядите жо на людей, не раздумайте! А хоть и раздумаете, а мы все таки прійдемъ!“

„Милости просимъ; я ужъ сказала, когда люба невѣста, то милости просимъ; только ужъ извините — я сказывала, што не имѣмъ возможности; большихъ даровъ не взыщите!“

„Ну, полноте, не оговаривайтеся! мы нечево не требуемъ.“

„Ну, дакъ мотрите жо въ четверкъ.“

„Ну, ладно! Въ четверкъ, дакъ въ четверкъ.“

Онисья Сидоровна со среды отложила просватанье на чет-

вергъ потому, что сообразила, что въ среду, какъ въ постный день, трудно приготовить хорошое угощенье для гостей и скоромное приготовленіе обойдется дешевле постнаго, а будетъ сытнѣе; въ постный день только тогда дѣлаютъ просватанье или рукобитье, когда мясоѣдъ уже на исходѣ и остается его такъ немного, что некогда откладывать. Заявленный женихъ рѣдко бываетъ съ невѣстою въ однихъ годахъ, а еще рѣже, что невѣста бываетъ моложе жениха; по большой же части она бываетъ старѣе его. Но дѣвушка съ поведеніемъ ни почему не пойдетъ за вдовца, развѣ ужъ вдовецъ будетъ очень выгоденъ.

Но воротимся къ Оксиньѣ Трофимовнѣ, которая, прійдя домой и переночевавъ двѣ ночи, въ день сговора подъ вечерокъ посылаетъ своего сына-жениха звать гостей на *рукобитье.* Иванъ Васильичъ, вступивъ въ избу къ крестному отцу и помолившись Богу, проситъ его на рукобитье съ поклономъ и приговоромъ: „Батюшко хресной, пожалуйте со мной на *просватанье.* Прошу покорно — не почужайтесь“! — „Зачѣмъ чужаться, крестный сынъ. Будемъ“. Получивъ согласіе крестнаго отца, женихъ идетъ къ крестной матери, къ замужнимъ сестрамъ и близкой роднѣ и всѣхъ проситъ къ себѣ на рукобитье, говоря одни и тѣ же слова, что̀ крестному отцу, измѣняя только въ нихъ „батюшко хрёсной да матушка хрёсна, любезный дедюшка и любезна сестриса“. Позванные женихомъ, всѣ собираются подъ вечерокъ къ нему въ домъ, и когда всѣ соберутся, то кто-нибудь изъ домохозяекъ накрываетъ на столъ скатерть, на которую кладутъ ржаную ковригу, а на нее ставятъ полную съ верхомъ солоницу соли. Коврига впослѣдствіи замѣняется пшеничнымъ хлѣбомъ, а соль остается одна и та же во всѣ столы; но ни соль, ни каврига, по заведенному порядку, не трогаются никѣмъ для потребленія. Итакъ, когда накроютъ столъ и поставятъ на него ковригу съ солонкой, то женихъ, перекрестившись, первый заходитъ за столъ съ конца отъ дверей и садится на ту лавку, которая идетъ отъ дверей,

у передняго угла, чрезъ что дѣлается первымъ сѣдокомъ на переднеугловомъ концѣ лавки, идущей отъ дверей; подлѣ него, перекрестившись, садится на той же лавкѣ мать-родительница, подлѣ которой усаживается мать крестная, а тутъ замужняя сестра и такъ далѣе; по другую сторону жениха первый къ переднему углу садится отецъ-родитель, крестный отецъ, либо тысяцкій, если нѣтъ крестнаго отца, и т. д. Всѣ они садятся за столъ, оболокшись уже въ верхнюю одежду, въ которой должны идти по улицѣ къ дому невѣсты.

Посидѣвши за столомъ, молча, минутъ пять, отецъ и мать-родители перекрестятся, а за ними и всѣ, сидѣвшіе за столомъ, встаютъ и выходятъ изъ-за стола. Женихъ становится средь избы, впереди прочихъ, и молится, а прочіе, стоя за нимъ, тоже молятся Богу. Помолившись Богу и оборотившись, женихъ кланяется въ ноги отцу-родителю, матери-родительницѣ, отцу крестному, матери крестной и прочимъ родственникамъ. Минута самая торжественная! Женихъ вступаетъ на невѣдомый путь; всѣ хранятъ глубокое молчаніе и соблюдается невозмутимая тишина, для сохраненія которой кошки благовременно изгоняются изъ избы, а дѣти выносятся. Когда женихъ раскланяется отъ ногъ, то каждый изъ участниковъ въ свою очередь проводитъ однажды по головѣ своею правою рукою, обвернутою въ носовой платокъ, а у кого нѣтъ платка, то полой своей одежды, говоря: „Богъ благословитъ; дай Богъ благополучно“! Выходя изъ избы, отецъ и мать наказываютъ жениху: въ дверяхъ или гдѣ случится перешагнуть черезъ порогъ — креститься или держать въ умѣ „Господи, благослови!“ Наказъ дѣлается для того, чтобъ съ порогу не попола какой-либо хитки отъ колдуна; для этой же предосторожности, во все продолженіе свадьбы, женихъ на голомъ тѣлѣ носитъ лычный поясъ, либо мать привѣшиваетъ сыну на гайтанъ ко кресту завернутый въ тряпку изъ-предъ иконы восковой огарокъ.

На просватанье идутъ дорогою всѣ вмѣстѣ, а пришедши въ домъ къ невѣстѣ, по обыкновенію молятся и кланяются находящимся въ

избѣ; женщины цѣлуются межь собой; домохозяева же привѣтствуютъ гостей: „милости просимъ; садитса просимъ покорно. У насъ исшо вотъ не совсѣмъ собрались наши-те; просимъ покорно, дорогіе сватушко и сватьюшка, пообождать.“ Когда невѣстина родня соберется вся, кому быть надлежитъ, то женихъ со своимъ родствомъ и невѣстины родители съ родственниками становятся передъ иконами, у которыхъ теплится зажженная свѣча, и молятся; помолившись, провозглашаютъ: „Господи, благослови начинать дѣло“. И отцы межъ собой, матери межъ собой и крестныя межъ собой, сойдясь въ кучку, схватываются руками, образуя перекрестъ; крестный жениховъ отецъ, а за неимѣніемъ его тысяцкій беретъ въ правую руку свой носовой платокъ и разнимаетъ у схватившихся руки, проводя своей рукою по ихъ рукамъ и приговаривая: „Господи, благослови! Дай Богъ благополучно!“ И руки распускаются, а Оксинья Трофимовна провозглашаетъ: „Ну-ко, сватьюшко-сватьюшка, пожалуйте намъ невѣсту-ту“. Невѣста выходитъ изъ кути и подноситъ жениху на подносѣ даръ — носовой платокъ, либо косынку на шею, либо матерію на жилетъ; женихъ беретъ съ подноса даръ, а невѣстѣ изъ кути на другомъ подносѣ передаютъ съ руки на руку рюмку водки, которую она и подноситъ жениху; женихъ цѣлуетъ невѣсту и выпиваетъ рюмку, если пьетъ, а если не пьетъ, то, поцѣловавши, кланяется невѣстѣ и отдариваетъ ее деньгами. Такимъ образомъ дарятъ свекра и свекровку и прочую родню, чѣмъ могутъ по состоянію; всѣ цѣлуютъ невѣсту и поздравляютъ другъ-друга съ начатымъ дѣломъ; на просватанье ходитъ жениховой родни не болѣе 6 человѣкъ.

Когда всѣхъ подарятъ, то жениховъ отецъ обращается къ свату со словами: „Ну-ко, сватушко, пожалуйте-ко намъ рюмочекъ да подносика да стаканчиковъ!“ Пока подаютъ требуемое, женихъ съ невѣстой становятся въ передней половинѣ избы, задомъ къ поперечной лавкѣ; невѣста стоитъ у лѣвой руки жениха и держитъ подносъ съ рюмками и стаканами, а жениху

даютъ въ руки штофъ съ виномъ, принесеннымъ изъ жениха дома; иные штофомъ и отдѣлываются по бѣдности; другіе же приносятъ 1/4 и 3/4 ведра, смотря по состоянію и по семейности невѣсты. Женихъ взявши штофъ въ руки, наливаетъ вино въ рюмки и стаканы, а его отецъ и мать берутъ за руки отца и мать невѣсты и подводятъ къ выпивкѣ, а потомъ и прочую родню попарно, исключая дѣвушекъ; пришедшій сватъ къ подносу цѣлуетъ жениха и невѣсту, беретъ вино въ руку и поздравляетъ съ начатіемъ дѣла и съ пожеланіемъ другъ-другу любовь, а ихъ стариковъ почитать. Мужчинъ угощаютъ стаканами, а женщинъ рюмками и зорко наблюдаютъ, чтобъ вино было выпито все до капельки; кончивши рядовую, начинаютъ другую и третью, сколько вина хватитъ; а если вино остается въ лишкѣ, то уносится обратно въ домъ жениха. Разумѣется, жениховъ отецъ усердствуетъ угостить сватушковъ, а тѣ безъ него не пьютъ; итакъ, взаимно угощаясь, *пропиваютъ* невѣсту.

Послѣ пропивки накрываютъ на столъ скатерть; на средину стола ставятъ коврыгу съ солью, оставляя ихъ во всю свадьбу нетронутыми; для каждаго гостя на столъ кладется полпирога ржанаго теста, ломоть бѣлаго хлѣба, ложка и вилка; и все это прикрывается полотенцами, которыя, разстилаясь по колѣнамъ у сидящихъ за столомъ, замѣняютъ салфетки. Но предъ жениха и невѣсту кладется одна только вилка и сверхъ того на лавку постилается для нихъ коверъ, либо войлокъ; на средину стола ставится въ штофахъ пиво, брага, стаканы, уксусъ и хрѣнъ; на передній столъ, иначе — на переднюю половину стола, ставится холодное изъ окорока, студени и языковъ. Когда такъ снарядятъ столъ, то тесть и теща просятъ жениха и невѣсту по имени и изочеству садиться за столъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ, затѣмъ просятъ сватушку и сватьюшку и прочую родню. За столъ садятся въ томъ же порядкѣ, какъ сидѣли у жениха, собираясь идти на рукобитье; передній столъ занимаетъ женихова родня, а задній столъ за-

нимаютъ невѣстины родственники. Усѣвшись за столъ, тысяцкій начинаетъ крошить холодное для передняго стола и, накрошивъ, передаетъ остальное на задній столъ, а тестъ и теща между тѣмъ потчиваютъ виномъ всѣхъ гостей, начиная съ жениха; послѣ холодныхъ подаются щи въ закрытой мискѣ, которую до-тѣхъ-поръ не открываютъ, пока не поднесутъ вина всѣмъ снова; если кто отъ вина отказывается, то уговариваютъ: „Пожалуйте! За горѣчимъ-то худой дворянинъ не пьетъ; для щей люди женятся“ и проч. А будущіе свекоръ и свекровка возражаютъ: „ну-ко, сватьюшка-щеница и сватушко-щеникъ, сами-то выкушайте-ко съ нами“. Щеникъ (щамиугоститель) и щеница выпиваютъ и миска со щами открывается; тысяцкій пробуетъ щи, солитъ, если нужно, и всѣ хлебаютъ изъ одной миски ложками; за щами слѣдуетъ пельяны и новое поднесеніе вина; иному вино уже нейдетъ въ горло, а къ нему пристаютъ — и онъ, немогши отказаться, морщится да пьетъ; и не одно вино, но и брага и пиво почасту бываютъ въ ходу; иной и не выпилъ бы, да ему говорятъ: „вѣрно, не любите нашу невѣсту“. Ну, какъ тутъ быть! Какъ не доказать своей любви къ новой роднѣ лишнею выпивкою вина! и пьетъ, побѣжденный неотступнымъ сватомъ родственникъ. Чтобъ доказать свою любовь на свадьбѣ, старовѣры измѣняютъ свой обычай и пьютъ изъ одной рюмки съ мірянами даже пьютъ недопитое міряниномъ вино изъ дополненной рюмки. Пельяны ѣдятъ, обмакивая ихъ въ уксусъ, налитый на тарелку, которая ставится для троихъ или четверыхъ одна; послѣ пельянъ подается ставальный пирогъ изъ кислаго теста, обложенный сушеною малиною; передъ нимъ подносятъ ставальну, отъ которой рѣдкій можетъ отбиться, а иному насильно льютъ въ ротъ; до пирога же ставальнаго и не дотрогиваются, встаютъ и благодарятъ за угощеніе, а хозяева просятъ не взыскать за ихню хлѣбъ-соль и малое припасенье. „Слава Богу, чево исшо надо! предовольны-довольны“ отвѣчаетъ женихова родня. Женихъ съ невѣстой тоже благодарятъ тестя, тещу, свояченицъ, шуриновъ, тетокъ

и дядей по невѣстѣ; поблагодаривши, женихъ съ невѣстой опять садятся за столъ на прежнее мѣсто, а со стола начинаютъ собирать. Когда соберутъ со стола, то женихова родня и женихъ, простившись поцѣлуями, снаряжаются идти, а невѣстина родня уговариваетъ посидѣть. „Куда торопитесь?“ „Нѣтъ, ужъ пора домой! вѣдь дивно время-то прошло; надо жо и вамъ дать покой!“ И уходятъ; ихъ провожаютъ за ворота, у которыхъ Оксинья Трофимовна и говоритъ: „Ну, какъ когда исправитесь, дакъ насъ извѣстите съ женихомъ-то; для насъ вѣдь, пожалуй, хоть когда! А для васъ-то, какъ вы могите изготовитса“.

Послѣ просватанья начинаются вечера, которые служатъ часами свиданія жениха съ невѣстой и для угощенія дѣвушекъ, живущихъ у невѣсты, съ просватанья до дня свадьбы. Впрочемъ съ просватанья живутъ дѣвушки только у зажиточныхъ людей, у бѣдныхъ же сзываются онѣ позднѣе; этой чести удостоиваются самыя близкія родственницы и задушевныя подруги невѣстины; во время житья дѣвицы шьютъ приданое и подвѣнечное платье невѣстѣ. Женихъ ходитъ къ невѣстѣ каждый вечеръ и приноситъ съ собой орѣховъ, пряниковъ и конфектъ, что можетъ. Прійдя къ невѣстѣ, онъ, помолившись, цѣлуется съ нею и отдаетъ гостинцы, а потомъ цѣлуется со всѣмъ женскимъ сборищемъ, не исключая и дѣвушекъ, съ мужчинами же раскланивается, пожимая руки. Невѣста между тѣмъ принесенные гостинцы высыпаетъ въ свой сундукъ, изъ котораго насыпаетъ ихъ на тарелку и ставитъ ее на голый столъ; а женихъ, поздоровавшись къ тому времени со всѣми, садится съ невѣстою за столъ на свое мѣсто; невѣста угощаетъ гостинцами жениха, приговаривая: „Иванъ Васильевичъ, пожалуйте-ко, получите.“ Онъ получаетъ въ руку, изъ которой и ѣстъ, а невѣста послѣ него угощаетъ подружекъ, которыя сидятъ за столомъ по старшинству родства и поютъ:

На дворѣ-то вечеръ вечерается;
Красно солнце закатается;

Закатилось красно солнышко
За облака, облака ходячіе,
За лѣсы темные, горы высокіе,
За болота за зыбучіе,
За грязи за топучіе,
За рѣчки, рѣчки быстрые.
Къ вечеру-ту, позднымъ-позднешенько,
Нападаетъ роса студеная,
Западутъ травы шелковые,
Поблекнутъ свѣты лазоревы.
Да по утру, ранымъ-ранешенько,
Обойдетъ красно Солнышко,
Осушитъ росу студеную,
Просушитъ траву шолковую,
Разсвѣтутъ свѣты лазоревы.
Выйдутъ гулять мои подруженьки
На луга-то, луга зеленые,
Веселы да радошны
У своихъ родимыхъ батюшковъ,
У своихъ родимыхъ матушокъ.
Какъ я же да молоденька,
Я не весела, не радошна.
Ужъ я сяду да подъ окошечко,
Погляжу я, молодешенька
Крось стеколышко, крось нѣмецкое,
На луга-то, луга зеленые.
Вонъ гуляютъ мои подруженьки!
Они веселы да радошны.
У нихъ буйные головушки пріучесаны.
Трупчаты косы призаплетены.
Алы ленточки пріувязаны.
Какъ сорвутъ онѣ по свѣточику:
Какъ совьютъ онѣ по вѣночику
На свои-те буйные головушки.

У меня же де молодешеньки
Буйна головушка неучесана,
Трубчата коса незаплетена,
Алой ленточкой неувязана.

Если невѣста сирота, то поютъ еще:

Дуньте-ко, вѣтры буйные,
На всѣ четыре сторонушки.
Накатитесь-ко, тучи грозныя.
Ужъ вы гряньте-ко, громы сильные.
Ужъ вы ляньте-ко, дожди крупные.
Ужъ ты выпади-ко, бѣлъ горючь-камень
На мое-то примѣтно мѣстечко,
Гдѣ лежитъ мой родимой батюшко!
Разступися-ко, мать сыра земля.
Откройся-ко, гробова доска,
Распахнитеся, тонки саваны,
Отойдите, ручки бѣлые,
Отъ сердца, сердца ретивова.
Отойдите-ко, ножки рѣзвые.
Да стань-ко, родимой батюшко
На свои-то ношки рѣзвые!
Обернись-ко, родимой батюшко,
Яснымъ соколомъ, полети
На сине море Волынское!
Ужъ ты сядь-ко, родимой батюшко,
Середи моря на камешкѣ!
Ужъ смой-ко, родимой батюшко,
Со бѣла-то лица ржавчину,
Съ ретива сердца кручинушку!
Полети, родимой батюшко
На свою родимую сторонушку!
Ужъ сядь-ко, родимой батюшко,
На окошечко, на кутнее!

Погляди-ко ты! Ты не слушайко!
Ты не слушай, родимой батюшко,
Не пѣнья церковнова,
Не звона колоколеннова!
А послушай-ко горе —
Горе горькихъ моихъ пѣсенокъ.

Когда пропоютъ эту трогательную пѣсню, вырвавшуюся изъ глубины души горькой сироты, то гостинцы бываютъ съѣдены. Но во время пѣнія, когда невѣста поподчуетъ всѣхъ подружекъ въ первый разъ и поставитъ тарелку на столъ, то женихъ въ свою очередь говоритъ невѣстѣ: „Авдотья Прокопьевна, пожалуйте—сами-те получите.“ Она и получаетъ; потомъ женихъ подзываетъ тестя и тещу и угощаетъ ихъ. Такимъ порядкомъ угощеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока не съѣдятся гостинцы, послѣ чего женихъ уходитъ домой, прощаясь съ женскимъ поломъ поцѣлуями, а съ мужскимъ поклонами.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ родители невѣсты назначаютъ жениху день для *посидѣнка*, о которомъ женихъ извѣщаетъ свою родню самъ. Обыкновенно посидѣнокъ послѣ просватанья слѣдуетъ скоро; потому-что родителямъ невѣсты хочется поскорѣе сыграть свадьбу, чтобъ лишній день не продовольствовать гостившихъ у невѣсты дѣвушекъ. Мать и отецъ, такъ же крестный и крестная жениховы на посидѣнокъ не ходятъ; ихъ замѣняютъ холостые братья и незамужнія сестры; за неимѣніемъ которыхъ зовутъ и женатыхъ и замужнихъ, либо сыновей и дочерей отца—матери крестныхъ—всего человѣкъ 5 съ женихомъ. На посидѣнокъ идутъ безъ всякой обрядности, но женихъ несетъ невѣстѣ подарокъ—шаль, либо матерію на парочку и узелокъ съ пряниками, орѣхами иль съ конфектами; за матерію невѣста отдариваетъ сукномъ на бешметъ. Пришедши къ невѣстѣ, молятся и здороваются, а невѣста разряженная выходитъ изъ кути и становится за столъ съ женихомъ; родня усаживается за столъ по

заведенному порядку, то-есть по старшинству родства или особому уваженію женихомъ; угощается пряниками, орѣхами иль кто чѣмъ сможетъ, и поются пѣсни:

Во саду было, во садичкѣ,
Во зеленомъ виноградничкѣ,
Разчепалася грушица,
Разчепалася зеленая
Передъ яблонью садовою —
Передъ грушею зеленою.
Растужилась, расплакалась
Красна дѣвиса-душа
Передъ своимъ родимымъ батюшкомъ,
Передъ своей родимой матушкой:
Ты къ чему рано пива варишь?
Ты къ чему рано вина куришь?
Ты какую думу думаешь?
Ты какія мысли мыслишь?
Не меня ли хочешь замужъ давать
За удала, добра молодса-свѣтъ.....?
Нельзя ли думу раздумати?
Нельзя мысли размыслити—
Меня замужъ не выдати
За удала, добра молодса-свѣтъ.....?
Ты дитя, мое дитятко!
Нельзя думу раздумати;
Нельзя мысли размыслити;
По рукамъ было ударено;
Зелено вино было выпито;
Во уста было цѣловано.

За этимъ рѣшеніемъ слѣдуетъ моленіе жениха:

Какъ у насъ было во нонѣшнемъ году,
Уродилась славна роза во саду.
Тутъ ходилъ, гулялъ прекрасной молодецъ-свѣтъ....

Онъ срываетъ съ розы розовой свѣтокъ.
Самъ надъ свѣтикомъ любуется,
Красотѣ своей дивуется:
Я де молодесъ холостъ, не женатъ.
Пойду, пойду, лучше всѣхъ снаряжусь
Во соборну церковь—Богу помолюсь:
Ты создай, Боже-Господи,
Невѣсту хорошу, умную-разумную — свѣтъ....!

Пропѣвши эти пѣсни, встаютъ изъ-за стола, который накрывается скатертью и устанавливается питьями и яствами. Порядокъ сидѣнья за столомъ и угощеніе тѣже, что и на просватаньѣ, съ тѣмъ лишь дополненіемъ, что за столомъ сидятъ и дѣвушки, гостящія у невѣсты, да за короваемъ идутъ дары и отдарки; послѣ коровая слѣдуетъ сладкій пирогъ и ставальная рюмка, послѣ которой, выйдя изъ-за стола и по убраніи его, начинается вечерка съ музыкой и плясками, въ которыхъ участвуютъ и посторонніе весельчаки, входъ которымъ не возбраняется ни у кого.

За посидѣнкомъ слѣдуетъ *обрученье*, которое обыкновенно бываетъ за два дни до свадьбы, въ день скоромный. На обрученье ходятъ человѣкъ 7, 9, 11—всегда нечетное число; оно начинается тѣмъ, что передъ вечеромъ женихъ обходитъ близкихъ ему родныхъ, прося на обрученье; заходитъ и къ священнику, который приказываетъ ему извѣстить себя, когда соберутся всѣ родственники у жениха. По извѣщенію женихову священникъ является въ домъ къ жениху, гдѣ столъ уже накрытъ и красуются на немъ рыбный пирогъ и студень. Священникъ, благословивъ все собраніе поодиночкѣ, прочитываетъ молитву, ограждаетъ яствіе и садится за столъ подлѣ жениха первымъ, вторымъ—отецъ-родитель, а далѣе тотъ самый порядокъ, который былъ установленъ въ просватанье; усѣвшимся за столъ подносятъ по рюмкѣ вина, сперва священнику, а тамъ и прочимъ по порядку; у иныхъ закусываютъ поставленнымъ пирогомъ и

студенью, а у иныхъ и нѣтъ. Посидѣвши немного, священникъ встаетъ за столомъ первый, а за нимъ и прочіе, и выходятъ изъ-за стола. Женихъ молится, кланяется въ ноги—однимъ словомъ соблюдается тотъ же обрядъ, что и на просватаньѣ, и отправляются къ невѣстѣ въ домъ. Священникъ съ женихомъ входятъ въ избу, а родственники задерживаются хозяевами въ сѣняхъ и по обыкновенію угощаются виномъ по стакану; выпивши обычную чару, проходятъ въ избу, молятся и здороваются съ находящимися тутъ родственниками невѣсты, которая сидитъ въ кути на подушкѣ, а надъ ней стоитъ икона, къ которой прилѣплена зажженная свѣча. Мать невѣсты приказываетъ ей молиться предъ иконой. Когда невѣста помолится, то отецъ беретъ ту икону и становится передъ невѣстой, которая, поклонившись передъ иконой въ землю трижды, преклоняетъ голову, а отецъ благословляетъ ее иконой крестообразно, благословляетъ мать и крестный отецъ; крестная же мать, благословивъ, беретъ невѣсту за руку, выводитъ изъ кути и ставитъ подлѣ жениха; за неимѣніемъ крестной, выводитъ невѣсту сваха. Передъ иконами въ переднемъ углу теплится свѣча; священникъ читаетъ молитвы; женихъ съ невѣстой и всѣ родственники съ обѣихъ сторонъ, помолившись, садятся за столъ по порядку; священникъ тоже садится за столъ, либо, получивъ даръ, иногда имъ возвращаемый по нецѣнности, уѣзжаетъ къ другимъ женихамъ, если обрученье бываетъ не одно въ тотъ день. Одинъ конецъ стола занимаетъ женихова родня, а другой—невѣстина; дѣвушки въ кути первую пѣсню поютъ про невѣсту:

Выводили да нашу умную,
Выводили да нашу разумную.
Выводилъ ее родной батюшко
Середи новые-новые горницы —
Середи столовые свѣтлицы.
Онъ велѣлъ Богу молитися
На всѣ стороны поклонитеся

Свѣтъ (Ивану) да на особицу
Свѣтъ (Васильичу) на великую.

Вторая пѣсня поется про жениха:

Среди было царства Россійскаго,
Среди государства Московскаго,
Тутъ стояли палаты бѣлокаменныя.
Какъ во тѣхъ во палатахъ
Разоставлены столы дубовые,
Накрыты столешенки кедровые,
Надерганы скатерти браные,
Наставлены ѣствы сахарные,
Наставлены питья медовые.
За тѣми за ѣствами сахарными,
За тѣми питьями медовыми
Сидитъ добрый молодесъ-свѣтъ.....
Со князьями, со боярами;
На колѣняхъ онъ держитъ
Звончаты гусли;
Онъ выигрываетъ волю батюшкову—
Нѣгу матушкину.
Подошедши, красна дѣвиса подслушала;
Отошедши, она заплакала:
Ужъ ты, свѣтъ ли моя воля батюшкова,
Велика нѣга матушкина.
Мнѣ какъ будетъ отстать отъ воли батюшковой
Отъ великой нѣги матушкиной?
Мнѣ-ка какъ будетъ приставать
Къ удалому добру молодсу-свѣтъ....
Молодесъ дѣвису уговаривалъ:
Ты не плачь, красна дѣвиса!
Ужъ я дамъ тебѣ волю батюшкову,
Велику нѣгу матушкину.
По вечеру ложись поздымъ-поздешенько!

По утру вставай ранымъ-ранешенько!
Ты чеши буйну голову не на каждый день!
Ты плети трубчату косу не мелкую!
Ты куда пойдешь, скажися-ко.
Ты откуда прійдешь, мнѣ доложися-ко!

Если на обрученьѣ бываетъ священникъ, то третья пѣсня поется про него:

Во проѣзжей во улисѣ
Собиралися дѣвушки.
Во высокомъ новомъ теремѣ
Онѣ думали думушку крѣпкую:
Какъ священнова батюшку позвати?
Ты священный нашъ батюшко,
Свѣтъ высота поднебесная,
Красота запрестольная!
Ужъ ты любишь ли, батюшко,
Божью серковь-матушку
Со крестами животворящими?
Ты любишь свою супругу милую.

Четвертая пѣсня поется про женихова отца:

Черезъ матушку Волгу рѣку,
Черезъ синее море Волынское
Мощены мосты, мосты калиновы —
Перекладинки рябиновы.
Какъ по тѣмъ мостамъ калиновымъ—
Перекладинкамъ рябиновымъ
Тутъ шолъ, прошолъ лютый свекоръ.
За собою онъ велъ милу сноху,
Что милу сноху-невѣстушку.
Идучи, онъ наказывалъ —
Идучи, онъ ей наговаривалъ:
Ты сноха ли, моя сношенька —

Ты невѣстка, моя голубушка,
Не гляди ты во сине море!
Заглядишша, такъ упадешь!
Я упаду и не упаду—
За тебя, свекоръ, не поймаюся;
Я схватаюся и не схватаюся
За родимова батюшка.
Она сама Богу молилася,
Всѣмъ святымъ обѣщалася:
Создай, Боже, по синю морю погодушку —
По Волынскому вѣтры буйные!
Сонеси ты, Господи, люта свекра
Во сине море Волынское —
Что меня молодешеньку на широкій дворъ,
Къ родному батюшкѣ, въ нову горнису,
Къ родной матушкѣ, за занавѣсу
Къ родной сестрисѣ-голубушкѣ!

Пятая пѣсня поется про женихову мать:

Съ-по синямъ, синичкамъ,
Съ-по новымъ синямъ Радость ли моя!
Лежали тутъ брусье
Серебряные. Радость ли моя!
Не кто по этимъ брусьямъ
Не ходитъ, не гуляетъ. Радость ли моя!
Едина тутъ ходила,
Едина тутъ гуляла Радость ли моя!
Родная мать
Добра молодца. Радость ли моя!
Она засвѣчивала свѣчи
Предъ чудные образа; Радость ли моя!
Отошедши сама
Богу молилася: Радость ли моя!
Святитель ты, Лука,

Солучи мое дитя! Радость ли моя!
Дай имъ, Боже Господи,
Совѣтъ и любовь и долгой вѣкъ! Радость ли моя!

Шестая пѣсня поется про женихова крестнаго отца:

Съ-по столу, столичку, съ-по дубову,
Съ-по блюду, блюдичку серебряному
Плавала чарочка во сладкомъ меду—
Во сладкомъ меду и со патокою.
Некто за эту чарочку не примется.
Взялся, принялся единъ господинъ;
Самъ пьетъ и женѣ подаетъ:
Пей-ко, жена—судароня моя!
Право, душа! мнѣ не хочется.
Мнѣ-ка молодешенькѣ мало спалось;
Много во снѣ мнѣ привидѣлось:
Какъ бы у насъ на широкомъ дворѣ
Выросла травонька шолковая,
Разсвѣли, свѣтики аленькіе.
Шолкова трава—люди при насъ,
Аленьки свѣтички—дѣти у насъ,
Сизой павинъ, то я господинъ
Сизая павушка—ты госпожа!

Седьмая пѣсня про женихову крестную мать поется:

Больша сватья—сватовишка, вью, вью, радость моя!
Што котора меня сваталася, вью, вью, радость моя!
До сыры земли кланялася. Вью и проч.
Ты открой, сватья, покровшичекъ! Вью и проч.
Мнѣ-ка дай помолится, вью и проч.
Ко святымъ приложится, вью и пр.
Съ отсомъ съ матерью простится, вью и пр.
Со сестрами со родимыми! вью и проч.

Восьмая, общая про всѣхъ женатыхъ братьевъ, снохъ, замужнихъ сестеръ и зятьевъ, пѣсня поется подъ конецъ стола:

Какъ во теремѣ свички ясненько горятъ,
Во высокомъ, воскояровы, притаиваютъ;
Нянюшки, мамушки припадываютъ
Къ шиту, брану, бѣлому полошку.
Нянюшки, мамушки, ляште-шь спать!
Вамъ не ково ждать.
А мнѣ молоденькѣ вся ночка не спать!
Ждать ли пождать ли
Удалова добра молодца свѣтъ . . . . . .
По полю ѣдетъ, какъ солнце катитъ;
По улицѣ ѣдетъ, какъ соколъ летитъ;
Ко двору подъѣзжатъ, самъ насвистыватъ,
Молодой своей женѣ голосъ подаетъ;
На ступенечки ступаетъ, ступенечки говорятъ;
На крылечико ступаетъ, крыльсо ломится;
Въ синички ступаетъ, сини зыблются;
Въ горницу ступаетъ, Богу молится,
Съ молодой своей женой здоровается.
Здравствуй, доброй молодесъ? гдѣ жо ты былъ?
Побылъ, побылъ я у тястя у ласковова,
У тешши, у тешши у привѣтливые;
Былъ я у шурина, у яснова сокола,
У своячины, у бѣлой лебеди.
Тясь-то меня дарилъ конемъ;
Тешша меня дарила шитымъ ковромъ;
Шуринъ меня дарилъ черкатскимъ сидломъ;
Своячина дарила ширинокою;
Суженая дарила рубашечкою.

Пѣнье этой пѣсни пригоняютъ какъ разъ передъ караваемъ, за которымъ дарятъ и отдариваютъ, какъ на просватаньѣ; при поднесеніи каждаго дара припѣваютъ слѣдующіе два стиха:

„по городу звоны пошли, а по терему даръ пронесли“. Во время столованья гости угощаются преусердно; женихъ съ невѣстой не сидятъ и не ѣдятъ ничего, хотя предъ ними стоитъ приборъ съ двумя цѣлыми булками, но стоятъ на ногахъ и угощаютъ пирующихъ; садятся только въ такомъ случаѣ, если присутствующіе, предвидя усталость отъ продолжительнаго стоянія, упросятъ ихъ присѣсть; и они садятся для отдыха; но лишь пойдетъ рядовая чара, то встаютъ и кланяются, а священникъ отказывается подъ тѣмъ предлогомъ, что вино горько; женихъ, смѣкнувъ причину горечи вина, подслащиваетъ его поцѣлуемъ невѣсты и вино въ священниковой чарѣ, дѣлается сладкимъ. Яства, подаваемыя за столомъ, суть: холодныя изъ окорока, студени и языка; горячія—щи, комки (супъ съ фаршемъ), и лапша; жаркія—телятина, ососокъ (поросенокъ) и смолость; пирожныя—каравай, сладкій пирогъ и вафли—всего 12. Послѣ столованья извиняются въ дарахъ и отдаркахъ.

Когда уберутъ со стола куски съ посудой и оставятъ одинъ столъ съ пивомъ и брагой, тогда начинается угощеніе жениховымъ виномъ, какъ на просватаньѣ, и поздравка съ новообручными; подача вина возобновляется трижды; и отъ предшедшаго и теперешнаго угощенія, всѣ перепьются до такой степени, что испивающій женихъ не можетъ идти домой и остается у невѣсты ночевать; если же онъ не пьетъ, либо крѣпокъ на ногахъ, то послѣ угощенія и недолгаго сидѣнія при свадебныхъ пѣсняхъ отправляется со своею родней домой; въ сѣняхъ жениху невѣста подноситъ даръ, а сватушкамъ и сватьюшкамъ на дорожку по *костыльку*, которой ихъ, конечно, не подкрѣпляетъ, а еще болѣе разслабляетъ. Женихова родня не расходится по своимъ домамъ, но идетъ къ жениху въ домъ, поя дорогою свадебныя пѣсни, какія попало. Прійдя къ жениху въ домъ, садятся за столъ и угощаются; вышедши изъ-за стола, хвастаются дарами, поютъ, пляшутъ и расходятся. Самъ же женихъ со своею родней идетъ только до своего дома и, не входя въ избу, возвращается къ невѣстѣ съ холостымъ братомъ,

если есть, либо съ закадычнымъ дружкомъ. Невѣста въ то время находится въ кути въ кругу дѣвушекъ и предается плачу, для котораго, захвативъ въ правую руку платокъ, прикрываетъ имъ глаза, подхвативъ правую руку лѣвою, и качается, прилегая на колѣни къ подружкамъ, которыя ей припѣваютъ и привываютъ плачу:

Што у тя, родимой батюшко,
За пиръ, за пированье?
Што за гости дорогіе?
Съ коробля гости, коробельнички
Изъ Москвы—Московнички.
Не широкой дворъ смотрити,
Не добра коня торговати—
Я сама про то знаю, вѣдаю,
Молодешенька сдогадалася.
Запросваталъ родимой батюшко,
Запоручила родимая матушка.
Пришли же да мои разлучники
Разлучить меня съ родимымъ батюшкой,
Съ родимой матушкой,
Съ трубчатой косой
Да съ дивьей красотой.

Такое сѣтованіе обращается потомъ къ крестному отцу и матери къ братьямъ и сестрамъ съ перемѣною званій; иная дѣвушка радымъ родешинька, что идетъ замужъ, а все-таки сѣтуетъ по обычаю. Между тѣмъ женихъ возвращается къ невѣстѣ, которую дѣвушки прячутъ, какъ могутъ, у себя; но бойкій женихъ дѣвушекъ раздвинетъ и невѣсту выводитъ за руку; садятся за столъ и угощаются остатками; послѣ угощенія женихъ уходитъ домой, либо пьяный спитъ запросто въ невѣстиномъ домѣ на лавкѣ.

Послѣ обрученья, наканунѣ свадьбы бываетъ *дѣвишникъ*, который начинается тѣмъ, что одна изъ дѣвушекъ посылается,

подъ вечерокъ, просить тѣхъ родственниковъ невѣсты, которые бываютъ на обрученьѣ. Дѣвушка, пришедши къ родственникамъ въ домъ, кланяется и говорить: „Авдотья Прокопьевна (невѣста), Прокопій Иванычъ (отецъ ея) и Онисья Сидоровна (мать ея) приказали кланятся, просили васъ на дѣвишникъ поплакать.“ Смотря по тому—намѣрены ли или не намѣрены быть—званые отвѣчаютъ: „Хорошо кланяйтесь, будемъ,“— либо „хорошо, кланяйтесь! будемъ, коли удосужимся.“ Позванные, собираясь къ невѣстѣ, завертываютъ въ бумагу какіе-либо дары, состоящіе у кого изъ гривны мѣди (3 коп. серебра), у кого изъ кольца, перстня со ставкой, платка, косынки и перчатокъ, кто чѣмъ разсудитъ по состоянію; приходя къ невѣстѣ въ домъ, отдаютъ ей дары въ-тихомолкѣ: „на-ко, Авдотья Прокопьевна! не осуди—каковы случились дары-те.“ Невѣста благодаритъ за подарки. Когда всѣ званые соберутся, то невѣста садится за столъ съ дѣвушками, которыя, сообразно положенію невѣсты, начинаютъ пѣть плачу; если у ней нѣтъ ни отца ни матери, то „Дуньте-ко вѣтры буйны“ и проч.; а если есть у ней отецъ и мать, то:

Пріутихните, волны, на морѣ,
Приумолкните, гуси-лебеди,
Отступитесь, люди добрые,
Отъ стола-то, стола дубоваго,
Отъ столешеньки кедровые,
Отъ меня-то молодешеньки!
Дайте-ко путь-дороженьку
Родимому батюшку!
Да благослови, родимой батюшко,
Отъ желанъ-сердца ретивова
Расплести мою трубчату косу!
Потрудись-ко родимая сястриса,
Расплести мою трубчату косу
Ты гораздна родима сястриса!

Подынулись у тя руки бѣлыя
Расплести мою-ту трубчату косу.
Да не заглядись, родима сястриса,
На кусты-то кусты ракитовы!
По конесъ моей трубчатой косы
Есь два ножика, два булатные,
Есь двѣ сабельки острыя.
Не обрѣшъ руки бѣлые,
Не окровени мою дивью красоту!

Въ началѣ плача невѣста, захвативъ правою рукою полотенцо, закрываетъ имъ глаза, а лѣвую руку прикладываетъ ко лбу и, колыхаясь, ударяется о столъ головою, приноравливая каждый ударъ на лѣвую руку, которая отъ сильнаго ударенія у нѣкоторыхъ невѣстъ припухаетъ и покрывается синевицами, несходящими долго. Во время вытья и самобіенія о столъ невѣсты, сестра либо крестница либо племянница ея успѣваетъ разплести косу, не смотря на то, что невѣста въ то время вертитъ головою и вырываетъ изъ рукъ у ней косу, подводятъ невѣсту къ отцу и къ матери на благословеніе, при чемъ она упадаетъ къ ихъ ногамъ и говоритъ: „не жалѣетъ родимой батюшко“ либо „матушка, молодымъ молодешеньку, недорослую травоньку, недозрѣлую ягодку, выдать замужъ.“ Тоже самое повторяется отцу матери крестнымъ, братьямъ и сестрамъ. Послѣ благословенія ведутъ невѣсту въ баню, накинувъ на нее запонъ, но отнюдь не шубу изъ опасенія шумной жизни замужемъ; вышедши въ сѣни, останавливаются и поютъ: „наглядись, моя дивья красота, на сини-те, сини новые и до оконса“; выходятъ на крыльцо, останавливаются и поютъ:

Крыльсо ли, мое крылечико,
Крыльсо новое, дубовое!
Кто на тебѣ; крыльсѣ
Сидѣть будетъ?

Доставайся ты, крыльсо,
Сестрѣ милой.....!

Идя въ баню по двору поютъ:

Наглядись, моя дивья красота,
На солнсе, солнсе красное,
На свѣтлый мисесъ, на чистые звѣзды,
На лѣса дремучіе, горы высокіе,
На рѣки быстрые, болота зыбучіе,
На дорожки на роскатные,
На луга зеленые, травы шолковые,
На свѣты на лазоревы,
На высокъ теремъ на батюшковъ,
На горнису нову матушкину,
Какъ на широкъ дворъ братсовъ,
На крылечико сестриныно.

Войдя въ передбанокъ останавливаются и поютъ:

Поручись, моя родимая сестриса,
Во моей-то да дивьей красотѣ.
Не солью ли я дивью красоту
Со сестрисами со родимыми,
Со подруженьками со голубушками,
Со вдовами благочестивыми
Со жонами со благодатными,
Со шшолоками со горячими
Со мылами со канфарными?
Потрудись-ко, родима сестриса.
Оптеретъ теплую парушу!
Присшипало ножки рѣзвые
Ко чулочкамъ ко гумажнымъ,
Ко башмачкамъ ко сафьяновымъ;
Присшипало ручки бѣлые
Ко скобамъ ко булатнымъ.

Ко перснямъ ко злаченымъ,
Ко камнямъ ко драгоцѣннымъ.

Баню отпираетъ та, которая ее топила и расплетала косу у невѣсты; баню топятъ, головней не колотятъ; ожоги (палка вмѣсто клюки) въ банѣ не бываетъ; мать невѣсты уноситъ ожогу изъ бани благовременно, чтобъ топельщица по забывчивости не поколотила головни, если одна головня долго остается въ каменкѣ, то ее выбрасываютъ на улицу и трубу закрываютъ. Вошедши въ баню и раздѣвшись, невѣста моется съ одноволосыми подружками, то есть, бѣлая съ бѣлыми, а черная съ черными изъ одной посудины, а прочія, то есть, иноцвѣтныя не раздѣваются и не моются, а поютъ:

Наглядись, моя дивья красота,
На воду, воду чистую,
На мыло то, мыло капфарное
На вѣникъ-отъ, вѣникъ березовой!

Вымывшись и выйдя въ передбанокъ, поютъ:

Не крѣпка твоя порука, родима сестриса.
Я сомыла свою дивью красоту
Со сестрисами со родимыми и проч.

Идя по оградѣ поютъ:

Наглядѣлась моя дивья красота
На солнсе, солнсе красное
На свѣтлый мисесъ и проч.

Вошедши въ сѣни, поютъ:

Потрудись-ко, родимой батюшко
Отпереть теплую горнису и проч.

Что было пѣто передъ входомъ въ баню; послѣ отца привываютъ тѣ же слова къ матери, крестнымъ и прочей роднѣ.

Въ избѣ къ порогу мать стелетъ платокъ либо шаль; отецъ впускаетъ невѣсту въ избу одну; когда она пройдетъ, то шаль уберутъ; и входятъ тогда бывшія съ ней въ банѣ дѣвушки; вычешутъ свои головы, усадятся за столъ и поютъ:

Прикажи-ко, родимый батюшко,
Разоставить столы дубовые
Со столешонками со кедровыми.
Со скатертями шитыми, браными,
Со ѣсвами со сахарными,
Со питьями со медовыми.
Потрудись-ко, родима сестриса,
Накрыть на столы дубовые
Скатерти браны, шитые,
Наставить кушанья сахарные,
Питья медовые!
Не попью ли—не покушаю
Отъ роду не во первые,
Въ дивьей красотѣ во послѣдніе?

Дѣвицы встаютъ изъ за стола; столъ накрывается скатертью и устанавливается питьями; садятся за столъ; женихъ приходитъ къ ужину съ дружкой, который за столомъ садится подлѣ него; кушаньевъ въ дѣвишникъ бываетъ не много и поднесеніе вина необильное; поужинавши, женихъ съ дружкой уходитъ домой, а невѣста съ подругами садится за столъ выть, отдавая благодарность отцу, матери и всѣмъ:

Благодарствуй, родимой батюшко,
На хлѣбѣ и на солѣ
И на премногихъ твоихъ кушаньяхъ!
Отпила я у тебя, откушала
Отъ роду не впервые,
Въ дивьей красотѣ во послѣдніе.
Благодарствуй, родимая матушка,

На своихъ-то чесныхъ дарахъ,
На своей-то золотой казнѣ,
На другой гривкѣ, позолоченой!
Не дарила бы ты меня,
Родимая матушка,
Не златомъ, не серебромъ,
Не скатнымъ бы жемчугомъ.
Подарила бы ты,
Родимая матушка,
Своимъ-то благословеніемъ
И своимъ умомъ-разумомъ—
Ко святой серквѣ ѣхати,
Мнѣ подъ златъ вѣнесъ стати,
Законъ Божій приняти,
Крестъ, евангиліе сѣловати.

Послѣ благодарности просятъ благословенія у всѣхъ, начиная съ отца, отдавать дивью красоту:

Благослови-ко, родимой батюшко
Роздать мою дивью красоту
По сестрисамъ родимымъ.

Испросивши благословеніе, приступаютъ къ роздачѣ красоты; передъ иконой горитъ свѣча, а среди стола на тарелкѣ лежитъ алая ленточка — эмблемма дивьей красоты, про которую и поютъ:

Возьму свою дивью красоту
На свои-те ручки бѣлые,
На персни на злаченые
Я прижму свою дивью красоту
Крѣпко на крѣпко къ ретиву серсу.
Подыму свою дивью красоту
Выше буйной своей головушки.
Опушшу свою дивью красоту

Противъ серса ретивова.
Поднесу я свою дивью красоту
Своей подружкѣ.....
Ты красуйся, моя подружка,
Во моей-то дивьей красотѣ.
Береги мою дивью красоту
Отъ дожжика отъ частова!
Не давай вѣтру дунути
И дожжу канути —
Злымъ людямъ слово молвити
Моей дивьей красотѣ!
И будутъ сваты свататися,
Женихи будутъ насылатися.
Утопи мою дивью красоту,
Во своихъ горькихъ слезахъ.
Приступись, родима матушка,
Ко мнѣ же молодешенькѣ!
Я росталась съ дивьей красотой
Со чесною и непорочною.
Какъ розсыпались мои русы волосы
По моимъ бѣлымъ плечамъ.
Не собрать будетъ русыхъ волосовъ,
Не плетать будетъ трубчатой косы,
Не ввязывать алой ленточки.
Я спрошу у тя, родима матушка:
Какъ роставалась ты
Со своей-то дивьей красотой,
Не болѣла ли буйна головушка,
Не шумѣло ли ретиво серсо,
Какъ у меня же молодешеньки
Шумитъ буйная головушка,
Болитъ ретиво серсо?
Посмотри-ко, родима матушка,
На мою-то дивью красоту!

Какъ моя дивья красота,
Што алѣй она маку алова,
Што бѣлѣе снѣгу бѣлова.
Сколь свѣтла свѣчка передъ образомъ,
Столь чесна моя дивья красота.
Хорошо было да красоватися.
Тяжеленько да роставатися
Со своей-то да дивьей красотой.

При послѣднихъ пяти стихахъ невѣста становится передъ иконой, поддерживаемая дѣвушками, и молится, а ленточка кладется къ иконѣ; и поютъ:

Пошла моя дивья красота
По блюду, блюду серебреному,
Застоялась и оглянулась,
Съ красной дѣвисей простилась:
Ты прошшай, прошшай, красна дѣвиса!
Намъ съ тобою не видатися.
И во снѣ ты не привидишся.
Хоть и привидишся, да не по старому,
Не по старому и не по прежнему;
Буйна головушка неучесана;
Трубчата коса не заплетена;
Ала ленточка не завязана;
Зерновинка не повѣшена.
Пошла моя дивья красота
По столу, застоялася
Остановилася, и проч.— оканчивается не повѣшена!
Пошла моя дивья красота
По горнисѣ и пріостановилася,
Съ красной дѣвисей распростилася и проч.
Пошла моя дивья красота
По крылечку, застоялася и проч.
Пошла моя дивья красота

По двору по широкому
Остановилася и проч.
Пошла моя дивья красота
По дорожинькѣ по раскатной
Остановилася и проч.
Дошла моя дивья красота
До паперти до серковные;
Зашла моя дивья красота
Въ Божью серкву до крылаца.
Прилетѣли два ангела,
Два крылатые невидимо,
Подхватили мою дивью красоту
И унесли за пристолъ къ Божьей матери.
Тутъ ей и мѣсто и мѣстечко —
Тутъ ей краса и красованье!

Ночь дѣвишника вся на пролетъ проходитъ въ пѣніи, особенно если дѣвишникъ и обрученье бываютъ въ одинъ день; и дѣвушки не спятъ всю ночь до заутрени. При первомъ *вовся* звонѣ идутъ къ заутренѣ — какъ въ церковь, такъ и изъ церкви женихъ и невѣста идутъ изъ своихъ домовъ; невѣсту сопровождаютъ дѣвушки, идущія попарно; одна изъ нихъ несетъ впереди всѣхъ образъ, который носятъ въ церковь для освященія. Послѣ заутрени по просьбѣ жениха служится молебенъ, за которымъ невѣста съ женихомъ становятся рядомъ и молятся, а послѣ молебна исповѣдываются. Къ исповѣди приступаютъ въ томъ убѣжденіи, что молодые весь годъ не говѣютъ, а посвящаютъ себя супружеству.

Заутреня отходитъ поздно — позже 8 часовъ; передъ обѣдней женихъ съ дружкой ходитъ по господамъ и проситъ лошадей съ экипажами для брака; выпросивши лошадей, приходитъ домой, гдѣ приготовляются постепенно къ *свадьбѣ*. Къ назначеннымъ часамъ, обыкновенно къ 2 и 3 по-полудни, участники свадьбы собираются въ домъ къ жениху, гдѣ столъ

уже накрытъ и уставленъ пивомъ, брагою, уксусомъ въ штофахъ, стаканами, холодными кушаньями и калачемъ съ солью. Когда всѣ соберутся, то женихъ садится за столъ на свое мѣсто; подлѣ него садится тысяцкій, а тамъ большой и меньшой боярины, съ другой же стороны жениха садится сваха, которою бываетъ обыкновенно крестная мать, а тысяцкимъ — крестный отецъ. Поддружью отдается на подносѣ пряникъ, закрытый платкомъ, а дружкѣ на подносѣ же зеркало, на зеркалѣ башмаки, на башмакахъ чулки, гребень, душистое мыло и помады 1/4 фунта. Получивъ всѣ эти принадлежности, дружки пріѣзжаютъ въ домъ къ невѣстѣ и заходятъ въ сѣни, но у избныхъ дверей останавливаются и возглашаютъ: „Господи, Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!“ Въ избѣ отецъ иль мать невѣсты отвѣтствуютъ: „аминь.“ Дружки входятъ, молятся и проходятъ въ куть къ невѣстѣ. Невѣста, приготовленная къ вѣнцу и сидѣвшая на подушкѣ въ кругу дѣвушекъ, при входѣ дружекъ встаетъ на ноги. Поддружье подноситъ ей пряникъ и съ поклономъ говоритъ: „Ив. Вас. приказалъ вамъ кланятся хлѣбомъ-солью.“ Она беретъ съ подноса пряникъ и кладетъ его въ свой ящикъ. Дружка подноситъ зеркало и прочія вещи съ привѣтствіемъ же: „Ив. Вас. приказалъ кланятся — прислалъ вамъ подарки.“ Чулки и башмаки невѣста надѣваетъ на ноги, а прочія вещи кладетъ въ ящикъ съ приданымъ; дружки же, выпивъ водки, извѣщаютъ жениха о готовности невѣсты къ вѣнцу; и большой бояринъ ѣдетъ за священникомъ. Если у священника нѣтъ времени, то онъ благословляетъ ѣхать къ невѣстѣ однихъ, а если есть время, либо женихъ достаточный, то ѣдетъ къ нему.

По пріѣздѣ батюшки, женихъ выходитъ изъ-за стола; передъ иконами теплится свѣча; священникъ читаетъ молитву; всѣ молятся. По окончаніи молитвы поѣзжане прикладываются ко кресту; пища благословляется и садятся за столъ; отецъ жениха подноситъ всѣмъ по рюмкѣ вина, начиная съ попа, но исключая жениха. Посидѣвши немного за столомъ въ ти-

шинѣ, первый крестится попъ; а за нимъ и прочіе — выходятъ и молятся; женихъ кланяется въ ноги родителямъ и отцу-матери крестнымъ; родной отецъ беретъ съ божницы икону съ теплившейся свѣчей и благословляетъ жениха, который, перекрестившись, прикладывается къ иконѣ, послѣ чего отецъ передаетъ икону черезъ голову жениха матери его, которая, благословивъ, возвращаетъ икону отцу, а отецъ ставитъ ее на божницу. Поѣздъ выходитъ изъ избы; впереди идутъ дружки и распоряжаются подачею лошадей; передній экипажъ остается пустой для дружекъ, во второй садятся вышедшіе впереди священникъ, женихъ и тысяцкій; въ третій садятся бояре, а въ четвертый сваха. Усадивъ участниковъ свадьбы по экипажамъ, дружки садятся въ передній экипажъ и ѣдутъ къ невѣстѣ; вошедши въ сѣни, возглашаютъ: „Господи, Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!“ Изъ избы отвѣчается: „аминь.“ Заходитъ въ избу; священникъ читаетъ молитву и благословляетъ хлѣбъ-соль, поставленные на накрытомъ, какъ у жениха, столѣ; женихъ входитъ за столъ, а дѣвушки начинаютъ пѣть:

За чѣмъ ты, соколъ, единъ за столомъ?
Не единъ я; много со мной князей и бояръ;
Много со мной княжескихъ жонъ;
Только нѣтъ у меня души, красной дѣвисы — Свѣтъ....

Во время пѣнія невѣста молится въ кути и благословляется родителями, послѣ чего отецъ выводитъ ее изъ кути; на срединѣ избы невѣста кланяется всѣмъ, подходитъ на благословеніе къ священнику и заходитъ за столъ подлѣ жениха; подлѣ невѣсты становится ея крестная мать или сваха, подлѣ которой становится жениха сваха; по другую сторону жениха становится священникъ, тысяцкій, бояре и дружки — и садятся за столомъ, разстилая полотенцы по своимъ колѣнямъ; отецъ невѣсты, начиная со священника, но исключая жениха

съ невѣстой, подноситъ всѣмъ водки, а дѣвушки поютъ про женихову сваху.

Женихова-та сваха туриса.
Насыпте турисѣ пшенисы!
Напойте турису сытою медьяною!

Пропѣвши пѣсню, дѣвушки ставятъ на столъ передъ сваху тарелку, на которую сваха кладетъ имъ пряникъ въ 15 и 25 коп. сер., какъ можетъ; вторую пѣсню поютъ про священника; „во проѣзжей во улицѣ“ и проч.; третію пѣсню поютъ про тысяцкаго:

Да иншо тысятской воевода, воевода,
Свѣтъ (Григоріетъ Егоровичъ) воевода.
Воевалъ господинъ городами;
Бралъ онъ (Авдотьюшку) головою,
Свѣтъ (Прокопьевну) головою,
Отдавалъ онъ (Ивану-ту) руками,
Свѣтъ (Васильевичу) руками.

Четвертая пѣсня поется про бояръ женатыхъ:

Горностальчикъ билинькой—Свѣтъ.....
Што гордая у тебя боярони—Свѣтъ.....
Не любѣла по гостямъ гостить;
Не любѣла по пирамъ ходить;
Только поизвоила она
У (имреки) на ручкѣ спать
Свѣтъ у (имрича) на правой,
Ко серсу ево прижимаючи,
Животомъ ево называючи.
Ты животъ ли мой животъ—
(Имрекъ) молодесъ.
Ты животъ ли мой животъ (имревичъ)!
Я не вижу, тужу по тебѣ,
Увижу, обрадуюся

Перелетному ясному соколу,
Переѣзжему доброму молодцу—Свѣтъ.....

Пятая пѣсня поется про дружекъ и про холостыхъ бояръ:

Кто у насъ на свадьбѣ миленекъ? Свѣтъ.....
Посадите его повыше,
На три подушки пуховы!
Мы бы ево посмотрили
Невѣстѣ ево похвалили.

Шестая пѣсня поется про невѣстину сваху:

Невѣстина сваха биляна,
Свѣтъ Сиклитія Пафнутьевна биляна!
Она три годы по насту гуляла,
Бѣлые полотна бѣлила,
Епикуру-то Фотѣичу рубашки кроила.

Послѣ каждой пѣсни, принѣтыя лица кладутъ на тарелку деньги, кто сколько сможетъ; послѣ пропѣнія пѣсенъ выходятъ изъ-за стола; священникъ читаетъ молитву и молятся; берется икона съ божницы и совершается благословеніе, какъ у жениха, а дружки стремглавъ кидаются ко столу, схватываютъ съ него тарелку и несутъ ее въ кутъ къ дѣвицамъ, которымъ, перецѣловавши всѣхъ, отдаютъ пряникъ и деньги. Послѣ благословленія поѣздъ отправляется, а дѣвушки поютъ:

Ужъ ты злая наша измѣншиса!
Измѣнила, оставила;
Не хотѣла ты за мужъ идти;
Ты хотѣла въ монастырь идти,
Насъ хотѣла съ собой взяти.
А теперь ты замужъ пошла
За удалова добра молодса—свѣтъ....

Подъ эту пѣсню поѣздъ продолжаетъ свой путь; впереди

идутъ дружки; за ними священникъ, за которымъ, схватившись правыми руками черезъ платокъ, идутъ женихъ съ невѣстой; со схваченными руками женихъ съ невѣстой ходятъ до тѣхъ поръ, пока не съѣздятъ на другой день свадьбы съ поклономъ къ родителямъ невѣсты. Идя къ вѣнцу и отъ вѣнца и переступая черезъ пороги, крестятся; идутъ къ другъ-другу плотно, чтобъ никто не могъ проскочить между ними—иначе, будетъ несогласность въ житьѣ. Садясь въ экипажи, крестятся; женихъ садится со священникомъ и тысяцкимъ, невѣста со своею свахою, бояре и наконецъ женихова сваха одна, а впереди дружки. Когда въ церкви надѣнутъ на жениха и невѣсту вѣнцы, то дружки ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и привѣтствуютъ: „поздравляемъ, сватушко сватьюшка, умили свое дитя споить скормить и подъ златъ вѣнесъ поставить.“ Отецъ мать до дружекъ сидятъ за столомъ, но ничего не ѣдятъ; въ пріѣздъ же дружекъ перекрестятся, встаютъ и выходятъ изъ-за стола; молятся въ землю и въ поясъ, подаютъ дружкамъ водки и дружки отправляются, а мать—отецъ снова садятся съ гостями за столъ и закусываютъ.

Но ранѣе дружекъ, то-есть вскорѣ послѣ увоза невѣсты къ вѣнчанію, родители ея съ родственницей, именуемой подсватьемъ, отправляютъ приданое и постель, икону же держитъ у себя подсвахинъ мужъ, который получаетъ званіе пуховаго боярина; подсватье и пуховой бояринъ заѣзжаютъ во дворъ къ свату; сватъ и сватья выходятъ и встрѣчаютъ ихъ, обмѣниваясь поклонами, берутъ ящики, а пуховой бояринъ съ подсватьемъ несутъ постель въ избу и стелютъ на удобное мѣсто; пуховой бояринъ вынимаетъ изъ-за пазухи водку, которую дали ему родители невѣсты, а подсватье требуетъ подносъ съ рюмками; наливаютъ въ рюмки вино и подчуютъ свата и сватью съ гостями. Пока идутъ эти распорядки, вѣнчаніе кончается и женихъ съ невѣстой и тысяцкимъ садятся въ сани, обѣ свахи въ другія, бояре въ третьи, а дружки впереди поѣзда. Подъѣзжаютъ къ дому жениха; родители встрѣчаютъ поѣздъ на

крыльцѣ съ хлѣбомъ-солью (большимъ калачомъ); заходятъ въ сѣни и останавливаются; родители берутъ икону съ теплившейся свѣчой и благословляютъ жениха съ невѣстой; мать, благословляя послѣ отца, отдаетъ икону боярину, который уноситъ ее и ставитъ на божницу; послѣ иконы благословляютъ хлѣбомъ, ломаютъ его надъ ихъ головами и даютъ имъ откусить калача у отломленнаго мѣста; откушеннымъ концомъ калача свекровка тычетъ невѣсту въ брюхо съ приговоромъ: „носи парней!“ Потомъ благословляютъ отецъ-мать крестные своими иконами, которыя отдаются новобрачнымъ въ вѣчное владѣніе.

Послѣ благословленія дверь избы отворяется — и входятъ; женихъ съ невѣстой останавливаются среди избы и молятся; женихова сваха беретъ невѣсту за руку и уводитъ въ куть для окруты; садятъ невѣсту на лавку; снимаютъ съ головы ея платокъ; заплетаютъ у ней обѣ свахи по косѣ; обвиваютъ ими голову и надѣваютъ на нее шамшуру, которую свекровка снимаетъ со своей головы и вручаетъ свахамъ. Женихъ между тѣмъ, перекрестившись, заходитъ за столъ, но лишь окрутятъ невѣсту, то онъ выходитъ изъ-за стола въ куть; невѣстина сваха вынимаетъ изъ ящика подаренное женихомъ зеркало, въ которое и смотрятся женихъ съ невѣстой; невѣста стоитъ передъ зеркаломъ, а женихъ изъ-за нея смотритъ чрезъ плечо. Какъ они станутъ смотрѣться, то которая-нибудь сваха и спрашиваетъ невѣсту: „Авдотья Прокопьевна, ково видишь?“ „Ивана Васильевича.“ „Ково, Ив. Васильевичъ, видишь?“ „Авдотью Прокопьевну.“ Послѣ опроса зеркало кладутъ въ ящикъ, а жениха съ невѣстой становятъ рядомъ и даютъ жениху водку, а невѣстѣ подносъ съ рюмками; и пошла поздравка — первые поздравляютъ родители, а тамъ и прочіе гости, цѣлуя ихъ въ крестикъ, то-есть, со стороны на сторону андреевскимъ крестомъ. Послѣ поздравки садятся за *пріѣзжій столъ;* на этомъ столѣ кушаньевъ, готовимыхъ обыкновенно особою стряпухой, бываетъ немного и новобрачные за нимъ не ѣдятъ. Когда пріѣзжій столъ кончится, то дружка говоритъ жениху, чтобъ шли

на подклѣтъ; женихъ беретъ съ собой водку, а невѣста подносъ съ рюмками и съ схваченными руками идутъ въ комнату или туда, гдѣ приготовлена постель, у которой становятся рядомъ и угощаютъ всѣхъ водкой, начиная съ отца; а имъ дѣлаютъ подарки — кто деньгами, кто посудой, однимъ словомъ кто чѣмъ вздумаетъ — и уходятъ; женихъ же наказываетъ дружкамъ пригласить всѣхъ его родственниковъ и родителей невѣсты съ гостями къ большому столу. Женихъ съ невѣстой остаются одни; невѣста вынимаетъ изъ ящика рыбный пирогъ, пару ложекъ и двѣ вилки съ ножикомъ и закусываютъ. Послѣ закуски невѣста снимаетъ сапоги съ жениха, который велитъ ей вынуть оттуда онучи, которыхъ она не находитъ, а вынимаетъ вмѣсто нихъ цѣлковый либо полтора серебряною монетой и кладетъ ихъ къ себѣ въ карманъ; за тѣмъ раздѣваются, ложатся на постель и лежатъ до-тѣхъ поръ, пока возгласъ дружка „Господи Іисусе и проч.,“ не дастъ знать, что родители невѣстины скоро прибудутъ и надо ихъ встрѣчать. „Аминь“ отвѣчаетъ женихъ и одѣваются; невѣста надѣваетъ платье похуже; выходятъ и встрѣчаютъ отца-мать невѣстиныхъ въ сѣняхъ; тутъ же находятся отецъ-мать жениховы съ виномъ, которыми и потчуютъ свата, сватью и прочихъ гостей въ сѣняхъ. Родители невѣсты приносятъ съ собою калачъ и, отдавая родителямъ жениха, говорятъ: „кланяемся вамъ, сватьюшко-сватьюшка, хлѣбомъ-солью.“ Тѣ берутъ и передаютъ молодымъ, а сватовей и сватьюшекъ просятъ войти въ избу; и входятъ.

Большой столъ накрытъ; кушаньевъ на немъ столько, сколько кто можетъ приготовить и питіе вина бываетъ преизобильное; потчуютъ новобрачные и дружки, которые, какъ и молодые, за столъ не садятся. Невѣстина мать садится первая, подлѣ нея женихова сваха, а тамъ невѣстина сваха, подсватье и прочіе по порядку родства. Невѣстинъ отецъ садится подлѣ своей жены съ другой ея стороны, потомъ тысяцкій, пуховой бояринъ и прочая свита; угощеніе идетъ преусердное; сперва гости церемонятся, а какъ зашумитъ въ головѣ, то и пойдетъ

ходить рюмка за рюмкой — стаканъ за стаканомъ. Большой столъ длится долго и кончается, обыкновенно, утромъ къ свѣту; свадебщики, возвращаясь съ большаго стола, горланятъ нестройно по улицамъ пѣсни, ухаютъ и будятъ спящихъ сосѣдей.

На другой день свадьбы дружки топятъ баню для порядка, иногда одними голиками, и посылаютъ молодыхъ мыться; иные моются, иные же не моются, а только переодѣвается женихъ, для чего молодая останавливается въ передбанкѣ, а молодой въ банѣ смочитъ голову и надѣваетъ портки и рубашку, принесенныя невѣстой въ приданое. Когда молодой переодѣнется, то заходитъ въ баню молодая и смочитъ себѣ голову; и возвращаются изъ бани съ мокрыми головами, показывая видъ, будто мылись. Послѣ бани новобрачные становятся рядомъ въ передней части избы; молодой держитъ штофъ съ виномъ, а молодая подносъ, на который невѣстина сваха кладетъ даръ, ситцевую рубаху, бумажный поясъ и портки; положивши даръ, подводятъ къ подносу свекра, а свекровку дарятъ послѣ него коленкоровой рубахой съ миткалевымъ станомъ, запонкой и поясомъ изъ тесьмы; прочихъ же гостей дарятъ чѣмъ могутъ; всякому, обдаренному лицу, подносятъ по рюмкѣ водки.

Послѣ подарковъ молодые ѣдутъ *на поклонъ* къ родителямъ невѣсты и везутъ съ собою обратно калачъ, привезенный ими къ молодымъ на-канунѣ. Въ сѣняхъ у тестя раздается обычное „Господи“ и проч., изъ избы отвѣтствуетъ „аминь“; входятъ въ избу и молодой подноситъ тестю и тещѣ калачъ, говоря: „кланяюсь вамъ, батюшко и матушка, хлѣбомъ-солью.“ Тѣ берутъ калачъ, а молодой тестю и тещѣ кланяется въ ноги и говоритъ: „батьшко и матшка, умили свое дитя споить-скормить и въ люди вывести,“ а крестной матери: „покорно благодарю, матушка хрёсна.“ Потомъ молодой попроситъ рюмокъ и угощаетъ ихъ виномъ; пьющіе говорятъ: „здорово ночевали, Иванъ Васильевичь - Авдотья Прокопьевна — каково ночевали?“ „Баско“ отвѣчаетъ молодой и всѣ смѣются. Послѣ выпивки са-

дятся за столъ и угощаются; къ особенности стола сего относятся блины, которые подаются на тарелкѣ, закрытые другою тарелкою; молодой беретъ поднесенныя ему тарелки, оборачиваетъ ихъ такъ, что верхняя становится нижней, а нижняя верхней, вскрываетъ ихъ и поддѣваетъ верхній блинъ на вилку, подзываетъ тестя и говоритъ: „батынко, пожалуйте получите“; такъ же угощаетъ тещу, а прочіе берутъ сами и ѣдятъ. Послѣ блиновъ выходятъ изъ-за стола, прощаются, катаются по улицамъ и возвращаются домой.

Тесть и теща, управившись дома, идутъ къ зятю въ домъ, куда собирается и прочая родня; собравшись, садятся за столъ, за которымъ подаются мясные пироги, отчего столъ называется *пирожнымъ*. За этимъ столомъ дружки уже не потчуютъ, а сидятъ за нимъ первыми; передъ ними становится полштофа вина и кладется калачъ, который лежалъ у жениха въ домѣ во всю свадьбу вмѣсто ковриги; два эти предмета не трогаются до окончанія стола, но шутники скрадываютъ у иныхъ дружекъ вино и смѣются надъ зѣваками; молодые со свекромъ и свекровкой угощаютъ гостей. Передъ сладкимъ пирогомъ дружки подаютъ по рюмкѣ стоявшаго передъ ними вина; если вина не хватитъ, то молодой подбавляетъ его въ полуштофъ; послѣ дружкина вина выходятъ изъ-за стола; калачъ же дружки берутъ въ свою собственность, раздѣливъ его по-поламъ. Послѣ стола поются свадебныя пѣсни и кого припоютъ, тотъ кладетъ деньги на столъ; собравши достаточную сумму, покупаютъ вина, упиваются и предаются шалостямъ, какъ-то: пачкаются сажей, а бабы наряжаются въ шубы на-выворотъ, образуя притомъ горбы изъ сѣна, надѣваютъ широкіе штаны, набивая подъ нихъ сѣно, волочатъ другъ-друга изъ избы на улицу, поютъ, пляшутъ и хохочутъ; бросаютъ кого-либо въ снѣгъ и загребаютъ, а необряженнымъ набиваютъ снѣгъ за пазуху бабамъ или куда попало. Такимъ широкимъ разгуломъ оканчивается свадьба, во время которой почти за каждой чаркой желается благополучіе; но благополучіе продолжается не долго, обыкновенно мѣсяца

черезъ три, много черезъ шесть, начинается разладица и слѣдуютъ ссоры, доводящія молодыхъ до удаленія изъ родительскаго дома. Разладица происходитъ отъ несходства въ характерахъ, а приписывается, обыкновенно, хиткамъ недруга-колдуна, либо чарамъ знахарки.

Знахарство и колдовство.

Во всякомъ званіи есть люди догадливые, есть и недогадливые. У догадливаго все идетъ, какъ по маслу; за что онъ ни примется въ своемъ званіи, все ладится у него скоро и хорошо; а недогадливый, какъ ни хлопочетъ, какъ ни старается, а работа либо не подается впередъ, либо выходитъ не такъ, какъ у людей. Но человѣку не данъ даръ оцѣнивать собственную догадливость безошибочно; а потому недогадчикъ успѣхи догадчика относятъ къ чему-то постороннему — такъ простофиля, пораженный ладомъ дѣлъ у дошлеца, начинаетъ думать про него, что ему нечистая сила помогаетъ; думы простяка принимаютъ степень увѣренности, если дошлецъ не отличается строгою нравственностію, либо держитъ себя несообщительно и отчужденно отъ сосѣдей. Отсюда-то исходитъ въ простонародіи вѣра въ знахарство и колдовство. Въ понятіяхъ народа знахарство отъ колдовства не отличается ни мало; кто знахарь, тотъ и колдунъ, — которая баба знахарка, та и волхитка. И мы не будемъ пускаться въ ученыя тонкости, которыя положили бы видимую черту между знахарствомъ и колдовствомъ, а послѣдуемъ образу мыслей народа тѣмъ охотнѣе, что колдовство есть миѳъ воображаемый.

Званіе знахаря передается изъ рода въ родъ наслѣдственно, либо пріобрѣтается смѣлою личностію случайно. Наслѣдственная передача знахарства въ каждомъ родѣ переходитъ отъ мужчины къ женщинѣ и отъ женщины къ мужчинѣ, то-есть отъ

отца къ дочери, а отъ матери къ сыну; иначе тайны колдовства, по мнѣнію дошлецовъ и дошлицъ, теряютъ свою чарующую силу и дѣлаются недѣйствительными. Побужденіемъ на званіе знахаря служатъ для дошлецовъ и корысть и желаніе имѣть значеніе въ народѣ. Чтобъ пріобрѣсть значеніе въ народѣ, смѣльчаки берутся за все, о чемъ ихъ ни попросятъ, а чаще сами вызываются на помощь въ незнакомомъ дѣлѣ. Случайностію пріобрѣтается имя знахаря отъ травки-муравки, либо отъ корешка, даннаго сосѣду на-угадъ изъ желанія добра; иногда же слава знахаря достается иному чрезъ особую продѣлку. Такъ священникъ разсказывалъ мнѣ, что въ Ирбитскомъ уѣздѣ одинъ бродяга прослылъ за знахаря по слѣдующему обстоятельству: приходитъ онъ въ одинъ домъ переночевать и проситъ у хозяйки поѣсть; но та не исполнила его просьбы, и ушла доить коровъ. А на печѣ спало грудное дитя, которому бродяга возми да и вложи подъ крайнюю плоть ячменное зерно; дитя отъ боли заревѣло; мать приходитъ и старается утѣшить дѣтище; но старанія ея напрасны; ревъ не прекращается. Бродяга, видя разстройство въ лицѣ матери, говоритъ ей: „а што, тетка, отъ добра?“ „Батюшко, што хошь возми, только помоги!“ Онъ, пошептавъ въ чашкѣ на воду, велѣлъ матери выдти, а ребенка взялъ на руки, и по уходѣ родимой, вынулъ изъ плоти сѣмя. Разумѣется, дитя умолкло, и бродяга сталъ колдуномъ, принимаемымъ съ честію въ околодкѣ.

Какъ безсовѣстный бродяга, такъ и вообще всѣ знахари, дѣйствіямъ своимъ придаютъ видъ таинственности, сопровождаемой нарочно придуманными пріемами. Впрочемъ въ пріемахъ своихъ они неуклонно держатся одной общей увѣренности, что ничѣмъ скорѣе и ловчѣе нельзя прикрыть своей тайны, какъ нашептываніемъ про себя чарующихъ словъ и всесильныхъ заговоровъ, вся мудрость которыхъ заключается въ сочиненіи, изображающемъ поэтическую выдумку. При чарахъ и заговорахъ дошлецъ изъ роли знахаря переходитъ въ область колдуна-чародея. И, Боже мой, чего онъ тутъ ни мелетъ себѣ подъ носъ!

Разумѣется, люди умные до поры до времени смѣются надъ простяками, прибѣгающими къ помощи чародѣйства. Но какъ стрясется надъ умишкомъ бѣда неминучая, то волею и неволею идетъ онъ, понуривъ голову, къ всезнайкѣ-колдуну и смиренно докладываетъ о скудости своей молодой жены, а вѣдунъ чему и радъ, да и говоритъ умнику: „Надъ хозяйкой твоей подѣковался такой-то колдунъ за твои надсмѣшки надъ нимъ, но хиткѣ пособить можно.“ Надо замѣтить, что знахари весьма находчивы въ объясненіи причинъ болѣзни; ихъ не поставятъ въ тупикъ никакіе спросы больныхъ, требующихъ разъясненій приключеній въ разладѣ здоровья. Хотя тутъ знахарю приходится обнаружить свою мудрость открыто во всеуслышаніе, а не прикрывать ее таинственнымъ шепотомъ про себя; но знахари, разсчитывая на совершенное невѣдѣніе вопрошателей, не затрудняются въ объясненіи происхожденія разныхъ немочей и врутъ на пропалую. Такъ они безъ запинки увѣряютъ, что зобъ происходитъ оттого, что если кто напьется воды изъ посуды послѣ курицы; мужское безсиліе оттого, если кто пьетъ изъ поданнаго черезъ порогъ ковша; заушицу, по ихнему *килу*, привѣшиваютъ недобрые люди; рѣзачка происходитъ отъ моченія на вѣтрѣ; молоко у коровы скрадываютъ вѣщицы, которыя вынимаютъ и дѣтей у молодушекъ, подмѣнивая ихъ вѣхтемъ; колдуны же скрадываютъ у новобрачной причинное мѣсто, и молодой, сколько ни бьется, не можетъ удовлетворить своего желанія; въ прочихъ же случаяхъ знахари ссылаются на худобку, на порчу, на уроки и прозоры, доставшіеся отъ худаго глаза и отъ злаго языка, и на нечистую силу. Всѣ изрѣченія старыхъ дошлецовъ и старыхъ знахарокъ выдаются и принимаются за неоспоримыя истины и служатъ источникомъ укоренившихся въ народѣ суевѣрій, въ которыхъ никакой мудрецъ не разувѣритъ ихъ. Станьте увѣрять простолюдина, что зобъ происходитъ не оттого, кто послѣ курицы воды напьется, а отъ ключевой воды, содержащей въ себѣ известковые составы въ гористо-мѣдныхъ мѣстностяхъ, что мужское безсиліе происходитъ отъ слабаго сложенія, отъ злоупотребленія

половыхъ отправленій, отъ горячности и проч. Станьте увѣрять ихъ, что молоко теряется отъ простуды, либо отъ болѣзни, а дѣтородицы не находитъ новобрачный либо по неопытности, либо по излишней торопливости,—они, пожалуй, и согласятся, но все-же скажутъ, что *и такъ, быть можетъ, бываетъ, и по ихнему бываетъ же*; и останутся въ такомъ двоякомъ убѣжденіи; примутъ новое убѣжденіе, да и стараго не оставятъ. Потому-что вѣрованія ихъ въ кудесничество впитаны въ нихъ съ матернимъ молокомъ, вырощены и укрѣплены бабушками и тетушками, завѣрившими ихъ на словахъ въ непреложной дѣйствительности чаръ и волхвованій. И вѣритъ простодушный народъ хитросплетеннымъ мудростямъ и страшится нечистой силы, безтрепетно подвергаясь всѣмъ вреднымъ непогодамъ и тлетворнымъ дыханіямъ, не подозрѣвая, что въ зловонныхъ-то испареніяхъ и въ другихъ гибельныхъ вліяніяхъ и заключается нечистая сила, разстроивающая его здоровье; мало того—онъ въ своихъ *болотахъ зыбучихъ и грязяхъ топучихъ* видитъ поэтическую прелесть, прилагаемую къ свадебнымъ пѣснямъ. Грустно смотрѣть на дѣтское невѣдѣніе народа и не имѣть возможности помочь его невѣдѣнію! Время, одно только время можетъ переработать убѣжденія народа. Да Богъ-вѣсть когда оно настанетъ!...

Но не одной невидимой силѣ приписывается народомъ чародѣйствіе, но и нѣкоторымъ вещественнымъ предметамъ. Такъ молодцы, чтобъ присушить къ себѣ любую дѣвушку, ловятъ и колютъ голубя, доставая изъ него сало; на салѣ мѣсятъ тѣсто, изъ котораго пекутъ калачикъ либо кокурку, либо что-либо другое въ этомъ родѣ; изготовленной стряпней кормятъ любую дѣвушку, приговаривая: „какъ живутъ межъ собою голубки, такъ же бы любила меня раба Божія“ такая-то. Другое средство для присушиванія состоитъ въ томъ, что парню или мужику надобно вспотѣть хорошенько, обтерѣть потъ платкомъ—и тѣмъ же платкомъ слѣдуетъ утирать дѣвушку или молодицу, приговаривая въ умѣ: „какъ у меня, раба Божія, потъ кипитъ

и горитъ, тако-же бы у рабы Божіей кипѣло и горѣло сердце обо мнѣ, рабѣ Божіемъ.“ Потъ чародѣйствуетъ и тогда, когда кто кого потною рукою хватитъ за голое тѣло, то хваченный начинаетъ скучать и тосковать о хватившей, а чтобъ потъ получилъ болѣе силы, то дѣвушки и молодушки носятъ подъ грудью пряникъ и тѣмъ пряникомъ угощаютъ возлюбленныхъ. Любовницы же, чтобъ сохранить себѣ милешей и заставить ихъ на себѣ жениться, впускаютъ имъ въ ротъ, при поцѣлуяхъ, свою слюну и поятъ въ темнотѣ виномъ, смѣшаннымъ со своею кровію, приговаривая въ умѣ: „піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ.“ Темнота нужна для того, чтобъ милый не разсмотрѣлъ и не узналъ продѣлки. Бывали случаи, что жены, по совѣту знахарокъ, поили своихъ мужей даже плотною кровію и кормили пирогами, начинка которыхъ состояла изъ мелкорубленаго послѣда. Есть у хитрецовъ задушевная дума, что растетъ гдѣ-то разрывъ-трава, корень которой, въ отдѣльныхъ его побѣгахъ, представляютъ себѣ въ человѣческомъ образѣ, то-есть если собрать всѣ отрывки корня и сложить, то составится подобіе человѣческаго тѣла въ маленькомъ видѣ. Ищутъ мудрецы заповѣданной преданіями разрывъ-травы, да не находятъ. Говорятъ, что если беременная женщина напьется воображаемой разрывъ-травы, то плодъ въ утробѣ разорвется. Взамѣнъ неотысканной разрывъ-травы, въ потребномъ случаѣ, употребляютъ земляничный корень, луковыя перья, цвѣточки ржи, крутой щелокъ, сѣру и порохъ, дѣйствующіе, говорятъ, съ постояннымъ успѣхомъ, скоро открывающимъ плотное или цвѣты (регулы).

Не при одномъ кудесничествѣ, но и при леченіи болѣзней, знахари и знахарки соблюдаютъ нѣкоторые обряды и присказки: такъ при леченіи уроковъ, подъ которыми они разумѣютъ легкія формы воспаленій, горячекъ и лихорадочныхъ сыпей, знахарки молятся, читая про себя молитвы, какія знаютъ; наливаютъ воды въ буракъ; прорѣзываютъ крестомъ либо ножомъ крестообразно; кладутъ въ буракъ изъ загнеты потухшихъ уг-

лей; и когда опущенные угли зашипятъ, то говорятъ вслухъ: „у, какіе уроки!“ Потомъ шепчутъ про себя заговоръ, подувая крестообразно на воду. Кончивъ заговоръ, идутъ въ топленую баню, гдѣ и окачиваютъ больнаго, который послѣ окачиванья долго потѣетъ въ банѣ, а потомъ спитъ въ избѣ. „Пусь соснетъ, будетъ лучше, да не тревожьте ево!“ наказываютъ знахарки.

Если знахари лечатъ худобку или родимецъ, то спрыскиваютъ водой на родимомъ мѣстѣ, то-есть тамъ, гдѣ родился ребенокъ; взрослыхъ же, подверженныхъ падучкѣ, мать во время припадка накрываетъ голову сына подоломъ надѣтой на ней рубашки и присѣдаетъ надъ нимъ въ полной увѣренности, что родимое отъ того пройдетъ. Чирей лечатъ, водя пальцемъ трикратно вокругъ сука на стѣнѣ, либо на лавкѣ и приговаривая: „какъ сохнетъ сукъ въ деревѣ, такъ сохъ бы чирей въ тѣлѣ;“ потомъ тѣмъ же пальцемъ и съ тѣмъ приговоромъ водятъ трикратно же вокругъ чирея; наконецъ тѣмъ же пальцемъ выдавливаютъ крестъ на верхушкѣ чирея — и чирей, особенно небольшой, присыхаетъ скоро. Разумѣется, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не говорливая обрядность, а выдавка крестообразнаго знака на чирьѣ. При летучемъ огнѣ (prurigo) сѣкутъ изъ кремня искры надъ болячкой, приговаривая громко: „какъ искры сыплются съ огнива, тако-бы сходилъ огонь съ рыла.“

Глаза лечатъ камфарной настойкой, приговаривая: „какъ чиста и утечна камфора, такъ же бы утекала съ моихъ глазъ краснота и слѣпота.“ Лечатъ глаза еще груднымъ молокомъ, сахаромъ съ имбиремъ и крымзой. При зубной боли даютъ прижать палочку межъ зубами, заговоренную такими словами: „мѣсяцъ ты мѣсяцъ! младой ты ходишь по всѣмъ царствамъ, по всѣмъ мытарствамъ. У кого болятъ зубы — у кого не болятъ? У того человѣка не болятъ, — у мертваго: тако-жъ бы не болѣли зубы отъ сей палочки у раба Божія, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.“

При мужскомъ безсиліи заставляетъ мочиться постоянно на

колъ либо на столбъ. При горячкѣ ѣдятъ клюкву, по здѣшнему жаровиху; поносъ лечатъ завязникомъ, по здѣшнему сухосѣрей (tormentilla). Отъ глистовъ пьютъ пиво съ пижмой и ѣдятъ лукъ съ морковью и киноварь съ хлѣбомъ. Въ золотухѣ, осложненной венерою, пьютъ крѣпкій наваръ репейнаго корня. Лихорадку лечатъ иногда тѣмъ, что больнаго передъ приступомъ намазываютъ собственнымъ его каломъ, чтобъ *гостья*, прійдя къ нему, не узнала его въ гадкомъ видѣ и прекратила бы свои приходы; также лечатъ ее глядѣніемъ на живую щуку въ кадкѣ съ водою, чемерицой и горькими травами. Щукой же лечатъ и отъ запоя; для этого живую щуку сажаютъ въ туесъ или буракъ съ виномъ, и настаиваютъ 12 дней; щука даетъ отъ себя много слизи и настой протухаетъ. Этимъ настоемъ поятъ пьяницу, приговаривая: „какъ щука не терпитъ вина, такожъ бы не терпѣлъ его рабъ Божій.“ Со второй либо съ третьей рюмки, начинаетъ пьяницу рвать — и чѣмъ онъ больше пьетъ, тѣмъ больше его рветъ и отшибаетъ отъ вина. Употребляютъ отъ запоя и настойку, приготовленную изъ каменной полыни, богородской травы и соли.

Не безъинтересенъ обрядъ знахарей, совершаемый ими при леченіи усоища (rheoma). Для этого вѣдунъ велитъ принести къ себѣ штофъ вина да осьмушку бодяги, либо горчицы (стручковой перецъ). Приносятъ къ нему на домъ вино и стручковой перецъ. Вѣдунъ беретъ штофъ, ставитъ его на столъ и кладетъ подлѣ него перецъ; приноситъ свой пустой штофъ; и его ставитъ на столъ; начинаетъ молиться передъ иконами; помолившись, садится за столъ лицомъ къ дверямъ и начинаетъ переливать изъ одного штофа въ другой вино, нашептывая таинственныя слова; присутствующіе хранятъ глубокое молчаніе — никто ни шорохнетъ, ни кашлянетъ; переливъ продолжается до трехъ разъ такъ, что въ послѣдній разъ въ штофѣ для больной остается лишь треть вина, а двѣ трети остаются въ штофѣ знахаря, который оба штофа ставитъ на столъ и, перекрестясь, начинаетъ мять часть горчицы и спускать по частямъ въ

штофъ, назначенный для больной, нашептывая при томъ чары и безпрерывно чихая отъ горчичной пыли; прусутствующіе со страхомъ въ лицѣ смотрятъ на загадочные пріемы знахаря и начинаютъ кашлять да чихать, а знахарь возглашаетъ: „у, какое злушное усоишно! Ишь какъ горчиса злитса; ажно въ носъ кидатса всѣмъ; и мнѣ всего снодобья севодни не изладить.“ При этихъ словахъ знахарь встаетъ съ мѣста, отдаетъ принесенный штофъ пришедшей роднѣ, либо мужу больной и говоритъ: „на, поди, поставь у себя на печкѣ и пусь стоитъ до меня, да истопи завтра баню! Я приду, свожу ее въ баню.“ Въ баню съ молодицами ходитъ непремѣнно колдунъ, а съ молодцами колдунья. Такой обычай водится отъ того, что волшебная сила и въ банѣ, по увѣренію дошлецовъ и дошлицъ, дѣйствуетъ только отъ бабы на мужика и отъ мужика на бабу. Но отъ этого отступленія, воротимся къ прерванному нами разсказу. „Да мотри,“ наказываетъ вѣдунъ, „штобъ штофъ на печкѣ никто не трогалъ до меня! А остальное снадобье я доставлю самъ.“ Приказанія колдуна исполняются буквально — и назавтра подъ вечерокъ, таинственный Ерофеичъ идетъ къ молодой страдалицѣ; его принимаютъ съ озабоченнымъ почетомъ; и отправляется Ерофеичъ съ молодою бабою въ баню, третъ ее натираетъ, всѣ косточки перебираетъ и мякоти разглаживаетъ; больная повинуется безпрекословно, прѣетъ и потѣетъ и усоище въ ней нѣмѣетъ; оболокаетъ Ерофеичъ молодицу и выводитъ ее изъ бани, нашептывая заговоры; вся алая и разопрѣлая страдалица ложится въ постель, засыпаетъ крѣпкимъ сномъ и выздоравливаетъ; а Ерофеича угощаютъ до нельзя, и деньгами награждаютъ и здоровья ему желаютъ. Назавтра сосѣдки узнаютъ, что Васильевна выздоровѣла и благодаритъ Ерофеича. Слава объ немъ изъ устъ въ уста передается, ростетъ и умножается; и онъ вездѣ съ почетомъ принимается, особенно женщинами. Но случается и надъ Ерофеичемъ невзгода; какой-нибудь озорникъ Микитка озлится на него за лукавую продѣлку, непринесшую пользы, и бьетъ его, колотитъ,

какъ плута и обманщика; а Ерофеичъ, чтобъ возстановить свою славу, говоритъ сосѣдямъ, что Микитку напустилъ на него такой-то колдунъ изъ зависти. И остается для поклонниковъ Ерофеича нерѣшеннымъ: точно ли Ерофеичъ плутъ или у него есть завистники?

Но какъ-бы то ни-было, а Ерофеичъ и послѣ колотушекъ не оставляетъ своего ремесла и наговариваетъ на ворвань, если врачуетъ подчелюстницу, — на масло, если чаруетъ хомутецъ; во внутреннихъ же болѣзняхъ вино выдаетъ за лучшій приводникъ заговорной силы. За неимѣніемъ его служитъ квасъ и вода. Если ни квасной ни водный заговоръ не берутъ, то знахарь наговариваетъ на траву; травы не дѣйствуютъ, то колдунъ безъ приготовки и заученныхъ словъ призываетъ на помощь все, что на умъ сбредетъ; при заговорѣ же ранъ плюетъ на рану и зажимаетъ ее рукой. Заговоры хранятся колдунами въ тайнѣ, и много надо неослабнаго усердія и неотступной настойчивости, чтобъ допытаться и вывѣдать тайную мудрость сельскихъ хитрецовъ. У меня собрано порядочное число чародѣйныхъ заговоровъ. Въ поясненіе ихъ таинственнаго духа приведу изъ нихъ нѣкоторые:

Заговоры отъ разныхъ недуговъ тѣлестныхъ.

„Стану я рабъ Божій, благословясь; пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ востокъ, въ востошну сторону, подъ утреннюю зорю, подъ красное солнце, подъ вечорну зорю, подъ свѣтелъ мѣсяцъ. Какъ утрення роса изсыхаетъ, а вечорна зоря утихаетъ, какъ мѣсяцъ изходитъ: тако изойди у рабы Божія уроки, призорица, повѣтрица, жаба-жабишша, всѣ скверныя дѣла изойдите, изсохните и потухните. Покорюся, помолюся я Михайлу-Архангелу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ: побѣди и порази у рабы Божія уроки, призоры, повѣтришшо въ 77 жилахъ, въ 77 суставахъ, въ 77 мозговыхъ костяхъ, икоты-икотишшо, жабу-жабишшо. Посѣкается и поражается, Михаиломъ-Архангеломъ побѣждается. Ишшо же покорюся Георгію-Побѣдоносцу: ты Георгій храбрый, на

добромъ конѣ, съ острымъ копьемъ, съ булатнымъ мечомъ водянаго змѣя побѣдилъ, царскую дочь освободилъ; тако ты, Георгій-Побѣдоносецъ, побѣди и порази у рабы Божіей въ 77 жилахъ, въ 77 суставахъ, въ 77 мозговыхъ костяхъ и въ утробѣ ея икоту-икотишшо, пересѣки въ спинѣ, въ крыльцахъ отягченіе, въ буйной головѣ смятеніе, въ нутрѣ притѣсненіе, самое разслабленіе, всѣ скверныя дѣла, уроки и прозоры! Посѣкаются, Георгіемъ-Побѣдоносцемъ побѣждаются и поражаются отъ моихъ словъ, отъ дѣлъ моихъ, отъ имени Божія, отъ сего зелія отъ спи-травы и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Не я исцѣляю, не я сохраняю рабу Божію; я упрошаю, умоляю святыхъ безсребренниковъ Козму и Доміана, Кира, Пантелеймона, Нифонта и преподобнаго инока Агапія: освятите и исцѣлите рабу Божію. Освяти, Исусъ Христосъ, осѣни своею ризою золотою, исцѣли и содѣлай всенерушиму, чисту и непорочну какъ мать родила! Земля—замо̀къ, ключъ—небо".

Заговоръ отъ порѣзанныхъ и порубленныхъ ранъ.

„Стану я рабъ Божій и проч. въ востошной сторонѣ есть синее море-окіянъ; на томъ окіянъ-морѣ Святой Божій островъ; на томъ островѣ лежитъ бѣлъ латырь-камень; на томъ камнѣ стоитъ святая церковь; въ той святой апостольской церкви стоитъ златой пристолъ; на томъ золотомъ пристолѣ сидитъ Матерь Божія съ двумя сестрицами, прядетъ и сучитъ шолковую кудельку. Я ей, рабъ Божій, покорюся и помолюся: Мати Божія, Пресвятая Дѣва Марія и съ двумя сестрицами, бери Ты шолковую нитку и булатную иголку, зашей и запри, и уйми, и зажми порѣзную рану и посѣчную рану! Какъ нѣтъ изъ латыря-камня воды ни капли, такъ же бы у раба Божія не было рубы и краски. Какъ во градѣ Ерусалимѣ лежатъ святыя мощи на правомъ крылосѣ; не знаютъ онѣ никакой болѣзни; како жидовья Исуса Христа распяли и Онъ не зналъ боли: тако же бы рабъ Божій не зналъ никакой боли, на шшипоты, ни ломоты, ни опуху, ни отягу. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, крѣпче

булату, плотнѣй укладу. Шолкъ не рвется, булатъ не гнется, укладъ не ломается, камень не распадается. Земля—замокъ, ключъ—небо".

Заговоръ отъ ногтя.

„Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, въ восточну сторону къ окіянъ-морю; и въ томъ окіянъ-морѣ стоитъ столбъ-пристолъ; на томъ святомъ пристолѣ стоитъ золотое блюдечко; и на томъ золотомъ блюдечкѣ стоитъ самъ Сусъ Христосъ, самъ матеръ человѣкъ, тугимъ лукомъ подперся, калеными стрѣлами подтыкался; и якоже тебѣ, батюшко самъ Сусъ Христосъ, покорюся и помолюся объ своей любимой скотинкѣ (о кобылѣ иль меринѣ по шерсти): истрѣли, батюшко истинной Христосъ, въ мою любимую скотинку своимъ тугимъ лукомъ и калеными стрѣлами въ ясныя очи, въ сырую кость, и угони, выганивай 12 ногтей, 12 недуговъ, 13-й набольшій-и ушной, пашной, свистовой, хребтовой, закожурной, закопытной, нутренной, сердешной, жиляной, суставной, подплечной и лытошной. У печи заслонка, въ печи сковорода; какъ она сохнетъ, присыхать; тако жъ бы уроки и притощи и 12 ногтей и 13-й самъ большій изъ переднихъ ногъ шли бы въ ноги задни, въ лѣвое копытечко. И тутъ вамъ не мѣсто! А мѣсто тамъ, отколь вы пришли—съ людей? Такъ на люди и подьте! А съ лѣсу? на лѣсъ и подьте-и подьте же вы, 12 ногтей—13-й самъ большій, на темны лѣса, въ мышьи въ норы. Тутъ вамъ питеръ и идеръ (питье и ѣда) сладше и падше меди и патоки."

„Возму я ключи и замки, пойду со своими ключами и своими замками изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота къ окіянъ-морю; и брошу я ключи и замки въ окіянъ—святое море; пойматъ тѣ ключи и замки китъ-рыба. Кто сможетъ окіянъ-моря воду выпити, и кто сможетъ китъ-рыбу заловити, и тотъ можетъ надо мной, рабомъ Божіимъ, похитрить, помудрить и похимостить".

Вотъ какимъ обрядностямъ и поэтическимъ выдумкамъ обя-

заны сельскіе хитрецы славою и вліяніемъ въ народѣ, иногда большими, чѣмъ образованный врачь! Выгоды знахаря передъ образованнымъ врачемъ въ пріобрѣтеніи вліянія, заключаются въ томъ, что образованный врачь не обращается къ обрядностямъ, къ какимъ прибѣгаютъ знахари; онъ не имѣетъ обычая креститься, молиться и окружать себя таинственностію при составленіи снадобій, и дѣйствуетъ просто. Конечно, призывать помощь Божію слѣдуетъ, но не слѣдуетъ призыву этому придавать значеніе тайны и кудесничества. Второе преимущество знахаря состоитъ въ томъ, что знахарь есть членъ его сословія, а на врача смотритъ народъ, какъ на чиновника; со знахаремъ можно обойтись по своиски, а съ врачомъ какъ-то не ловко. При томъ же знахарь, по мнѣнію народа, поитъ недужныхъ *рюськими*, православными снадобьями, а ученый врачь пичкаетъ заморскими, погаными издѣліями. Третіе преимущество знахаря происходитъ отъ того, что его можно отыскать у себя въ деревнѣ либо въ сосѣдствѣ, а къ врачу надо ѣхать въ городъ, да и то застанешь ли дома? Да хоть и застанешь, то съ рецептомъ надо еще идти въ аптеку, которая деретъ страшныя деньги; въ больницѣ же лежать скучно и коштовато. Всѣ эти неудобства осложняются иногда необходительностію врачей. Что мудренаго посему, если народъ обращается къ знахарямъ? Его за это винить пока нельзя по его неразвитости.

Но когда-то настанетъ то счастливое время, въ которое русскій народъ пойметъ, что ученый врачь лучше неученаго и неученаго надобно непремѣнно замѣнить ученымъ. Спору нѣтъ, что въ пустячкахъ помогаютъ и неученые, но въ важныхъ случаяхъ они приносятъ болѣе вреда; чѣмъ пользы. Я знаю много случаевъ, особенно глазныхъ, гдѣ знахари и знахарки дѣйствовали ко вреду довѣрившихся имъ страдалицъ и страдальцовъ. Вредъ глазамъ приносила особенно крымза, употреблявшаяся безъ всякаго разбора — наугадъ. Вредъ причиняли и горшки, ставленные на брюхо и производившіе разслабленіе брюшной стѣны и выпаденія матки. Одна колдунья у молодаго солдата

горшкомъ, ставленнымъ въ банѣ, произвела омертвѣніе кожи и клѣтчатки, на всей подчревной части живота отъ пупа до лобка, чуть не стоившее жизни молодцу и вылеченное врачомъ; другая знахарка—Ашлапова чрезъ врачеваніе свое въ банѣ заводскаго человѣка, пораженнаго рожей, заставила пробыть въ госпиталѣ немного-немало-пять мѣсяцовъ. Самъ же народъ, видя неудачу знахарей, думаетъ, что они дѣйствуютъ такъ изъ злобы. Но я не допускаю такой злости въ русскомъ сострадательномъ сердцѣ, и скорѣе соглашусь, что знахари вредятъ братіи по невѣдѣнію, а не по злонамѣренности. Впрочемъ чужая душа-потемки. Есть такъ же молва, что знахарки малоденькихъ дѣвушекъ, лишившихся невинности, подъучаютъ въ день свадьбы накалывать наружныя части дѣтородицы булавками, надрѣзывать ножикомъ и натирать квасцами.

Но знахари занимаются не одними наставленіями молоденькимъ дѣвушкамъ, леченіемъ и присушиваніемъ, но и ворожбой и отыскиваніемъ кладовъ. Ловкость, употребляема смѣкательными людьми въ этомъ случаѣ, рисуется въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ. У одной молодицы потерялась лѣтомъ купленная по-осени корова; она искала потерю въ окрестныхъ лугахъ и лѣсахъ, но не находила. Сосѣдки посовѣтовали ей сходить къ знахарю—Чекотѣ поворожить; послушавшись совѣта, она со страхомъ пришла къ старику вечеромъ. Чекота отвѣтилъ ей: „теперь не время. Приходи завтра утромъ, пока я не встану съ постели и не умоюсь“. На завтра приходитъ молодица къ колдуну въ пятомъ часу утра; онъ лежалъ въ постели и велѣлъ ей принести ведро свѣжей колодезной воды; она принесла; онъ зачерпнулъ ковшомъ воды, поставилъ его на окно; по бокамъ его въ оконицу воткнулъ два ножа и спросилъ: „а што принесла денегъ? Немного нужно—всего гривну на пиво. Клади на столъ!“ Молодица, бывшая одна со старикомъ въ его избушкѣ, съ трепетомъ подошла къ столу и покинула деньги. Старикъ-Чекота своимъ острымъ взглядомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, перекосилъ окно, поведя своими сѣрыми гла-

зами съ угла на уголъ оконницы, и сиплымъ голосомъ шафкнулъ: „Вѣтеръ Вѣтровичъ, Вихорь Вихровичъ, будь на пору — на время готовъ!“ Молодица свѣту Божьяго не взвидѣла; она вообразила, что по страшному зову дошлаго шафкуна такъ и влетитъ къ нимъ лѣшій, и до того разтерялась, что не замѣтила, какъ гривна изчезла со стола. „Што за чудо! Чекота, кажись, не подходилъ къ столу, а гривны не стало“ — разсуждала она съ сосѣдками потомъ. Самъ же Чекота, обратившись къ ней во время ворожбы, спросилъ: „гдѣ купила корову?“ — На Усть-Зырянкѣ. — „Тамъ и ишши!“ Напуганная гадальщица ушла отъ колдуна, дрожжа всѣмъ тѣломъ, и нашла корову у старыхъ хозяевъ. Если-бъ молодица, не ходивши къ колдуну, пошла искать корову на прежнихъ, незабытыхъ ею пастбищахъ, то также бы нашла ее. Но у ней и ея сосѣдокъ не хватило на то смѣтки, а Чекота смѣкнулъ и смѣтку свою прикрылъ хитрою выдумкой.

Отыскиваніе клада происходило такъ. Одна Усольская развратница, сговорившись со своимъ любовникомъ — выкрестомъ изъ жидовъ, задумала обобрать 20-лѣтнюю Дѣдюхину, выдавъ себя за кудесницу, водящуюся съ дѣдушкой — роздателемъ кладовъ. Чтобъ скорѣе завлечь суевѣрную знакомку, обманщица вызывалась ей, не хочетъ ли она, чтобъ пришелъ такой-то и такой-то. Суевѣрная туземка, страшась въ вечернюю пору, что въ образѣ знакомаго ей человѣка, явится нечистый духъ, не рѣшалась сама позвать такого-то; тогда кудесница сказала: „вотъ я только постучу здѣсь, такъ и явится такой-то.“ И точно, по зову кудесницы входилъ къ нимъ точь-въ-точь тотъ человѣкъ, котораго называла она. Какъ только призванный волшебствомъ духъ выходилъ, то вскорѣ являлся любовникъ обманщицы и начиналъ кричать на искательницу кладовъ: „Эта зачѣмъ здѣсь? Штобъ ее духу никогда не было!“ Такія продѣлки увлекли воображеніе жадной къ богатству суевѣрки; и она вдалась въ обманъ: стала ходить къ кудесницѣ, крадучись отъ ея любовника и уговаривая ее приступить къ открытію

клада. Кудесница какъ бы нехотя согласилась и говоритъ ей: „надобно перво задобрить дѣдушку.“ —Чѣмъ же?—спрашиваетъ искательница клада. „Да надо купить четверть вина и угостить дѣдушку въ лѣску, подъ вечерокъ.“ Вино куплено; пріятельницы подъ вечеръ пошли въ лѣсъ и поставили вино на угорѣ, а сами отдалились въ чащу, чтобъ не мѣшать дѣдушкѣ угощаться. Какъ только онѣ взошли въ лѣсъ, а солдатъ, заранѣе спрятавшійся тутъ, вышелъ и перелилъ вино изъ ведра въ буракъ. Тѣ возвращаются и видятъ, что вина въ ведрѣ нѣтъ и земля тутъ смочена; кудесница и говоритъ: „ишъ, осерчалъ, только расплескалъ. Надо, значитъ, другимъ задобрить“.—Чѣмъ же?— „Да надо твое платье.“ Но и платье не помогло; потребовалась шаль. А такимъ образомъ кудесница съ жидомъ опустошила весь сундукъ искательницы клада. Однажды мать обманутой пошла безъ дочери въ сундукъ и, найдя его пустымъ, предположила, что ихъ обокрала любовница выкреста Егорова, и подозрѣніе свое высказала сосѣдкамъ. Чрезъ сосѣдокъ слухъ дошелъ и до обманщицы, которая кинулась къ управителю завода съ объясненіемъ, что такая-то заложила ей свою одежду, а мать ея говоритъ, что та одежда у нихъ украдена, и хочетъ идти въ полиціи: „Ваше благородіе, помогите!“ Управитель обнадеживаетъ проидоху; и когда мать обманутой явилась при немъ въ полицію съ жалобой, то онъ, выслушавъ просительницу, сказалъ: „полно такъ ли? Отвѣтчица мнѣ сказывала, что ей одежда заложена твоею дочерью. Узнай-ко лучше хорошенько да потомъ жалуйся!“ Истица ушла, допросила свою дочь, которая и призналась въ своихъ похожденіяхъ, послужившихъ поводомъ къ дѣлу, возникшему въ февралѣ 1860 года въ градской полиціи.

Въ послѣднемъ, только что разсказанномъ случаѣ, видна явная злонамѣренность. Но, окинувъ бѣглымъ взглядомъ всѣ мудрованія знахарей и въ прочихъ случаяхъ, невольно впадаешь въ раздумье и задаешь себѣ вопросъ: не лучше ли знахарямъ снять съ себя личину заповѣдныхъ таинствъ и пріучать народъ ходить къ себѣ, какъ къ умнымъ, догадливымъ

сосѣдямъ за добрымъ совѣтомъ, чѣмъ быть страшилищами пугливаго воображенія легковѣрныхъ односельцевъ? Не лучше ли бросить затѣйливыя обрядности и дѣйствовать чистосердечно? Но умолкаю. Тяжело пускаться въ мрачныя разсужденія. А душа все-таки хочетъ высказаться, хочетъ сказать прямое, безоглядное слово.

Времена года.

Обыкновенно для обозначенія временъ, года опредѣляютъ средину зимы; средину же зимы узнаютъ изъ наинизшаго паденія ртути въ термометрѣ. А какъ таковое паденіе ртути или спирта наичаще случается около половины января, то и полагаютъ, что половина января есть средина зимы, а начало ея 1-е декабря; опредѣливъ такимъ образомъ зиму, отсчитываютъ соотвѣтственное число мѣсяцовъ и для прочихъ временъ года. Быть можетъ, въ умѣренныхъ и теплыхъ странахъ такое распредѣленіе мѣсяцовъ, весьма удовлетворительно; въ здѣшнемъ же холодномъ краѣ времена года не подчиняются общему правилу; потому что въ 1855 г. клящій морозъ — 35°, былъ въ январѣ; въ 1856 г. — 29° былъ въ февралѣ; въ 1857 г. — 34° въ январѣ; въ 1858 г.—38° въ декабрѣ, а въ 1859 г.— 31° въ январѣ. Изъ этого видно, что самые сильные морозы бываютъ здѣсь не въ одномъ январѣ, но и въ февралѣ и декабрѣ. Хотя наблюденія малочисленны, но если-бъ ихъ было и больше, то и тогда онѣ показали бы тоже, потому что здѣсь зимній путь постоянно начинается около 10 ноября и оканчивается около 10 апрѣля; слѣдственно наибольшую часть года занимаетъ здѣсь зима; весна же и осень бываютъ короткія. Старожилы говорятъ, что нынѣ нѣтъ такихъ морозовъ, какіе бывали въ старину. Смягченію стужи, быть можетъ, способствовала вырубка дремучихъ лѣсовъ.

Годовая температура воздуха, въ теченіе 1855—59 го-

довъ =+0,9; зимы—11,1; весны+1,2; лѣта+12,7; осени+0,7. Жестокіе морозы бываютъ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ; случается, что за клящими морозами наступаетъ быстрая оттепель—бываетъ даже дождь въ январѣ. Жары стоятъ въ іюнѣ и іюлѣ и достигаютъ до+30° въ тѣни. Вѣтры дуютъ съ разныхъ сторонъ по большей части умѣренные; сильные вѣтры бываютъ рѣдко; теченіе вѣтровъ направляется чаще съ юго-запада и юга; бурные же вѣтры набѣгаютъ чаще съ юго-запада и сѣверо-запада. Снѣгъ падаетъ чаще при юго-западномъ и южномъ вѣтрахъ; паденіе снѣга такъ обильно, что толща его въ лѣсу далеко превышаетъ сажень; для рѣдкости же выпадаетъ и въ маѣ мѣсяцѣ; такъ было въ 1855 и 1857 годахъ, а въ 1856 году 3-го августа. Дождь идетъ чаще при юго-западномъ и южномъ вѣтрахъ; какъ рѣдкость, дождь былъ 17-го января въ 1859 году, 4-го декабря въ 1856 и 2-го февраля въ 1855 году, сопровождаясь глухимъ гуломъ отдаленнаго грома. Лѣтнія грозы бываютъ очень рѣдко, не болѣе трехъ разъ въ лѣто, а иногда и совсѣмъ не бываетъ; если же случатся, то при юго-западномъ и сѣверо-западномъ вѣтрахъ съ бурею. Грозы бываютъ рѣдко, потому что погода стоитъ преимущественно пасмурная и перемѣнчивая; ясныхъ мѣсяцовъ только два въ году: іюнь и іюль; выходятъ иногда благопріятными то мартъ, то апрѣль, то май; какъ рѣдкое явленіе, весна и лѣто 1860 года вышли изумительно хороши.

Туманы бываютъ въ январѣ, февралѣ, мартѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ. Зимніе туманы бываютъ столь густы и непроницаемы, что за нѣсколько шаговъ нельзя распознать предметовъ. Въ туманѣ, стелющемся по землѣ, кроются газы: сѣроводородный, хлорный и іодный; хлорный газъ слышится и весной во время отпуска соли изъ магазиновъ; сѣроводородный во всякое время года вблизи завода, а іодный въ тихое лѣтнее утро вблизи колодцевъ, снабжающихъ жителей водою для пищи и питья; на открытомъ воздухѣ онъ издаетъ легкій шафранный запахъ, а въ избахъ, при приготовленіи сусла, удушливый запахъ.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что климатъ здѣсь сырой, холодный и перемѣнчивый. Развитію холода способствуютъ: низменное положеніе мѣста, глинистая почва и дремучіе лѣса, а сырости—обширный и продолжительный разливъ Камы, близость Урала, болота и солевареніе, при дѣйствіи котораго, въ Дѣдюхинѣ и въ смежныхъ съ нимъ промыслахъ, чрезъ выпареніе вываривается около 7,000,000 пудовъ соли въ годъ. Зимой господствуетъ мертвящая стужа; вѣтви деревьевъ отъ верхушки ихъ и до корня, обносятся снѣгомъ, называемымъ *кухтою*. Весна начинается поздно и при наступленіи ея первая оживаетъ ива, за ней береза, а тамъ и прочія деревья. Кромѣ того, наступленіе весны ознаменовывается прилетомъ птицъ и грузкою. Первыми изъ птицъ прилетаютъ лебеди, а тамъ гуси, утки и племя бекасиной породы, изъ коей дуппели, по случаю весенняго наводненія, пролетаютъ далѣе. Не смотря на наводненіе, во время котораго Дѣдюхино буквально погружается въ воду, конецъ апрѣля и значительная часть мая представляютъ самую оживленную картину и кипучую дѣятельность; множество лодокъ разныхъ размѣровъ и очертаній скользятъ по улицамъ наводненнаго Дѣдюхина въ неизчислимыхъ направленіяхъ; тысячи народа толпятся на пристани около соляныхъ магазиновъ; неумолкаемый говоръ оглашаетъ воздухъ, либо громкая пѣсня разряженныхъ гребцовъ роздается стройнымъ хоромъ; всѣ бѣгутъ, всѣ стремятся къ судамъ. Вся эта суматоха проистекаетъ отъ отпуска вывариваемой здѣсь соли въ низовые города имперіи, иль по-просту *отъ грузки*. По нагруженіи всѣхъ судовъ солью, наступаетъ отвалъ каравана, который приготовляется къ отплытію исподоволь и благовременно; пушечные выстрѣлы даютъ знать объ окончательномъ отвалѣ; толпы народа, въ праздничныхъ одеждахъ, любопытными взорами провожаютъ отплывающія въ дальный путь суда. Но этимъ не оканчивается шумное и разгульное состояніе Дѣдюхина, нынѣ пріутихшаго и живущаго преданіями о быломъ и возмущаемаго нѣсколько дѣлежкой, слѣдующей за отваломъ судовъ. Женщины, грузящія соль въ суда

чрезъ *мурью*, работаютъ десятками; по заведенному изстари обычаю, десятницы получаютъ расчетъ отъ поставщиковъ соли гуртомъ по окончаніи грузки и, смотря по заработкамъ, дѣлятъ окончательно деньги по-ровну съ десятчанками, что и называется *дѣлежской*. Въ назначенный день, обыкновенно праздничный, каждая десятница приготовляетъ себѣ домъ къ пріему милыхъ гостей-десятчанокъ; часть заработанныхъ денегъ еще до раздѣла и съ общаго согласія десятка, назначается на угощеніе, состоящее изъ пива, браги, вина, рыбнаго пирога, пельяновъ и орѣховъ; нестройные звуки говора, шума и крика раздаются на каждой улицѣ въ домахъ; насытившись вдоволь и соскучившись въ тѣсныхъ избахъ, гости выходятъ на чистый воздухъ, заводятъ хороводы, поютъ, пляшутъ и тѣшатся до неистовства, ударяя въ желѣзныя сковороды и заслонки.

Послѣ шумной дѣлежки, Дѣдюхино входитъ въ свою обычную колею, погружаясь какъ-бы въ тихую дремоту; но опять оживляется по скатѣ воды. Тогда начинается дѣятельность въ огородахъ, къ воздѣлыванію коихъ, вслѣдствіе долговременнаго разлива Камы, большая часть жителей приступаетъ въ іюнѣ. Въ прежніе годы, по худому урожаю, огородничества въ Дѣдюхинѣ почти не было; оно стало развиваться съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но и по нынѣ овощи родятся плохо; капуста родится тощая и слабкая, а картофель водянистый; огурцы родятся только въ парникахъ и на грядахъ, содержимыхъ съ особенною заботливостію; на противоположномъ же берегу, въ селахъ Орлѣ и Пыскорѣ, овощи родятся лучше и продаются въ Усольѣ и Дѣдюхинѣ.

На Пыскорскихъ гористыхъ мѣстностяхъ растетъ земляника, поспѣвающая около Петрова дня, за земляникой начинаютъ носить княжнику, доспѣвающую вполнѣ около половины іюля; тогда она получаетъ крупность, гранатный цвѣтъ, пріятный вкусъ и нѣжный запахъ; за княжникой поспѣваетъ морошка, черника, малина, смородина, брусника и наконецъ клюква. Изъ земляники, княжники, малины, смородины и рябины приготовляются

варенья и наливки; первенство изъ этихъ лакомствъ остается за княжникой, которая принадлежитъ къ изысканнымъ прихотямъ и угощеніямъ. Ягодницы, собирая ягоды, заслушиваются пѣнія пѣвучихъ птичекъ, а иногда пугаетъ ихъ ревъ медвѣдя. Впрочемъ все дѣло кончается однимъ только переполохомъ и разноголосымъ крикомъ бабъ, ходящихъ и за гу́бами. Иныя же бабы ходятъ на житьѣ въ близлежащія деревни солить гу́бы.

Между тѣмъ наступаютъ сѣнокосы. Сѣнокошеніемъ преимущественно занимаются женщины и косятъ горбушами, нарядившись щеголевато отъ того, что работаютъ другъ-у-друга по зову за поденную плату съ угощеніемъ. Коска горбушами хотя трудна, но выгодна тѣмъ, что скошенная трава ложится тонкими слоями, скоро сохнетъ и черезъ день поспѣваетъ къ греби, если только дождь не помѣшаетъ. Самое благопріятное время для покошенія стоитъ съ 10 до 25 іюля, а тамъ погода начинаетъ измѣняться и выпадаютъ дожди, препятствующіе сушкѣ сѣна и способствующіе порчѣ и гніенію его; уборкѣ сѣна много препятствуютъ еще большія и холодныя росы, падающія въ 7 часовъ по-полудни и подымающіяся въ 9 часовъ по-полуночи, отъ чего гребъ начинается въ 10, а оканчивается въ 6 часовъ. Чтобъ успѣть сгрести сѣно въ благопріятное время, гребельщицъ сзываютъ вдвое болѣе противу коссицъ; иначе застигаетъ вечерняя роса и помѣшаетъ меткѣ сѣна, овлаживъ его собою. Обыкновенно сѣнокосъ, за исключеніемъ казенныхъ и господскихъ луговъ, кончается около 10 августа, а жатва, начавшаяся въ исходѣ іюля, продолжается до сентября и начинается убирка овощей.

Въ сѣнокосѣ Дѣдюхино оживляется преимущественно отъ празднованія Ильина дня, въ который изъ окрестностей стекается народъ попраздничать. Празднованіе Ильина дня установилъ начальникъ Шпаковскій, торжествуя свои имянины и угощая весь рабочій людъ обѣдомъ; въ этотъ день послѣ обѣдни, начинающейся позднѣе обыкновеннаго, бываетъ молебенъ и потомъ крестный ходъ во-кругъ города съ колокольнымъ звономъ

и молебствіями въ разныхъ мѣстахъ, что до г. Шпаковскаго происходило въ Ивановъ день; подобнымъ же образомъ заведено празднованіе Прокопьева дня въ Усольѣ г. Ослоповскимъ. Неизвѣстно—Ослоповскій ли Шпаковскому или Шпаковскій Ослоповскому подражалъ въ такомъ торжественномъ празднованіи своихъ имянинъ? Но нынѣ въ Ильинъ день угощенія для рабочихъ людей отъ начальника не бываетъ, въ Усольѣ же, по преданію, до сихъ поръ продолжается угощеніе всѣхъ промысловыхъ работниковъ на счетъ господъ-заводчиковъ.

Оканчивая эту главу, не лишнимъ считаю упомянуть здѣсь о народномъ календарѣ, по которому селянинъ распредѣляетъ свои домашнія работы и опредѣляетъ время; опредѣленія свои народъ выразилъ приложеніемъ къ имени святыхъ угодниковъ особаго значенія; такъ средину зимы онъ выразилъ Оксиньей полузимницей 24 января, начало оттепѣлей—Василіемъ-капельникомъ 28 февраля; таяніе снѣга—Авдотьей-плющихой 1 марта; вскрытіе рѣкъ—Родіономъ-ледоломомъ 8 апрѣля; выступленіе новой травы — Егоромъ-скотопасомъ, котораго зовутъ и водопасомъ, знаменуя тѣмъ половодіе 23 апрѣля; паханіе залоговъ означаютъ Степаномъ—ранопашцемъ 26 апрѣля; вспашку полей для яровыхъ хлѣбовъ—Еремѣемъ-запрегальникомъ 1 мая; сѣяніе россады—Ориной-рассадницей 5 мая; подножный кормъ—Николою-травнымъ 8 мая, весенніе холода—Сидоромъ-сивиряномъ 14 мая; сѣяніе—льна Оленой-ленницей 21 мая; окончаніе пашки полей—Еремѣемъ-распрегальникомъ 31 мая; наступленіе жаровъ и появленіе овода—Окулиной-сдерихвосткой 13 іюня; теплоту воды—Огрофеной-купальницей 23 іюня; сѣнокосъ—Офимьей-стожарицей 11 іюля; сборъ рѣпы—Никитою-рѣпорѣзомъ 15 сентября.

Хлѣбопашество.

Въ Дѣдюхинской дачѣ нѣтъ хлѣбопашества; да и въ окрестныхъ селеніяхъ оно ведется въ самыхъ малыхъ размѣрахъ.

Такъ въ Пыскорской управѣ приходится по полтора переѣзда (по одной десятинѣ) на душу пахатной земли, а въ Григоровской по одному переѣзду. Такой малый надѣлъ пахатной земли произошелъ частію отъ размноженія народонаселенія, скопившагося на берегахъ Камы, частію же отъ неудобства земель къ хлѣбопашеству, частію же отъ невѣжества; потому-что объ обработкѣ согренниковъ, то-есть, кочновниковъ и объ осушкѣ болотъ дренажомъ и помину нѣтъ. Не смотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, хлѣбопашество здѣсь, въ прежнія времена, было въ большемъ противу нынѣшняго развитіи; потому что въ прежнія времена хлѣбопашествомъ занимались люди, посвятившіе всѣ свои способности воздѣлыванію полей, а потому напрягавшіе всѣ свои усилія къ разведенію хлѣбнаго хозяйства, для чего съ неутомимымъ усердіемъ разчищали глинистую почву отъ кореньевъ вырубленнаго лѣса. Много старанія было приложено и много трудоваго пота было пролито, чтобъ глинистопесчаную почву сдѣлать плодородною; и кто не страшился тяжкихъ трудовъ и не отступалъ передъ трудностями, у того и была пашня, соразмѣрная съ силами и трудолюбіемъ каждаго хлѣбопашца. Но въ 1838 году послѣдовало надѣленіе крестьянъ удобными землями по́-ровну; а потому всѣ пахатныя земли пошли въ общій раздѣлъ и владѣтели обработанныхъ полей должны были разстаться со своимъ достояніемъ, на которое было потрачено столько времени и трудовъ ими и предками. Жалко было хлѣбопашцу разставаться съ отцовскимъ родовымъ участкомъ — да дѣлать было нечего. Надо было уступить общинному праву. Конечно общинное право законно и справедливо, но не менѣе того справедливо и право собственнаго труда; по этому голосъ собственнаго труда имѣетъ, если не бо́льшую, то такую же силу, какъ и общинное владѣніе. Конечно земля принадлежитъ общинѣ, но вѣдь ее обработала и сдѣлала годною къ плодородію не община, а нѣкоторые общники, которые за обработку ея имѣли полное право на вознагражденіе отъ общины, либо отъ общника, получившаго обработанную землю. Но

иной общникъ, получившій обработанную землю, самъ хлѣбопашествомъ никогда не занимался, а ходилъ по срокамъ да бурлачилъ и чрезъ то самое кормился и оплачивалъ подушныя подати; привыкши къ страшному и бурлачному промыслу, онъ съ нимъ освоился и не могъ оставить его частію по обычаю, частію же по неимѣнію собственнаго хозяйства. Такимъ образомъ доставшаяся бурлаку обработанная земля, осталась безъ воздѣлыванія; прежній хозяинъ земли съ горестію смотрѣлъ на заброшенную благодать и горькія слова срывались у него съ языка. Иной бобыль отдаетъ свою землю въ кортомъ изъ-за оплаты подушныхъ податей, слѣдующихъ съ него, а иной и въ кортомъ-то не отдаетъ, отговариваясь: „можетъ, самъ вздумаю пахать.“ Такая отговорка была причиною заброски воздѣлыванныхъ полей; для почина же новыхъ залоговъ у туземцовъ не было и помысловъ объ воздѣлываніи согренниковъ и болотъ, отъ чего хлѣбопашество по Пыскорской управѣ уменьшилось противу прежнихъ годовъ и достаточно лишь для собственнаго прокормленія самихъ хлѣбопашцовъ.

Не въ одной Пыскорской управѣ, но и выше по берегамъ Камы хлѣбопашество малое — и чѣмъ сѣвернѣе подымается Кама, тѣмъ скуднѣе земледѣліе, которое въ Чердынскомъ уѣздѣ доходитъ до такихъ предѣловъ, что крестьяне ѣдятъ хлѣбъ, приготовляемый ежегодно по-поламъ съ древесною корою. На Западъ же отъ Пыскора хлѣбопашество увеличивается замѣтно: такъ около Касиби, отстоящаго отъ Пыскора въ 50 верстахъ оно вдвое болѣе; Касибскій крестьянинъ получилъ въ надѣлъ не полтора, а три переѣзда пахотной земли на душу, и удобряетъ ее навозомъ, возимымъ на поле черезъ два года въ третій, то-есть, въ первый годъ на переѣздъ сѣется рожь, на другой годъ — овесъ, а на третій возится навозъ. Отъ навознаго удобренія рожь на Пыскорѣ родится самъ-восемь и самъ - девять, овесъ самъ - четвертъ и самъ - пятъ; въ Григоровѣ же рожь даетъ самъ - шостъ, а ячмень самъ - третій. Разность Пыскорскаго урожая противу Григоровскаго, проис-

ходитъ отъ лучшаго унавоживанія, получаемаго пыскорцами изъ Дѣдюхина; около котораго хлѣбопашество малое; но къ Югу оно умножается постепенно и значительно—и еще было бы значительнѣй, еслибъ вотчинные крестьяне не отвлекались отъ него на соляные промысла для заводскихъ работъ; весной ихъ требуютъ на сплавъ соли, лѣтомъ на выкладку дровъ, осеньею на сѣнокосы, а зимой на вывозку дровъ. Изъ этихъ повинностей тяжелѣе отзывается на хлѣбопашествѣ сплавъ соли, занимающій много рукъ и продолжающій въ самое нужное для пахаря время. Впрочемъ съ отмѣною крѣпостнаго состоянія, вѣроятно, всѣ эти препятствія устранятся.

Обработка полей на Пыскорѣ для яровыхъ хлѣбовъ начинается 1 мая и оканчивается около 9 того же мѣсяца; для озими въ первый разъ пашутъ около 20 іюня, а во второй около 1 августа. Пашка полей производится сохами, на ноги коихъ садятся желѣзные ральники, между коими, при насадкѣ ихъ на мѣсто, оставляется пустое пространство, равняющееся по всей ихъ длинѣ, поперечнику указательнаго пальца; перья у обоихъ ральниковъ загнуты; одинъ ральникъ рѣжетъ землю, а другой отваливаетъ ее. Боронятъ желѣзною бороной. Жатва, послѣдующая около 1 августа, стоитъ по три рубли съ десятины.

Вліяніе мѣстныхъ условій на здоровье жителей и скота.

Знакомясь съ особенностями соляныхъ мѣстностей, въ тоже время знакомишься съ ихъ полезными и вредными вліяніями на человѣка. Благотворность соляной мѣстности обнаруживается тѣмъ, что нѣкоторыя повальныя болѣзни, развитію коихъ болотно-низменное мѣстоположеніе должно бы было служить обильнымъ источникомъ, не бываютъ слишкомъ жестоки и не влекутъ за собою чрезмѣрной смертности; такъ напримѣръ, тифъ и перемежающаяся лихорадка здѣсь слабы; самая холера,

свирѣпствовавшая въ г. Перми, не коснулась здѣшнихъ мѣстъ. Замѣчательно, что пѣшеходы, заходившіе въ Дѣдюхино изъ холерныхъ мѣстъ, занемогали холерою въ Дѣдюхинѣ, но коренные жители, остались невоспріимчивыми къ ней; между тѣмъ какъ товарищи заболѣвшихъ пришельцовъ, пробираясь далѣе на Сѣверъ, заносили холеру въ Чердынь, гдѣ она дѣйствовала слабо. Тоже самое замѣчается и въ другихъ соляныхъ мѣстностяхъ, а именно: въ Старой-Русѣ, въ свирѣпствованіе тамъ холеры, горожане гибли страшно, а жители Старо-Русскаго солевареннаго завода, остались неприкосновенными; поэтому Старо-Русскіе горожане, пораженные благополучностію заводскихъ людей, толпами стали бѣгать въ заводъ, прося водицы испить, считая городскую воду отравленною; вода же въ заводскіе колодцы пробѣгала по подземнымъ трубамъ изъ той же рѣки Полисти, которая протекаетъ по городу и снабжаетъ горожанъ водою; въ послѣдствіи по особому распоряженію городскаго и заводскаго начальства воду изъ заводскихъ колодцевъ возили въ городъ бочками, прибытіе коихъ къ колодцамъ не перемежалось ни на минуту. Объ этомъ слышалъ я отъ очевидца, дворянина Черкасова, перемѣстившагося изъ Старо-Русскаго солевареннаго завода въ таковый же Дѣдюхинскій. И Солигаличъ не подвергался вторженіямъ холеры. Но если въ соляныхъ мѣстностяхъ не бываетъ холеры, за то въ Дедюхинѣ и Усольѣ случается иногда холерина, зависящая отъ глистъ.

Другая хорошая особенность заявляется тѣмъ, что чахоточные встрѣчаются здѣсь очень рѣдко, а если и попадаются, то развитіе самой чахотки замедляется и даже совершенно останавливается, если только побочныя обстоятельства не способствуютъ тому. Обыкновенно, здѣшніе чахоточные живутъ долго и только отъ своей неосторожности или невоздержности, нѣкоторые изъ нихъ гибнутъ въ молодости. Замѣчательно, что здѣшніе чахоточные часто страдаютъ накожными сыпями, внезапное сокрытіе коихъ влечетъ иногда за собою быструю ихъ смерть. Вѣроятно, нахожденіе сыпи на поверхности тѣла,

служитъ отвлеченіемъ развитія болѣзни въ легкихъ, чему много способствуетъ еще и воздухъ, напитанный іодными парами.

Третіе благопріятное явленіе обнаруживается чрезвычайною рѣдкостію зоба, тогда какъ въ окольныхъ мѣстностяхъ Соликамскаго уѣзда, особенно около села Унгиробъ, зобъ встрѣчается несравненно чаще. Въ 1853 году въ Дедюхинѣ появилось холодное опуханіе шейныхъ железъ, чрезвычайно похожее на зобъ, за который я сначала и принялъ означенныя опухоли: но іодная мазь не уничтожала, а напротивъ воспаляла и увеличивала опухоль; впослѣдствіи я убѣдился, что то былъ не зобъ, а холодная опухоль, происшедшая отъ питья застойной колодезной воды, содержащей въ себѣ іодъ; съ перемѣною воды опухоли проходили сами собою.

Колодезная вода и воздухъ, проникнутый сѣрно-іодными испареніями, благотворно дѣйствуетъ на золотушныхъ дѣтей, вызывая золотуху наружу; а врачебная сила разсола была дознана въ нѣкоторыхъ нервныхъ и ломотно-ревматическихъ страданіяхъ, равно и въ накожныхъ сыпяхъ, а именно: въ долготечномъ воспаленіи позвонковъ, въ чресленной немочи, параличѣ конечностей, въ чесоткѣ, сухомъ лишаѣ и ломотѣ. Можно было бы испытать разсолъ въ прекращеніи привычныхъ потовъ и отдѣленій кожи, въ завалахъ печени и селезенки, сопряженныхъ съ недѣятельностію воротной вѣны, въ брюшномъ полнокровіи и неправильномъ почечуйномъ кровотеченіи. Но такъ какъ между туземцами замѣчаются противуположныя изчисленнымъ страданія — какъ-то: потливость, малокровіе и увяданіе внутренностей, то дѣйствіе разсола можетъ быть испытано не надъ мѣстными, а надъ пріѣзжими больными. Пріѣзжіе страдальцы не найдутъ здѣсь ни покойнаго помѣщенія, ни благопріятной погоды, ни привлекательнаго мѣстоположенія, ни благоустроеннаго водолечебнаго заведенія; по этому здѣшніе разсолы едва ли пріобрѣтутъ когда-либо славу цѣлеб-

ныхъ источниковъ. Развѣ чрезъ сотни лѣтъ, при умноженіи народонаселенія, которымъ бѣденъ нынѣ край.

Но всякая мѣстность, кромѣ хорошей, имѣетъ еще худую сторону, которая выражается здѣсь слѣдующими явленіями.

Солевареніе, усиливая дѣятельность кожи, располагаетъ людей, занимающихся имъ, къ потливости и потной сыпи, которая за-частую случается и у дѣтей. Потливость и потная горячка возникаетъ и у больныхъ, одержимыхъ зудомъ въ кожѣ и лечащихся ворничнымъ паромъ, для этого они ходятъ въ солеварню и прѣютъ въ ней вмѣсто бани. Солевареніе же должно приписать и выступленіе накожныхъ сыпей по тѣлу, встрѣчаемое во всякомъ семействѣ и во всякое время. Существованію скоротечныхъ сыпей много способствуетъ и іодъ, содержащійся въ разсолѣ и колодезной водѣ. Отъ продолжительнаго употребленія іода, Рикоръ видѣлъ разныя скоротечныя сыпи, возникавшія въ больницахъ у венериковъ; существовавшая по Дедюхину въ 1852 году скарлатина поражала дѣтей; купавшихся, въ жаркое время, въ корытахъ съ колодезною водою; а потому таковое купанье было воспрещено. Кромѣ скарлатины, не рѣдкость здѣсь красуха (rubeola), корь и лопуха (varioloides). Онѣ, можно сказать, не переводятся въ Дедюхинѣ, обнаруживаясь въ болѣе или менѣе значительной степени, особенно красуха и корь. У солеваровъ, обращающихся съ разсоломъ, кожа на рукахъ сперва краснѣетъ и саднѣетъ, а потомъ толстѣетъ и трескается. Глаза отъ дыма и ѣдкихъ паровъ краснѣютъ и воспаляются, либо слабѣютъ въ зрѣніи и поражаются куриной слѣпотой, замѣчаемой и у солоносовъ; съ ними же случаются головокруженіе и легкій обморокъ въ солеварнѣ, наичаще въ горной. Куриная слѣпота встрѣчается въ Дедюхинѣ во всякое время года. Продолжительное вдыханіе солеварныхъ паровъ, производитъ сперва раздраженіе въ дыхательныхъ путяхъ, переходящее въ катарръ и въ мокротное удушье съ кровохарканіемъ, которымъ сопровождается и коклюшъ, бывающій у молодыхъ солоносовъ. Кромѣ того

солевары, подвергаясь въ зимнее время, проливному поту въ солеварняхъ и выбѣгая изъ нихъ въ однихъ рубашкахъ или даже безъ рубашекъ на открытый воздухъ для охлажденія, простужаются и получаютъ простудныя болѣзни.

Со вскрытіемъ Камы начинается отпускъ соли во внутрь Россіи; у людей, сопричастныхъ къ этому дѣлу, першитъ въ горлѣ и возбуждается удушливый кашель, либо развивается зѣвная жаба (angina faucium). Ухватчики, набираемые изъ солеваровъ и солоносовъ, перенимаютъ сплавляемые изъ верхокамья варничныя дрова, день и ночь проводятъ на Камѣ и, прозябши отъ холода и сырости, получаютъ ревматизмъ и поносы, которымъ подвергаются и дрововозы, бродящіе осенью подъ непрерывнымъ дождемъ чуть не по колѣно въ грязи и получающіе еще поврежденія отъ подниманія тяжелыхъ ёлтышей на воза, чего не избѣгаютъ и подсолевары при наброскѣ дровъ въ топливо.

Другія вредныя условія мѣстности, заключаются въ низменно-болотномъ мѣстоположеніи, колодезной водѣ, въ продовольствіи и самомъ образѣ жизни туземцевъ.

Низменно-болотное мѣстоположеніе, служа источникомъ гніющихъ испареній, способствуетъ развитію болѣзней гнилостнаго свойства, увеличиваемаго ежегодно широкимъ и продолжительнымъ разливомъ Камы. Ибо по скатѣ полноводья, въ ложбинахъ, занимающихъ цѣлыя улицы, долго держится застойная вода и вонючая грязь; въ самый же разливъ рѣки, многія улицы потопляются такъ, что нѣкоторые жители ежегодно спасаются отъ воды на вышкахъ своихъ домовъ, либо перебираются къ сосѣдямъ, у коихъ домы повыше. Масса воды, покрывающая иногда все Дѣдюхино, доходитъ индѣ до четырехъ аршинъ высоты; послѣ наводненія въ домахъ остается долго сырость и гнилой запахъ; въ окружныхъ же болотахъ застойная и проточная вода въ истокахъ покрывается у береговъ ржавчиной; и туземцы, бродя въ ней, получаютъ рожистныя воспаленія, либо желтые огромные пузыри, наполненные водя-

нистою влагой и влекущіе за собою мокрыя сыпи, въ окружности коихъ кожа бываетъ воспалена на значительное пространство.

Колодезная вода, получаемая изъ 4 и 6 саженныхъ трубъ насосами и бадьями, цвѣтомъ бѣлая, вкусомъ терпкая, индѣ соленая, на ощупь жосткая. Степень солености ея различна; въ иныхъ колодцахъ она такъ солена и душна, что не годится въ пищу, въ другихъ же соленость ея едва замѣтна; при низкой температурѣ, вода изъ хорошихъ колодцовъ ни чѣмъ не пахнетъ, но при нагрѣваніи солнцемъ или огнемъ, издаетъ болѣе или менѣе шафранный запахъ. Запахъ этотъ въ различной степени слышится на воздухѣ лѣтомъ въ сырую и пасмурную погоду, особенно по туманнымъ утренникамъ. Чай, заваренный на застоявшейся весною въ колодцахъ водѣ, имѣетъ вкусъ и запахъ шафрана. Къ изслѣдованію колодезной воды подали поводъ болѣзненныя припадки, замѣченные во вновь прибывшемъ семействѣ, ставшемъ употреблять трубную воду въ пищу и питье. Наблюденія удостовѣрили, что вредное дѣйствіе трубной воды на потребителей, обнаруживается такъ: полость рта и языка дѣлаются какъ бы обваренными; кожица съ нихъ сходитъ; сосочки обнажаются и припухаютъ; въ зѣвѣ и пищепріемникѣ появляются рѣзь и жженіе, подъ ложкой давленіе, а въ кишкахъ колика. Припадки эти скоро проходятъ, лишь больные перестаютъ пить трубную воду, замѣняя ее рѣчною, что особенно замѣчено въ госпиталѣ при леченіи stomatitidis et anginae faucium. Больные эти, получая лекарства на домъ, не имѣли никакого облегченія въ своей болѣзни, и, бывъ оставлены въ госпиталѣ безъ всякихъ лекарствъ, выздоравливали скоро единственно отъ того, что госпитальная пища и питье приготовлялись не на колодезной, а на рѣчной водѣ; нѣкоторые изъ нихъ сообщили мнѣ, что лишь только напьются они трубной воды, то и почувствуютъ щипаніе подъ ложкой и колотье въ бокахъ. Но этимъ не ограничивается вредное дѣйствіе колодезной воды; подъязычные желѣзы опухаютъ со слюно-

теченіемъ, опухаютъ и подчелюстные, иногда до того, что шея становится толще головы и немного не равняется съ плечами. За такими сильными раздраженіями слѣдуетъ и сильное истощеніе, отчего при благопріятномъ исходѣ подчелюстницы шея становится претонкою и железъ нельзя ощупать; отъ этого же обстоятельства зависитъ и маловатость женскихъ грудей, при слабо-развитой груди. Отъ колодезной воды возникаетъ иногда ослабленіе зрѣнія, усиливающееся къ ночи и принимающее видъ куриной слѣпоты: но чаще встрѣчается воспаленіе глазъ, при чѣмъ соединительная оболочка ихъ окрашивается желто-шафраннымъ цвѣтомъ, а кожица впослѣдствіи сходитъ лоскутьями. Это случается съ людьми, умывающимися весною прямо изъ колодца. Разительнѣе же трубная вода дѣйствуетъ на кожу, причиняя сыпи; чаще всего у взрослыхъ замѣчается сыпь въ углей и маленькихъ пупырьковъ, покрывающихъ все тѣло и причиняющихъ нестерпимый зудъ; далѣе слѣдуютъ желтые блѣдношафранные мадежи, потомъ рожистыя воспаленія и скоротечныя сыпи; если рожа поражаетъ лицо, то оно быстро и весьма сильно опухаетъ. Къ дѣйствію же колодезной воды слѣдуетъ отнести и наклонность туземцевъ къ кровотеченіямъ изъ носа, десенъ и горла; испорченные зубы можно видѣть въ каждомъ домѣ, если не у всѣхъ, то у многихъ членовъ семейства. Степень дѣйствія колодезной воды зависитъ отъ степени насыщенія ее іодомъ и отъ сложенія особей; въ одномъ случаѣ она производитъ только слюнотеченіе, въ другомъ присоединяется къ нему кашка, а въ третьемъ развиваются припадки воспаленія, въ четвертомъ нѣтъ ничего, кромѣ излишней влажности во рту.

Въ слѣдствіе ли предчувствія вреда отъ колодезной воды или скорѣй необходимости, проистекающей отъ бѣдности, жители питаются преимущественно мучною пищею, смягчающею жосткость и терпкость трубной воды; хлѣбъ и картофель ихъ любимые яства; каждый изъ туземцовъ потребляетъ ихъ много; а бѣдные только ими живутъ. Такая пища способствуетъ ослизенію кишечнаго канала, умножаемому еще прибавленіемъ гри-

бовъ и вонючихъ соленыхъ сиговъ. Ослизеніе желудка и кишекъ обнаруживается скопленіемъ на языкѣ клейкой слизи, затхлымъ и промзглымъ запахомъ изъ рта, чувствомъ полноты и напряженія подъ ложкой, частою промзглою отрыжкой и слизистою рвотой. Ослизеніе пищевыхъ путей, служитъ источникомъ неправильной выдѣлки крови у жителей и поддерживаетъ распложеніе глистовъ, попадающихъ съ питьемъ колодезной воды; поэтому здѣшнія воспаленія не имѣютъ напряженности и къ излеченію уступчивы, но за то имъ часто наслѣдуютъ омертвѣнія тканей и водянки; даже огневикъ, занимающій четырехъ-вершковую въ поперечникѣ поверхность на спинѣ, не убиваетъ больныхъ, а заживаетъ огромнымъ, безобразнымъ рубцомъ или шадриной, разумѣется, послѣ омертвѣнія.

Но смѣтливость туземцовъ не возвышается до того, чтобъ сколько-нибудь понять и оцѣнить вредъ, проистекающій отъ вышеизложенныхъ условій. Разумъ ихъ, омраченный невѣжествомъ и суевѣріемъ, не ищетъ причины страданій въ нечистоплотности и неряшествѣ, а относитъ къ урокамъ, порченью, призору и подшибу недругомъ. Небреженіе туземцовъ объ опрятности простирается до того, что по улицамъ, въ лѣтнее время, валяются дохлыя кошки и собаки, распространяя индѣ смрадъ; въ домахъ духота и неопрятность; а рубашки на тѣлѣ пропитаны грязью. Нѣтъ надобности разъяснять: чѣмъ и какъ вреденъ такой бытъ жителей для ихъ здоровья! Довольно указать на тьму сыпей, покрывающихъ ихъ тѣло. Конечно, не во всякомъ домѣ встрѣчается грязная картина; есть дома, щеголяющіе чистотой, но такихъ домовъ мало; а чистота улицы постоянно сохраняется только противъ трехъ частыхъ домовъ; и только нынѣ начала распространяться заботливость о чистотѣ въ избахъ. Но обличая народъ въ суевѣріи, нельзя не предположить очень вѣроятной мысли, что разумъ его своими вѣрованіями въ призоры, уроки и порчу, быть можетъ, выражаетъ смутную идею о животномъ магнитизмѣ, для него непонятномъ и требующимъ разъясненія.

Въ слѣдствіе вышеизложенныхъ неблагопріятныхъ условій, между жителями гнѣздится всюду хворость, уносящая немало жертвъ. Бываютъ годы, что смертность превышаетъ число рожденій, отъ чего народонаселеніе увеличивается очень медленно. Перевѣсъ какъ рожденій, такъ и смертности, остается на сторонѣ мужскаго пола, а женскаго пола родится и умираетъ гораздо меньше, въ слѣдствіе сего въ общемъ итогѣ народонаселенія, женскій полъ превышаетъ мужской. Причина тому, кажется, заключается въ томъ, что женщины не подвергаются тѣмъ сокрушительнымъ болѣзнетворнымъ вліяніямъ, какъ мущины изъ разряда солеваровъ, солоносовъ, дрововозовъ и ухватчиковъ; при томъ же женщины нравственнѣе и воздержнѣе мущинъ.

Выше было упомянуто, что у людей, пробредшихъ по истокамъ, образовавшимся изъ болотныхъ водъ, появляются огромные жолтые пузыри; животныя же въ прежнія и недавнія времена, напившись болотной воды либо надышавшись ея испареній, иногда очень скоро издыхали во множествѣ. Явленія, замѣченныя у хворавшихъ лошадей, были слѣдующія: показывалась шишка на груди величиною въ грецкій орѣхъ, которая росла быстро и въ нѣсколько минутъ превращалась въ огромную опухоль, разливающуюся по всей груди; тоже самое время появлялись небольшіе круглые волдыри вдоль дыхательнаго горла къ челюстямъ, въ слѣдствіе чего дыханіе животнаго дѣлалось хрипливымъ — оно падало и въ конвульсіяхъ издыхало, испуская мочу. Болѣзнь шла быстро и продолжалась со времени появленія шишки на груди, четверть, полчаса и много два часа; а иногда захворавшая лошадь почти мгновенно издыхала.

Трупосѣченіе показало, что опухоль сидѣла тотчасъ подъ кожей, въ видѣ жолтаго жира, вздувшагося пузырями, углублявшимися внутрь по дыхательному горлу и большимъ кровеноснымъ трубкамъ; окружившими ихъ на всемъ протяженіи и скучившимися на сердечной сумкѣ, внутри коей находилось

сывороточное изліяніе съ багряною краснотой внутренней поверхности ея; дыхательное горло содержало кровавую пѣну, а разрѣзанныя легкія изливали жидкую кровь; прочія внутренности ничего особеннаго не представляли. Такія же трупныя явленія были находимы и у коровъ.

Трудно рѣшить: снаружи ли во внутрь или на оборотъ развивалась болѣзнь? Впрочемъ я не думаю, чтобъ появленіе шишки на груди, было началомъ болѣзни, скорѣе оно было послѣдствіемъ ея, подобно тому, какъ у людей, бродившихъ въ болотныхъ истокахъ, сперва развивается краснота на ногахъ, а потомъ уже на другой и даже на третій день являются пузыри. Какъ бы то нибыло, вѣрно только то, что въ прежнія времена, падежъ скота приписывался здѣсь сибирской язвѣ. Не ознакомившись съ мѣстностію, я въ іюнѣ 1845 года, при появленіи падежа на рогатомъ скотѣ, не отвергалъ укоренившагося мнѣнія; но въ августѣ того же года, падежъ повторился! Участвуя въ комитетѣ для прекращенія скотскаго падежа и замѣтивъ, что коровы гибли на одномъ и томъ же пастбищѣ, а на прочихъ нѣтъ, я нашелъ необходимымъ огородить мѣсто гибели животныхъ; падежъ прекратился и съ тѣхъ поръ не возобновляется по нынѣ. Была повальная болѣзнь въ маѣ 1857 года, но она зависѣла отъ сѣна, состоявшаго изъ болотныхъ травъ, попорченныхъ при сношеніи дождями, и еще отъ множества личинокъ насѣкомыхъ, попавшихъ съ кормомъ, и отъ глистъ; поэтому противоглистныя средства оказали наилучшее дѣйствіе въ прекращеніи падежа.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JUN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

„БУКИНИСТЪ"
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 602 807 6